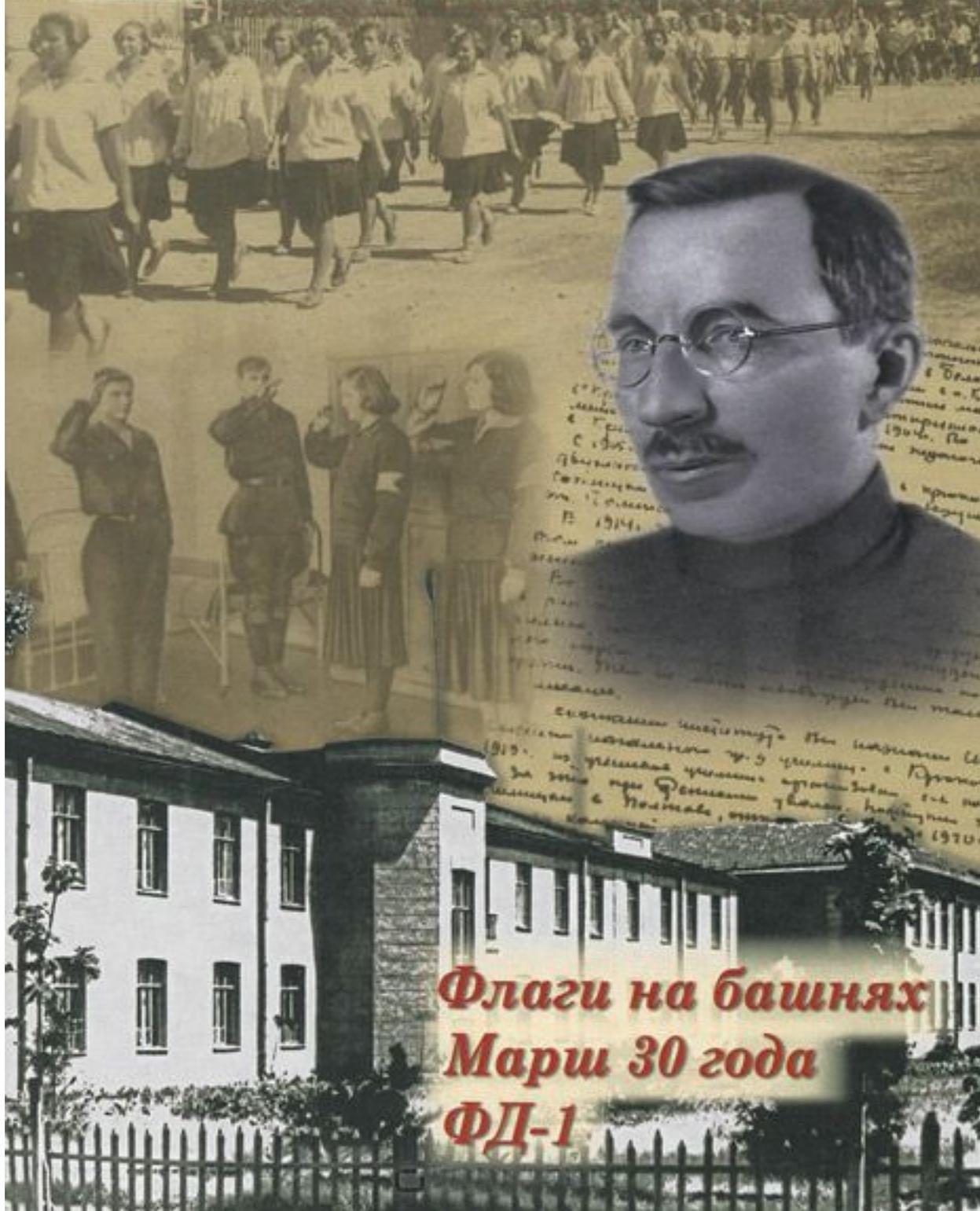

А.С. МАКАРЕНКО

Педагогические поэмы

**Флаги на башнях
Марш 30 года
ФД-1**

**Антон Семенович Макаренко
Светлана Сергеевна Невская
Педагогические поэмы. «Флаги на
башнях», «Марш 30 года», «ФД-1»**

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8657850

*Антон Семенович Макаренко. Педагогические поэмы. «Флаги на башнях», «Марш 30 года»,
«ФД-1»: ИТПК; Москва; 2013
ISBN 978-5-88010-305-8*

Аннотация

В настоящее издание включены художественно-педагогические произведения автора, отражающие его взгляды на проблемы социума, на формирование социально зрелой личности, а также побуждающие читателей следовать социально одобряемым моделям поведения.

Произведения А. С. Макаренко неоднократно издавались с 1934 года, были переведены на многие языки народов мира.

Составителем – доктором педагогических наук С. С. Невской, которая принимала участие в издании восьмитомного собрания сочинений автора, вышедшего еще в 1985 году, – внесены дополнения в ранее опубликованные работы автора на основе архивных материалов и исследований, и в полном объеме настоящее издание выпускается впервые.

* * *

Свидетельством международного признания А. С. Макаренко стало известное решение ЮНЕСКО (1988), касающееся всего четырех педагогов, определивших способ педагогического мышления в XX веке.

Это – Джон Дьюи, Георг Кершенштейнер, Мария Монтессори и Антон Макаренко.

Содержание

От составителя	5
История создания педагогических поэм А. С. Макаренко: «Флаги на башнях», «Марш 30 года», «ФД-1»	5
Флаги на башнях	25
Часть первая	26
1	26
2	29
3	30
4	33
5	34
6	37
7	40
8	44
9	46
10	50
11	53
12	57
13	59
14	66
15	71
16	73
17	75
18	78
19	82
20	86
21	88
22	91
23	94
24	96
25	98
26	100
27	103
28	106
29	108
30	112
Часть вторая	117
1	117
2	121
3	125
4	130
Конец ознакомительного фрагмента.	134

Антон Семенович Макаренко

Педагогические поэмы: «Флаги на башнях», «Марш 30 года», «ФД-1»

К 125-летию со дня рождения Антона Семеновича Макаренко

Издано при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям в рамках Федеральной целевой программы «Культура России (2012–2018 годы)»

© С. С. Невская, составление, вступительная статья, примечания, 2013

© Издательство ИТРК, 2013

* * *

От составителя

История создания педагогических поэм А. С. Макаренко: «Флаги на башнях», «Марш 30 года», «ФД-1»

Историю создания гордого и красивого детско-взрослого воспитательного трудового коллектива А. С. Макаренко раскрыл в «Педагогической поэме», а его триумф и высшую стадию развития изобразил в последнем своем произведении «Флаги на башнях». Эта последняя педагогическая эпопея впервые увидела свет при жизни педагога-писателя. Как роман (!) «Флаги на башнях» был опубликован по частям в 6–8 номерах журнала «Красная новь» за 1938 год.

Недоброжелательные к А. С. Макаренко и его творчеству критики неодобрительно восприняли этот роман. В этом же году книга готовится к отдельному изданию и выходит в свет сразу после смерти автора. В дальнейшем переиздаваться будет именно это отдельное издание и, к сожалению, с новыми редакторскими правками.

Редактор повести «Флагов на башнях» Ю. Лукин во вступительном слове к книге писал: «Антон Семенович Макаренко закончил редактирование текста романа для отдельного издания и написал вступительную главу ко второй части в самом конце марта». Речь идет о главе «Не может быть!». Глава усиливает полемическую заостренность произведения, хлестко бьет по бессмысленным и абсурдным попыткам псевдопедагогов взять под сомнение научно-педагогическую значимость произведения и их аргументацию – «не может быть».

Таким образом, А. С. Макаренко идет на уступки редакции (и критики!): роман превращается в повесть, сокращаются многие фрагменты текста, для второй части пишется новая первая глава «Не может быть!», в третьей части исчезает лирическая глава «На всю жизнь», изменяется тональность описания героев, уничтожаются все ласковые эпитеты, характеризующие колонистов.

О новой главе «Не может быть!» следует сказать особо. В ней А. С. Макаренко (он же персонаж Захаров) высказывает мысль, «что воспитание нового человека – дело счастливое и сильное для педагогики», «что „испорченный ребенок“ – фетиш педагогов-неудачников», но «это больше всего раздражало любителей старого (...) Старое – страшно живучая вещь. Старое пролезает во все щели нашей жизни и очень часто настолько осторожно, умненько выглядывает из этих щелей, что не всякий его заметит. Нет такого положения, к которому старое не сумело бы приспособиться. Казалось бы, что может быть священнее детской радости и детского роста? И все это утверждают, и все исповедуют, но...»¹. А далее автор ставит отточия.

Это был своеобразный ответ литературным критикам, отозвавшимся на публикацию «Флагов» в журнале «Красная новь» (А. Флит «А. Макаренко. Дети в сиропе: Фрагменты „медового романа“»², рецензия А. Рагозина «Флаги на башнях»³, статья М. Лоскутова «Два

---

¹ Макаренко А. С. Педагогические сочинения: В 8-ми т. / Сост.: Л. Ю. Гордин, А. А. Фролов, М. Д. Виноградова. Т.6 – М.: Педагогика, 1983. С.101.

² Литературный современник, 1938, № 12. С.226–227.

³ Литературное обозрение, 1939, № 1. С. 9–14.

писателя»⁴ и др.). Авторы критических статей не верили тому, что идеальный детский коллектив и идеальные отношения в нем возможны. Возьмем, к примеру, высказывание Лоскутова из его статьи «Два писателя»: «Нужно отдать справедливость – мастерство автора «сделало» книгу и держит ее довольно продолжительное время в высокой температуре напряженного читательского интереса, создавая впечатление, что автор «доказал» книгу. Но эта температура нагнетается чисто литературными калориферами. В чудесном саду колонии, созданном автором, шелкают искусственные соловьи. Некоторое время читатель бродит по этому саду, плененный и растроганный красотой пейзажа, чистотой атмосферы, благородством человеческих отношений; здесь родимые пятна капитализма в сознании людей растворяются почти автоматически, в чудесной непреоборимой среде, созданной силой человеческого коллектива. И в этом – ценность, ибо: это книга – творческое перевоплощение некоей авторской мечты, – вид литературного произведения, несомненно, имеющий право на существование».

За что только не ругали А. С. Макаренко: за надуманность и фальшь, утопию, за повествование от третьего лица и т. п.

Существует версия, что будто бы И. В. Сталин, давая согласие на награждение А. С. Макаренко орденом Трудового Красного Знамени (начало 1939 года), сказал: «Пусть пишет свои сказки!»

А. С. Макаренко должен был «отбиваться», выступая публично на диспутах, а также в печати по поводу необоснованной критики «Флагов». Так, в открытом письме Ф. Левину, адресованному в редакцию журнала «Литературный критик», он писал:

«В статье своей Вы вспоминаете: „Наша критика, и автор этих строк в том числе, приветствовали появление «Педагогической поэмы»“.

Давайте уточним. Вы и другие критики „приветствовали“ мою первую книгу... через 2–3 года после ее появления. Между прочим, в вашей статье было и такое выражение:

„...Материал, *столь несовершенный* по своему художественному мастерству...“. Теперь Вы выступили со статьей по поводу „Флагов на башнях“. В этой статье, даже не приступив к разбору мой повести, Вы более или менее деликатно припоминаете, что „некоторые молодые авторы плохо учатся и плохо растут (...)“

Одним словом, Вы продолжаете свою линию, намеченную еще в 1936 г. – линию исключения меня из литературы.

(...) В моей повести „Флаги на башнях“ Вы указываете, собственно говоря, один порок, но чрезвычайно крупный: повесть – это „сказка, рассказанная добрым дядей Макаренко“. Все в ней прикрашено, разбавлено розовой водой, подправлено патокой и сахаринном, все это способно «привести в умиление и священный восторг самую закоренелую классную даму института благородных девиц (...)»

...Вас это страшно возмущает. Вы не допускаете мысли, что такая счастливая детская жизнь возможна в Советском Союзе. Вы думаете, что рассказанное мною – сказка (Лоскутов в „Литературной газете“ думает, что это моя мечта).

...«Флаги на башнях» – это не сказка и не мечта, это наша действительность. В повести нет ни одной выдуманной ситуации, очень мало сведенных образов, нет ни одного пятна искусственно созданного колорита»⁵.

Как отмечено выше, во время подготовки «Флагов на башнях» к новому изданию Антон Семенович сокращает отдельные эпизоды, делает перестановку нескольких глав, объединяет четыре главы в две в первой части, доведя их до тридцати и т. д. Это свидетельствует о том, что к критическим замечаниям своих оппонентов Антон Семенович отнесся со всей

---

⁴ См.: Литературная газета, 1938 г., 15 декабря.

⁵ Макаренко А. С. Педагогические сочинения: В 8-ми т. Т.7. С. 204–205.

серьезностью. В письме редактору «Литературной газеты» Ольге Сергеевне Войтинской А. С. Макаренко пишет:

«Прошу Вас передать т. Мих. Лоскутову мою горячую благодарность за благородный товарищеский тон его статьи „Два писателя“. После заушательства т. Бойма этот тон особенно для меня приятен.

Это вовсе не значит, что я во всем согласен со статьей т. М. Лоскутова. Между прочим, и в романе „Флаги на башнях“ вовсе не отразилась моя мечта. Все описанное в романе есть настоящая советская действительность, почти без выдумки. Как видите, в этом случае повторяется анекдот, известный по главному своему выражению: „не может быть“. Но это, конечно, категория не литературного порядка»⁶.

Итак, новая глава «Не может быть!» – ответ автора критикам. Глава начинается словами: «Колония им. Первого мая заканчивает седьмой год своего существования, но коллектив, собравшийся в ней, был гораздо старше. Его история началась довольно давно, на второй день после Октября, в другом месте, в совершенно ином антураже, среди полей и хуторов старой полтавской степи»⁷. А. С. Макаренко подтверждает документальность событий, описанных в произведении, которые проходили в начале 1930-х годов в коммуне Ф. Э. Дзержинского – в годы ее наивысшего расцвета.

* * *

Сохранившиеся архивные материалы, личная переписка, рукописи А. С. Макаренко позволяют наиболее полно раскрыть историю создания «Флагов на башнях». В «Флагах» повествуется о триумфальном этапе истории славного коллектива, изображенного в «Педагогической поэме».

В 1932–1935 гг. Антон Семенович работает над второй и третьей частями «Педагогической поэмы», первая часть которой с 1933–1934 гг. уже печатается в горьковском альманахе. В письме А. М. Горькому от 26 января 1935 г. он пишет: «Начал третью часть „Педагогической поэмы“, которую надеюсь представить к альманаху седьмому»⁸. Через восемь месяцев (28 сентября) Антон Семенович сообщает Алексею Максимовичу: «Большая и непривычная для меня работа „Педагогическая поэма“ окончена. Не нахожу слов и не соберу чувств, чтобы благодарить Вас, потому что вся эта книга исключительно дело Вашего внимания и любви к людям. Без Вашего нажима и прямо невиданной энергии помощи я никогда этой книжки не написал бы»⁹.

В ответном письме А. М. Горький поздравил Антона Семеновича с окончанием работы: «Дорогой Антон Семенович, третья часть „Поэмы“ кажется мне еще более ценной, чем первые две. С большим волнением читал сцену встречи горьковцев с куряжанами, да и вообще очень многое дьявольски волновало... Хорошую Вы себе „душу“ нажили, отлично, умело она любит и ненавидит»¹⁰.

Следует признать, что помощь А. М. Горького в издании «Поэмы» была поистине бесценной. С выходом книги А. С. Макаренко стал самым читаемым и популярным автором в стране и за рубежом. Издается отдельное издание «Поэмы», готовятся ее переводы на украинский и английский языки.

---

⁶ Там же. С. 200.

⁷ Макаренко А. С. Педагогические сочинения: В 8-ми т. Т.6. С. 98.

⁸ Макаренко А. С. Педагогические сочинения: В 8-ми т. Т. 1. С.262.

⁹ Там же. С. 265.

¹⁰ Там же. С.266.

Смерть А. М. Горького 18 июня 1936 года стала огромной утратой для А. С. Макаренко. Он пишет воспоминания: «Максим Горький в моей жизни» (альманах «Год XIX», кн. 10, 1936), «Мой первый учитель», «Большое горе». Последние две работы опубликованы на украинском языке в том же 1936 году. Дорогие ему письма Алексея Максимовича А. С. Макаренко передает в архив.

Зимой 1937 года А. С. Макаренко переезжает с семьей в Москву. В члены Союза писателей Антон Семенович был принят еще в 1934 году. Теперь же он сотрудник ССП. Работа для него новая, вдали от коммунаров. В Москве он делает первые наброски новой книги о коммунарах. Задумка была проста: продолжить историю горьковского коллектива, прекрасно описанную в «Педагогической поэме», раскрыть историю жизни этого коллектива в условиях серьезного производства коммуны им. Ф. Э. Дзержинского. Было придумано и условное название «Ворошиловцы». 29–30 апреля 1937 г. Антон Семенович составляет обширный список действующих лиц, делает наброски сюжета, отмечает дату и место, где написан тот или иной материал. Так мы узнаем, что в марте-апреле 1938 г. в Малеевке, затем в Москве он работает над общим планом книги, набрасывает эпизоды первой части.

8 это же время А. С. Макаренко пишет сценарий, в котором развивается тема «Ворошиловцев». Сохранилась рукопись, озаглавленная «Колонисты. Роман». Указано время работы над рукописью: 8 января – 18 марта 1938 г. Здесь впервые появляется будущее название книги «Флаги на башнях», но оно является лишь наименованием одной из глав. В архиве хранится машинопись, названная «Флаги на башнях. Роман». В двух машинописных вариантах сохранилась глава «Не может быть!». В конце машинописи указана дата: «Москва-Ялта, 1938 г.». В начале апреля 1938 г. была написана первая часть «Флагов на башнях», в начале мая – вторая, а третья часть была начата в мае и завершена в середине июня в Ялте.

В Ялте произошла встреча А. С. Макаренко с кинорежиссером и сценаристом М. А. Барской. Завязалась крепкая дружба. Они вместе работали над сценарием «Флаги на башнях» для художественного фильма, но этим планам не суждено было осуществиться. Два талантливых человека ушли из жизни в 1939 году.

Следует провести параллель между очерком «Марш 30 года», повестью «ФД-1» (не изданной при жизни автора и частично потерянной), пьесой «Мажор» и «Флагами на башнях».

«Марш 30 года» А. С. Макаренко начал писать осенью 1930 года. В 1932 г. при поддержке А. М. Горького очерк был опубликован в государственном издательстве «Художественная литература». В очерке раскрывается история коммуны им. Ф. Э. Дзержинского с 1927 по 1930-е годы.

В марте-апреле 1932 г. в Москве в гостинице «Маяк» во время своего отпуска Антон Семенович написал повесть «ФД-1». Рукопись он сдал в ГИХЛ осенью 1932 г. Хронологически «ФД-1» продолжила события, изображенные в «Марше 30 года», охватив 1931–1932 гг., когда произошел пуск завода электроинструмента в коммуне.

Над пьесой «Мажор» Антон Семенович работал в 1932–1933 годы.

История написания первого драматургического произведения чрезвычайно интересна. Первый вариант пьесы был написан зимой 1932–1933 года, но в летнем походе 1932 года рукопись была похищена. 19 августа 1933 года А. С. Макаренко пишет Г. С. Салько, с которой он состоит в гражданском браке (в 1935 г. брак был зарегистрирован), что хлопочет об отпуске в сентябре. И добавляет: «Настроение у меня сейчас боевое, хотя и напряженное. В Москве хочу обязательно восстановить пьесу, но я думаю, что и отдохнуть успею. Всякая работа вне коммуны будет уже отдыхом». В следующем письме от 22 августа он пишет: «Для того чтобы вырваться в отпуск в первых числах сентября, мне нужно проделать страшную

работу: все это очень неповоротливые дела – выпуск, прием новых, пуск рабфака. Я работаю, как маховик, и много писать и тебе не буду, не обижайся, пожалуйста»¹¹.

8 сентября А. С. Макаренко уже был в Москве. Этот отпуск изменил всю дальнейшую жизнь педагога-писателя. Здесь состоялась встреча с А. М. Горьким. В этот день в письме Г. С. Салько он сообщает: «Завтра начинаю действовать. Прежде всего, иду к Горькому. Он интересен в двух отношениях: квартира и работа в издательстве. Есть, правда, еще и третье отношение, но не знаю, стоит ли за это браться. Кононенко взял у меня прочитать „Горьковскую колонию“ и прибежал ко мне на другой день в восторге. Все ему нравится, и в особенности язык»¹². «Горьковская колония», «Горьковская история» – это первоначальное название «Педагогической поэмы». Рукопись первой части, написанную еще в 1925 году, Антон Семенович взял в Москву. В письме Г. С. Салько от 19 сентября он сообщает: «Сегодня целый день сижу над Горьковской. Очень жаль, что не могу завтра отнести А. М. все, а придется показать только несколько глав, и то не самые лучшие. Я так напуган неудачей с «ФД-1», что очень мало верю в успех этой книги, но все же работа над нею страшно приятна и вполне заменит мне отдых. Если бы еще скорее дело устроивалось с нашим переездом, я, наверное, мог бы писать лучше»¹³.

Следует сказать, что сын Г. С. Салько Лева, которого Антон Семенович считал своим приемным сыном и заботился о нем, с 14 лет являлся коммунаркомом. В 1933 году вместе с другими коммунарками он поступает в МАИ – Московский авиационный институт. Из письма Антона Семеновича от 26 августа к Г. С. Салько узнаем: «Об уходе официально ничего не говорю – из Москвы будет видно, а то еще и не найдем в Москве квартиры, куда денешься... Лева уезжает завтра, вместе с ним поступили: Илюшечкин, Буряк, Терентюк, Бронфельд, Файнергольц»¹⁴.

В письме с сыну в Москву от 19 августа 1933 года Галина Стахивна сообщает новость: «Итак, мы в Москве. Это дело решенное – раз уж ты там, там и мы. Молодец, Лева, переехал в Москву – и все»¹⁵.

Следует сказать что накануне (10 августа 1933 г.) А. М. Горький писал Антону Семеновичу: «... Не отвечал Вам, ожидая, когда получу возможность ответить конкретным предложением. Но покамест еще не вижу этой возможности и пишу только для того, чтоб Вы знали: письмо Ваше получено мною и о Вашем переводе в Москву я – забочусь»¹⁶.

Это был второй ответ (первый – 30 января) А. М. Горького на письмо Антона Семеновича, отправленного педагогом еще 1 января 1933 года. Об этом письме Макаренко следует сказать особо. Педагог сообщал о тяжелом положении куряжской колонии:

«В прошлом году дзержинцы поставили вопрос об объединении с Куряжем в „дивизию“, но начальство не согласилось. Колония живет плохо, после меня переменилось уже четыре заведующих, глупости там наделали непоправимые, коллектива нет, проходной двор... Там нужна большая работа, все нужно сначала. А если сначала, так лучше уже на новом месте. Ваше имя в Куряже нужно снять»¹⁷.

И в этом же письме Антон Семенович благодарит за высокую оценку «Марша 30 года»:

---

¹¹ Ты научила меня плакать... (переписка А. С. Макаренко с женой. 1927–1939). В 2-х томах /Составление и комментарии Г. Хиллига и С. Невской. Т.2. – М.: Издательский центр «Витязь», 1994. (Серия «Неизвестный Макаренко»). С. 194, 195.

¹² Там же. С. 200.

¹³ Там же. С. 208.

¹⁴ Там же. С. 196.

¹⁵ «Береги себя!!!» Переписка Г. С. и А. С. Макаренко с сыном (1927–1939 гг.) // Составители С. Невская, Г. Хиллиг. – Марбург, 2001. С.40.

¹⁶ Переписка А. С. Макаренко с М. Горьким //Под ред. Г. Хиллига, при участии С. Невской. – Марбург, 1990. С. 76.

¹⁷ Там же. С. 74–75.

«Ваш отзыв перепутал все мои представления о собственных силах, теперь уже не знаю, что будет дальше. Впрочем, к писательской работе меня привлекает одно – мне кажется, что в нашей литературе (новой) о молодежи не пишут правдиво, а я очень хорошо знаю, какая это прелесть – молодежь, нужно об этой прелести рассказывать. Но это очень трудно, для этого нужен талант и еще... время. У меня как будто не было ни того, ни другого. Пишу сразу в чистовку, получается неряшливо, а через каждые две строчки меня „пацаны“ отрывают, писать приходится все в том же „кабинете“.

Поэтому все, что я написал, меня смущало. Сейчас в ГИХЛе лежит моя рукопись „ФД-1“ из истории последних лет коммуны Дзержинского. В редакции относятся к ней очень сдержанно, наверное, она будет издаваться тоже два года, как „М. 30 г.“. А самая дорогая для меня книга, давно законченная, „Горьковцы“, листов на 20, лежит у меня в столе, там слишком много правды рассказано, и я боюсь.

Есть у меня и пьеса. Даже стыдно писать Вам о таком обилии.

Недавно я писал Вам в Москву, наверное, Вы не получили моего письма. В нем я писал и о колонии в Куряже. В московских газетах было сообщение об открытии образцовой колонии им. М. Горького. Я просил Вас поручить эту колонию нам, „горьковцам“. На это дело пошли бы лучшие ребята, выпущенные из колонии в Куряже, теперь педагоги, инженеры, врачи»¹⁸.

Итак, это был ответ Антона Семеновича на письмо писателя от 17 декабря 1932 года. В своем письме А. М. Горький поздравил А. С. Макаренко с выходом книги «Марш 30 года», которая, как и «ФД-1», была написана до появления рукописи второй и третьей частей «Педагогической поэмы». «Читал – с волнением и радостью, – писал А. М. Горький о книге. – Вы очень хорошо изобразили коммуну и коммунаров. На каждой странице чувствуешь Вашу любовь к ребятам, непрерывную Вашу заботу о них и такое тонкое понимание детской души. Я вас искренне поздравляю с этой книгой. Вероятно, немножко напишу о ней»¹⁹.

21 сентября 1933 г. Антон Семенович сообщает Г. С. Салько о встрече с А. М. Горьким:

«Он по-прежнему ласков и высококультурен, но пользы от этого мало. У меня такое впечатление, что он забыл об обещании своего собственного письма „перевести меня в Москву“, а то еще хуже: мне серьезно приходит в голову, что кто(-то) его отговорил помогать мне в этом деле. Очень может быть, что наши письма недаром кем-то читались»²⁰.

Антон Семенович не покидает тревога, он сомневается в успехе: «Когда отдал Максиму „Педагогическую поэму“, и к ней у меня отношение стало безразличное. Почему-то уверен, что она ему не понравится. Он будет искать в ней методики (...) Я очень пожалел, что выбросил из поэмы все педагогические главы, может быть, на них и завоевал бы одобрение»²¹.

Однако опасения А. С. Макаренко были напрасны. Максим Горький не только высоко оценил «Поэму», но организовал ее издание, редактировал рукопись, стимулировал Антона Семеновича на скорейшее написание второй и третьей частей.

В письме Г. С. Салько от 26 сентября Антон Семенович сообщает: «Сижу и звоню Горькому, как мы с ним условились. (...) Дозвонился. Самого нет – в деревне. Отвечает Крючков – буквально: „А. М. передал мне рукопись, которую он прочитал, и письмо для вас. Письмо я сейчас приказываю переписать и завтра передам вам. Завтра заходите к часу дня“.

---

¹⁸ Там же. С. 73–74. В письме речь идет о пьесе «Мажор», которая летом 1933 года во время похода будет потеряна навсегда.

¹⁹ Там же. С. 74–75.

²⁰ Ты научила меня плакать... (переписка А. С. Макаренко с женой. 1927–1939). В 2-х томах / Составление и комментарии Г. Хиллига и С. Невской. Т.2. – М.: Издательский центр «Витязь», 1994. (Серия «Неизвестный Макаренко»). С. 209.

²¹ Там же. С. 210.

Ну, я так и знал. Если бы книга ему понравилась, наверное, просто назначил бы мне свидание, а раз дело ограничивается письмом, значит можно, собственно говоря, и не заходить. Не понимаю только, для чего еще переписывать письмо»²².

Но Антон Семенович ошибся. 26 сентября он сообщает Галине Стахиевне:

«Сегодня у меня счастливый день. От Горького получил рукопись и такое письмо:

„Дорогой Антон Семенович – на мой взгляд «Поэма» очень удалась Вам. Не говоря о значении ее «сюжета», об интереснейшем материале, Вы сумели весьма удачно разработать этот материал и нашли верный, живой, искренний тон рассказа, в котором юмор Ваш уместен, как нельзя более. Мне кажется, что рукопись не требует серьезной правки, только нужно указать постепенность количественного роста колонистов, а то о командирах говорится много, но армии не видно.

Рукопись нужно издавать. Много ли еще написано у Вас? Нельзя ли первую часть закончить решением переезда в Куряж.

М. Горький“.

Петру Петровичу Крючкову поручено устроить издание книги в „Советской литературе“. Мы уговорились с ним, что дней через 15 я ему принесу готовую первую часть.

Вообще это хорошо во всех отношениях.

Сейчас я усаживаюсь за окончание первой части и планирование второй. Понимаю, почему Горькому хочется, чтобы первую часть окончить решением переехать в Куряж. Очевидно, хочет заинтересовать публику с тем, чтобы она с некоторым нетерпением ожидала второй части или, по крайней мере, чтобы вторая часть сама собою подразумевалась.

Для того, чтобы исполнить его желание, придется сделать в первой части больше глав, чем я предполагал, и кое-какие главы перенести из первой части во вторую, чтобы не делать ее слишком куцой»²³.

И еще интересный факт. В письме Антона Семеновича к Г. С. Салько от 29 сентября 1933 г. узнаем следующее:

«Сегодня заходил к Гихл. Говорил с ними на всякий случай об издании „Педагогической поэмы“. Прочитавши письмо Горького, они стали гораздо любезнее и готовы через 10 дней после представления рукописи подписать договор. За печатный лист предлагают 350–400 рублей.

Это только разведка. В Гихл уже потому отдавать не хочется, что за „Марш 30 года“ они мне передали несколько сот рублей, и теперь, конечно, будут выворачивать. Попытаюсь, все-таки пойти еще в „Советскую Литературу“. Да и считаю, что 400 рублей за лист мало»²⁴.

Однако вернемся к пьесе «Мажор». В письме к А. М. Горькому от 26 января 1935 г. Антон Семенович напоминает об их встрече весной 1934 года и о том, что передал пьесу «Мажор, «которая перед тем побывала на конкурсе Совнаркома и удостоилась даже рекомендации». Пьесу одобрили, предложили кое-что исправить и передать для печати в гос. издательство «Художественная литература» (ГИХЛ). Но о ней речь пойдет позже. Успех, пишет Антон Семенович, окрылил его и он написал еще одну пьесу «Ньютоновы кольца». Новую пьесу он посылает А. М. Горькому и приблизительно 8 февраля этого года получает назидательный ответ:

«На мой взгляд, „Ньютоновы кольца“ пьеса интересная и может быть разыграна очень весело, если за нее возьмутся молодые артисты... Но я уверен, что любой режиссер скажет Вам: пьеса – растянута и требует солидных сокращений „по всей длине“ ее текста.

---

²² Там же. С. 218.

²³ Там же. С. 220.

²⁴ Там же. С. 222.

(...) Сударь мой! Мне очень хочется обругать Вас. Вам бы следовало сначала довести до конца „Педагогическую поэму“, а потом уже писать пьесы. А Вы, по примеру литературных юношей, взялись за одно дело и не кончив его, начинаете другое. Первое дело от этого – весьма страдает, а оно – важнее пьес. Значительно важнее!

Ну вот, обругал. Легче мне стало? Увы, нет!»²⁵

В конце февраля А. М. Горький получает ответ:

«Дорогой Алексей Максимович!

Ругаете Вы меня или помогаете, а я все равно не умею так написать Вам, чтобы хотя бы на минутку Вы почувствовали всю глубину и теплоту моей благодарности и любви к Вам. (...)

Спасибо, что обругали. Это у Вас так сильно и ласково выходит, что мне может позавидовать любой мой воспитанник. Секрет педагогического воздействия таким образом еще и до сих пор для меня проблема. Во всяком случае после Вашей проборки мне хочется написать не третью часть „Педагогической поэмы“, а третью часть чего-то страшно грандиозного.

Это, однако, не мешает „жалкому лепету оправдания“. „Педагогическая поэма“ – это поэма всей моей жизни, которая хоть и слабо отражается в моем рассказе, тем не менее представляется чем-то „священным“. Я не могу писать поэму в суতোлке моей работы в коммуне. Для поэмы мне нужен свободный вечер или какое-то уединение. А пьесы я набрасываю в коммунарском кабинете в трехминутных перерывах между деловыми разговорами, выговорами, заседаниями, удовлетворяя писательский зуд, который так поздно у меня разгорелся в значительной мере благодаря Вашему ко мне вниманию. (...) Поэтому даю Вам слово не писать ничего, пока не окончу „Педагогическую поэму“, кстати, конец уже недалеко.

А после „Педагогической поэмы“ я мечтаю не о пьесах, а о таком большом деле: (...) Я хочу написать большую, очень большую работу, серьезную книгу о советском воспитании. (...) Не знаю, как сказать, как благодарить Вас за то, что прочитали „Ньютоновы кольца“. Совесть мучит меня, что я затруднил Вас этой работой, но утешаюсь тем, что в „Ньютоновых кольцах“ тема тоже педагогическая. Ведь теперь перевоспитываются не только дети. В пьесе я и хотел захватить кусочек великого процесса перевоспитания, только выражая его не в „небывалых чудесах“, а в простой „химии“»(...)»²⁶.

28 сентября 1935 года А. С. Макаренко авиапочтой посылает А. М. Горькому третью часть «Поэмы». В сопроводительном письме он пишет:

«Не знаю, конечно, какой она получилась, но писал ее с большим волнением.

Как Вы пожелали в Вашем письме по поводу второй части, я усилил все темы педагогического расхождения с Наркомпросом, это прибавило к основной теме много перцу, но главный оптимистически тон я сохранил.

Описать Ваше пребывание в Куряже я не решился, это значило бы описывать Вас, для этого у меня не хватило совершенно необходимого для этого дела профессионального нахальства. Как и мои колонисты, я люблю Вас слишком застенчиво.

Третью часть пришлось писать в тяжелых условиях, меня перевели в Киев помощником начальника Отдела трудовых колоний НКВД, обстоятельства переезда и новой работы – очень плохие условия для писания, в сутки оставалось не более трех свободных часов, а свободной души ничего не оставалось.

Работа у меня сейчас бюрократическая, для меня непривычная и неприятная, по хлопцам скучаю страшно. Меня вырвали из коммуны в июне, даже не попрощался с ребятами.

Дорогой Алексей Максимович!

---

²⁵ Переписка А. С. Макаренко с М. Горьким // Под ред. Г. Хиллига, при участии С. Невской. – Марбург, 1990. С.90.

²⁶ Там же. С. 91–92.

Большая и непривычная для меня работа „Педагогическая поэма“ окончена. Не нахожу слов и не соберу чувств, чтобы благодарить Вас, потому что вся эта книга исключительно дело Вашего внимания и любви к людям. Без Вашего нажима и прямо невиданной энергии помощи я никогда этой книжки не написал бы. (...) В случае надобности, я думаю, можно выбросить главы „У подошвы Олимпа“ и „Помогите мальчику“»²⁷.

В это время А. М. Горький находился в Тессели, о чем А. С. Макаренко не знал. Но Алексею Максимовичу переслали рукопись, и приблизительно 8 октября 1935 года он информирует А. С. Макаренко:

«Дорогой Антон Семенович!

Третья часть „Поэмы“ кажется мне еще более ценной, чем первые две.

С большим волнением читал сцену встречи горьковцев с куряжанами, да и вообще очень многое дьявольски волновало. „Соцвосовцев“ Вы изобразили так, как и следует, главы „У подошвы Олимпа“ и „Помогите мальчику“ – нельзя исключить.

Хорошую Вы себе „душу“ нажили, отлично, умело она любит и ненавидит. Я сделал в рукописи кое-какие мелкие поправки и отправил ее в Москву»²⁸.

Итак, «Марш 30 года», «ФД-1», главы «Педагогической поэмы», пьеса «Мажор» были написаны в годы работы А. С. Макаренко в коммуне им. Ф. Э. Дзержинского. Именно здесь рождались эти «педагогические поэмы». Материал для написания книг был перед глазами. Завершающим этапом создания «поэм» стала книга «Флаги на башнях».

Напомним, что при жизни А. С. Макаренко вышла в свет только одна его пьеса – «Мажор». Она была направлена на «Всероссийский конкурс на лучшую пьесу». В жюри конкурса входили нарком просвещения А. Бубнов, писатель А. Толстой, режиссер В. Мейерхольд. Пьеса была рекомендована к печати. В 4-м номере журнала «Театр и драматургия» за 1934 г. было отмечено, что в результате конкурса появились новые имена и новые произведения. Была отмечена пьеса «Мажор». Пьеса была опубликована в ГИХЛ в 1935 г. Антон Семенович скрывался под псевдонимом Андрей Гальченко.

События пьесы «Мажор» разворачиваются в 1931 году, когда коммунары приступили к работе на заводе электроинструмента. «Флаги на башнях» освещают жизнь коммуны именно с этого события, то есть после истории, описанной в «Марше 30 года».

Из переписки с А. М. Горьким ясно, что в издательстве долгое время «пролежала» еще одна повесть А. С. Макаренко – «ФД-1», которая так и не была опубликована при жизни Антона Семеновича. Известно также, что повесть эту А. С. Макаренко писал во время отпуска в марте-апреле, который он проводил по обыкновению в Москве – столица его вдохновляла. Жил он в гостинице «Маяк». По свидетельству Г. С. Салько (Макаренко), печатал текст на машинке в трех экземплярах. Рукопись частично была уничтожена самим Антоном Семеновичем. После смерти педагога-писателя Галина Стахивевна сумела соединить уцелевшие страницы, но полностью повесть так и не удалось восстановить. Во «Флагах на башнях» были использованы эпизоды из «ФД-1».

История создания «Флагов» неразрывно связана с личностью и творчеством А. С. Макаренко, с его исканиями, с его напряженной жизнью, которую он полностью посвятил воспитанию Человека!

Из личной переписки Антона Семеновича известно, что жизнь его с марта 1937 года в Москве была столь же напряженной, как и в Киеве, что не хватало общения с коммунарами, с близкими людьми, ему было одиноко. В письме от 6 мая 1937 года бывшему воспитаннику А. С. Сватко он с грустью признается:

---

²⁷ Там же. С. 94–95.

²⁸ Там же. С. 95.

«Спасибо, что вспомнил обо мне, теперь мало кто обо мне вспоминает, не пишет никто, кроме Федоренко да Конисевича, все остальные забыли.

Я тебя очень прошу хоть изредка писать мне, держать в курсе дела, как о Броварах, так и о „дзержинцах“ – хлопцах и девчатах.

Конисевич мне сам написал о своих успехах, но письмо долго за мной ходило, я не знаю, получил ли он мой ответ. Если знаешь его адрес, пожалуйста, напиши мне. Если что-нибудь знаешь о судьбе других хлопцев, и их адреса сообщи. Особенно прошу о последних дзержинцах»²⁹.

В письме от 1 июля 1937 г. бывшему воспитаннику-горьковцу Н. Ф. Шершневу, который по окончании медицинского института работал врачом в коммуне, Антон Семенович пишет:

«Спасибо, что ты героически написал мне, не ожидая моего ответа (...) В твоём письме на первом месте стоит слово „грусть“, одно из самых отвратительных человеческих слов. Такое же противное еще слово „тоска“. Я не люблю их за то, что они в сущности слова фиктивные. Я понимаю такую штуку, как горе, ненависть, отчаяние. Это очень серьезные штуки, и с ними не позорно повозиться. Но, скажи, пожалуйста, что такое грусть? Не могу связать это слово с тобой, человеком молодым, сильным, здоровым, красивым, умным. Да и стоишь ты на интересном рабочем месте организатора – самое лучшее, что можно предложить человеку. (...) Я вспоминаю сейчас свое горьковское время, когда тоже преимущественно требовалось упорство и терпение. Я помню, сколько я тогда „грустил“ в одиночку, а потом оказалось, что это самый счастливый участок моей жизни.

Страшно богатое и настоящее дело устроил ты с коммунарами, хотя я уверен, что оно требует от тебя много энергии и приносит неприятности. Там, в коммуне, сейчас протекает обычный похабный процесс, какой всегда бывает, когда бессильные, бесталанные люди из зависти к другим и из подражания берутся за большое дело. Я уверен, что коммунарские головотяпы понесут и возмездие, все в свое время»³⁰.

Письма Антона Семеновича к бывшим воспитанникам проникнуты отцовской заботой и искренностью. В «Педагогической поэме» и в «Марше 30 года» Н. Ф. Шершнева Антон Семенович изобразил в образе Н. Вершнева. Выпускники пишут ему письма, советуются с ним, называют своих сыновей его именем.

С 1937 года А. С. Макаренко записывает в специальной тетради все, что узнает о коммунарах-дзержинцах, о их жизненном пути, об их заботах и тревогах. Без них ему одиноко, но сведения ему нужны и для «Флагов на башнях». В письме от 14 августа 1938 года к читательнице его произведений учительнице Т. В. Турчаниновой Антон Семенович признается:

«Сейчас очень плохо чувствую себя без ребят, но мало ли приходится по разным причинам плохо себя чувствовать? Приходится делать то, что целесообразно. В течение 16 лет я создал две колонии, и каждая из них была в своем роде хороша, и каждую развалили в момент наибольшей высоты.

До каких же пор можно продолжать подобную работу? Очевидно, что опыт никому ничего доказать не может. Нужно писать. Буду писать как умею, надеюсь, что рано или поздно будет моя победа. Если заинтересуетесь моими писаниями, читайте новый роман «Флаги на башнях», который печатается в журнале „Красная новь“»³¹.

В письме от 6 октября 1938 года Антон Семенович сообщает бывшему коммунару В. Г. Зайцеву о том, что отдельными изданиями должны выйти «Педагогическая поэма» и «Флаги на башнях». «Пиши чаще, – заканчивает свое письмо А. С. Макаренко, – на меня не оби-

---

²⁹ Макаренко А. С. Педагогические сочинения: В 8-ми т. Т.8. С.70–71.

³⁰ Там же. С. 72.

³¹ Там же. С. 83.

жайся. Передай горячий привет ребятам, всем, кто меня помнит. Может быть, летом соберусь к Вам: у меня предстоит командировка в Иркутск, а там уже и к Вам недалеко»³².

Письма свидетельствуют, что, работая над «Флагами на башнях», Антон Семенович поддерживает связь с бывшими воспитанниками. Он пишет книгу о них, его волнуют их судьбы. Он пишет книгу о том, как личность находит себя в коллективе, он формулирует принципиальные положения своей педагогической системы, которую не могли принять «Олимпийцы», все те, кто развалил и погубил созданные им воспитательные учреждения. Достаточно вспомнить весну 1932 года, когда А. С. Макаренко дал согласие оставить пост заведующего и стал исполнять обязанности заместителя по воспитательной части коммуны им. Ф. Э. Дзержинского. В августе 1932 года он пишет члену правления коммуны М. М. Букшпану следующее:

«Второй раз у меня вырывают работу из рук – первый раз в колонии им. Горького в 1927 г., когда наркомпросовские дамы испугались командира, и второй раз, сейчас, когда Кочубиевскому захотелось употребить и дисциплину, и мощь, и культуру нашего коллектива для производственного марафета. В первый раз мне посчастливилось отступить к Вам с отрядом в 60 человек, а теперь и отступать некуда. Кроме того, тогда я был холост, а теперь я связан семьей, с квартирой и прочими сложностями. Только потому я в апреле и согласился сделаться помощником Максимова.

А теперь я вижу, что совершил преступление и перед собой, и перед своим делом»³³.

А. С. Макаренко с грустью и сожалением пишет, что «коммуна направляется к определенному пункту: это завод для несовершеннолетних с общежитием и столовой для рабочих с кое-какой учебной установкой. Для того чтобы держать этих молодых рабочих в повиновении, нужен такой какой-нибудь Макаренко – старший надзиратель. Вот и все. И не заметили того, что самое замечательное, что есть в коммуне, – это коммунарский коллектив. Его не заметили, как не замечают здоровье. А этот коллектив – плод огромной филигранной работы целого десятилетия (...) Только работа этого коллектива над собой, только школа и книга могут определить наше движение вперед. Завод только часть общей работы над коллективом...»³⁴

Находясь в отпуске, Антон Семенович в письме коммунару Черному от 14 апреля 1932 года сообщает: «Благодаря Вашим письмам я знаю все, что делается у нас в коммуне, и задаром не беспокоюсь. Хлопцы наши молодцы, что держат дисциплину и порядок, я за это им страшно благодарен»³⁵.

Жизнь в Москве была также насыщена работой – писательской и лекционной. В письме бывшему воспитаннику Л. В. Конисевичу от 6 октября 1938 года он раскрывает свои писательские планы: «Сейчас тоже много работаю, недавно сдал в печать „Флаги на башнях“, нечто навеянное коммуной имени Дзержинского, вечная ей память. У меня бывает много коммунаров. Вася Ключник бывает у нас почти ежедневно. Были харьковские артисты во главе с Клавой Борискиной, заходят и другие. Народ все правильный, и моя совесть не страдает»³⁶.

Выступая 18 октября 1938 года перед читателями в Ленинградском Дворце культуры им. С. М. Кирова Антон Семенович сообщает о том, как появился замысел «Флагов на башнях», раскрывает свою педагогическую и гражданскую позицию:

---

³² Там же. С. 98.

³³ Там же. С.50.

³⁴ Там же. С. 49.

³⁵ Там же. С. 47–48.

³⁶ Там же. С. 96.

«Я хотел изобразить тот замечательный коллектив, в котором мне посчастливилось работать, изобразить его внутренние движения, его судьбу, его окружение.

Это счастливый коллектив в счастливом обществе. И я хотел показать, что счастье этого коллектива, нередко выражающееся в глубоко поэтических формах, заключается также в борьбе, но не в такой напряженной борьбе с явными препятствиями, с явными врагами, как было в колонии, а в борьбе тонкой, в движении внутренних человеческих сил, часто выраженных внутренними, еле заметными тонами. Все это очень важные и сложные вопросы. Только в коммуне им. Дзержинского я особенно остро понял, почувствовал, что недостаточно охватил еще всю сложность процесса воспитания нового человека.

Этот процесс происходит не только внутри самого коллектива, он происходит во всем нашем социалистическом обществе. Это процессы труда и внутренних отношений, роста самого человека и, наконец, многочисленные чрезвычайно тонкие внутрималышеческие и междуколониетские отношения. Все это я старался показать. (...) Может быть, с такой задачей в произведении „Флаги на башнях“ я и не справился. Решение этой задачи, вероятно, хватит не одному поколению. Но я обратил внимание, что мальчики и девочки в таком коллективе – это прежде всего граждане. И в этом заключается отличие наших детей от детей какого угодно общества. (...) Чем больше гражданский долг связывается с их ростом и воспитанием, тем более полноценные воспитываются из них люди»³⁷.

Галина Стахиевна Макаренко вспоминала, что чужой яркий педагогический опыт Антон Семенович «воспринимал как победу на общем фронте, но в 1938 г. на многочисленном учительском собрании честно сказал: „Такого опыта, как мой, мне не приходилось больше видеть“»³⁸. Высокая оценка деятельности А. С. Макаренко-педагога содержится в воспоминаниях его соратников, близких ему по духу людей.

Чрезвычайно интересную информацию о личности педагога-писателя мы находим в следующих записях Г. С. Макаренко:

«Антон Семенович ревностно оберегал свою внутреннюю творческую лабораторию от постоянного влияния, любопытства и даже слишком настойчивого внимания. Он очень любил неполную строфу Тютчева:

Есть целый мир в душе твоей
Таинственно-волшебных дум.
Их оглушит наружный шум,
Дневные разгонят лучи —
Внимай их пенью – и молчи!..

Никогда не показывал он черновых набросков, предварительных планов, неоконченных вариантов, записных книжек даже самым интимно близким людям. И ссылался на Маяковского, который также не любил и не берег своих черновики. Стоило очень большого труда и времени, чтобы убедить этого исполнительного человека, который, кажется, никогда ничего не забывал, приносить и складывать первые тексты (их, впрочем, трудно назвать черновиками, так они чисто написаны) в отдельный ящик письменного стола. Уже в последние годы в Москве Антон Семенович, изысканно кланяясь, передавал мне очередную связку с веселой шуткой: „Любительнице, хоть бы древних, а то обыкновенных старых бумаг, снисходя к ее слабости“.

Но погибли от этой своеобразной установки драгоценные сейчас 8 первых глав „Поэмы“, так разрознил Антон Семенович замечательный, неопубликованный еще, роман

---

³⁷ Там же. Т. 7. С. 191–192.

³⁸ РГАЛИ, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 487, л. 123.

„ФД-1“, так отдал оба экземпляра сценария о коммуне им. Дзержинского и они исчезли. Он много бывал в коммуне и там писал – уследить за ним было невозможно. (...)

Антон Семенович был человеком непреодолимой рабочей энергии и пафоса труда, и только поэтому, создавая колонию и коммуну, он создал „Педагогическую поэму“ о колонистах-горьковцах и „Флаги на башнях“ – поэму о коммунарах-дзержинцах»³⁹.

Приведенные строки воспоминаний самого близкого Антону Семеновичу человека еще раз подтверждают мысль об его удивительной работоспособности. Он находил время решать любую, даже самую незначительную, на первый взгляд проблему, возникшую у воспитанников. О небывалом педагогическом таланте Антона Семеновича замечательно писал его соратник В. Н. Терский: «В его кабинете или штабной палатке во время похода всегда набивалось много народу – приходили воспитанники и педагоги послушать его, посмотреть, как он работает. Ребята шли в кабинет к Антону Семеновичу, готовы были пропустить любое удовольствие – лишь бы побывать у него. Правда, в кабинете они немедленно превращались в действующее лицо, потому что Антон Семенович мог одновременно, продолжая писать одно из своих литературных произведений, заметить, у кого костюм не в порядке, какой разговор ведут за стенами палатки мальчишки, распорядиться позвать их тут же и разрешить их спор (...) В большинстве случаев влияние (педагогическое) Антона Семеновича выражалось не в разговорах или нотациях. Он не вел продолжительных бесед, а остроумный, точно вскользь брошенной фразой добивался изумительных результатов (...) Антон Семенович был крупным ученым, (...), в частности, он прекрасно, до мельчайших деталей, разработал методику внешкольной работы. Антон Семенович помогал нам составлять военные игры, и сам участвовал в них. Кстати сказать, до сих пор мало обращали внимание на то, что Антон Семенович прекрасно знал историю войн, регулярно выписывал и читал журнал „Военное дело“, умел увлечь и заразить военными играми всех нас»⁴⁰.

Неоценимую до сих пор научную ценность имеют неопубликованные тетради-дневники В. Н. Терского. В одной из тетрадей читаем: «А. С. Макаренко часто подчеркивает необходимость большой смелости педагога, о необходимой для этой работы способности рисковать. Такая необходимость фактически возникает перед педагогом в самой его работе. Далеко не всегда бывает возможность все изучить, все взвесить, а обстоятельства требуют неотложного решения вопроса.

Суворовская трактовка слова *глазомер*, как нельзя более подходит к тому замечательному качеству, которое имел Макаренко. Суворов понимал так: не можешь точно ответить на вопрос, отвечай приблизительно, но не молчи и не заявляй: „Не могу знать“, отвечай как можешь, но отвечай! – Невозможно точно рассчитать силу сопротивления турок в крепости Измаил, силу и связь всех обстоятельств, – оцени все на *глазомер*, но не сиди под крепостью, а бери ее! В этом риск, но если все что можно предусмотрено и подготовлено, все быстро продумано как следует, то это благородный риск, в отличие от глупого риска, который никак не обоснован. Меня с Макаренко роднила наша общая любовь к Суворову и желание следовать его примеру в педагогике. Мы отлично все знали: что такое риск, как понимать глазомер, чтобы действовать без опозданий, вовремя, опережая жизнь коллектива и направляя ее. Но как далек был Макаренко от халтуры! Не менее далек, чем от лженаучного педантизма! Там, где обстоятельства дела позволяли изучать вопрос глубже, основательнее, где время позволяло думать, – никогда не спешил Макаренко с выводами и тем более с действиями; в особенности в последнее время его педагогической деятельности, когда и опыта у него было больше и жизнь коллектива коммуны Дзержинского текла по проторенному уже руслу спокойно и величаво, весело и счастливо. Казалось бы опыт позволял ему увереннее, быст-

---

³⁹ РГАЛИ, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 487, лл. 97–98, 108, 124.

⁴⁰ Терский В. Н. Великий педагог // Сб. А. С. Макаренко. – Львов, 1956. С.135–136.

рее решать всякие вопросы. Но нет! Строже и требовательнее становился художник своего великого дела и к своему труду и к труду своих товарищей и к ребятам. Но никогда требовательность его к другим не превышала его требовательности к себе лично и не превышала его великой заботы о других, заботы, выразившейся не в словах, а в делах»⁴¹.

«Флаги на башнях» можно назвать лебединой песней педагога-писателя. «Флаги» – это гимн завершающему этапу нелегкого педагогического творчества А. С. Макаренко, это победа, триумф его педагогической системы! Название повести-романа символично: флаги на башнях дома-дворца коммуны были видны издали. По воспоминаниям близких людей можно заключить, что эти флаги ассоциировались у А. С. Макаренко с флагами на рыцарских замках средневековья. Не случайно и то, что коммунары-юноши по-рыцарски относились к коммунарам, защищали и уважали их.

Для А. С. Макаренко, брат которого был поручиком в царской, армии, знамя имело колоссальное воспитательное значение. Еще в дореволюционном высшем железнодорожном начальном училище в Крюкове, будучи его инспектором (заведующим), А. С. Макаренко ввел школьное знамя как сильнейший воспитательный символ. Эту идею подсказал брат Виталий Семенович, который в тяжелые 1917–1919 годы был учителем спорта, рисования, математики в училище. В. С. Макаренко в своих воспоминаниях писал:

«Надо отметить, что два года, которые мы провели в Высшем начальном училище... прошли под знаком крайних материальных лишений: власти сменялись чуть ли не каждые 2 месяца (большевики, немцы, вновь большевики, петлюровцы, антоновцы, григорьевцы и пр.) и население было разорено. (...) Я донашивал еще форменную одежду (кроме погон) – да другого у меня и не было. Меня расспрашивали о войне, об окопах, о ранениях и наградах. И как-то незаметно, без определенного плана я старался заниматься с ребятами военным строем. Во время уроков гимнастики, несмотря ни на какую погоду, мы строились во дворе, перестраивались и затем уходили с песнями куда-нибудь в ближайшие окрестности.

После военного строя как-то незаметно вопрос зашел о знамени: почему у нас нет своего знамени? Мы хотим иметь свое знамя! Я им советовал обратиться прямо к А.»⁴².

Виталий Семенович отметил, что сначала Антон Семенович был против, обосновывая отказ словами: «Я не хочу здесь заводить казарму!» Но Антона Семеновича удалось убедить в том, что знамя, как и военный строй, «применяется не только в армии, но и у бойскаутов, и в кадетских корпусах и имеет большое воспитательное значение»⁴³. И вот, вспоминал Виталий Семенович, «в одно из первых весенних воскресений 1918 г., сопровождаемые многочисленными родителями, мы совершили нашу первую военную прогулку со знаменем и оркестром в Деевский лес, в 3-х километрах от училища, где оставались целый день – пели, играли, варили кашу, вообще, провели чудесный день; тогда у А. исчезли последние сомнения относительно полезности военного строя»⁴⁴.

Когда Крюков был занят немецкими войсками, продолжал Виталий Семенович, «знамя было шелковое, белое, окаймленное золотой бахромой. С одной стороны были вышиты инициалы училища и эмблема путей сообщения (кажется, скрещенные топор и якорь). С другой стороны, по настоянию попа, Таня Коробова вышила текст из евангелия: „Так да просветиться свет ваш пред человеком“. (Когда украинцев сменили большевики (в начале 1919 г.),

---

⁴¹ Архив ЦВР им. А. С. Макаренко.

⁴² На разных берегах... Судьба братьев Макаренко. / Сост. и коммент. Г. Хиллиг. М.: Издательский центр «Витязь», 1998. С. 51–53.

⁴³ Там же. С. 53.

⁴⁴ Там же. С. 54.

мы сняли со знамени желтую и голубую ленты и заменили их красными»⁴⁵. Позже заменили его красным знаменем, военные прогулки со знаменем стали регулярными, а к лету 1918 года появился собственный оркестр „в 20 человек музыкантов“».

В колонии (коммуне), возглавляемой А. С. Макаренко, знамя было символом единства всех трудящихся большой страны, символом гражданственности и патриотизма.

В связи со сказанным, следует вспомнить историю, случившуюся с Львом Салько, которого Антон Семенович считал своим приемным сыном и который с 14-ти лет был полноправным коммунарком, не раз избирался командиром постоянного и сводного отрядов. Перед войной Лев Салько окончил Московский авиационный институт (МАИ). В начале ВОВ техником-лейтенантом был направлен из ЦАГИ (где работал) в 19-ый полк, осенью переименованный в 1294 с/п 7-ой Баумановской дивизии народного ополчения (находился на второй линии обороны западнее г. Дорогоуша Смоленской области). 5 октября 1941 г. поступил приказ: всему полку выступать в поход на восток к г. Медынь. 7 октября полк прибыл к с. Знаменка (по шоссе Юхново-Вязьма). Вновь приказ – разворачиваться для принятия боя. Полк должен был прикрыть отступление частей Красной Армии из района г. Юхнов. Полк принял бой. Ночью полковник Разгуляев дал приказ отступать по направлению к г. Вязьмы. По шоссе двинулись к г. Вязьмы. Но пробиться в город не удалось: попали под обстрел. Укрывались в лесу, провели разведку. Двинулись по направлению к ст. Иваново по железной дороге. Утром дошли до шоссе, а там двигались немецкие танки. В лесу полковник Разгуляев передал Льву Салько на хранение 2 полковых знамени и обменял винтовку на ППШ.

9 октября 1941 г. группа (человек 80, присоединялись люди – от 50 до 200) во главе с полковником Разгуляевым вышла по направлению к г. Гданску для соединения с частями Красной Армии. Шли ночью. 19 октября вечером находились в 30 км от Можайска Московской области, а ночью сделали последний переход между селениями Борисово и Ведея возле Можайска и соединились с частями Красной Армии.

Полковник Разгуляев передал отряд на пересыльный пункт в г. Дорохово, а сам со своим полком отправился в Москву. С ним был и Лев Салько. 31 октября 1941 г. прибыли в Москву. Лев отдал здесь Разгуляеву два знамени 1294 полка, которые все это время нес. Знамена были сохранены, что позволяло полковнику Разгуляеву формировать полк. Без сохранения знамени это было бы невозможно. Лев Салько попал на пересыльный пункт и далее был послан в распоряжение ВДВКА, где был зачислен в летно-испытательный отряд ВДВКА, который формировался в г. Саратове.

Сохранилась семейная переписка Льва Михайловича Салько с матерью. В июле 1941 года он с тревогой пишет: «Прошу, умоляю тебя, скорее уезжай из Москвы к нашим. Только это может меня успокоить. Становлюсь на колени и умоляю!!!»⁴⁶ В эвакуации уже находилась беременная супруга Льва – Галина Павловна, в девичестве Смирнова. Ее отец – Павел Петрович Смирнов, военный, во время ВОВ помог вывезти архив А. С. Макаренко из Москвы в Куйбышев.

* * *

Роль знамени в военной истории России была огромной. Верность боевому знамени глубоко заложена в сознании русского народа. А. С. Макаренко, прекрасный знаток истории, понимал, что одной из древнейших традиций нашего воинства является верность боевому знамени. У древних славян выше всех других символов почитались свои знамена. Если офицеры или солдаты оставляли свое знамя, они несли жестокое наказание. Не случайно в

---

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ РГАЛИ, ф. 332, оп. 5, ед. хр. 104.

воинском уставе 1716 записано, что если стоя перед неприятием, «уйдут и знамя свое или штандарт до последней капли крови оборонять не будут, оные имеют шельмовать быть, а когда поймаются, убиты будут».

В «Марше 30 года» А. С. Макаренко писал: «Строевой устав коммуны давно выработан и закреплен, как и полагается для военного устава. Поэтому собраться в поход, построиться и выступить коммуна в случае надобности может в течение трех минут».⁴⁷

В походы обязательно брали знамя. В «ФД-1» читаем: «Вынес четвертый отряд знамя в чехле и замер перед фронтом. С правого фланга отделилась знаменная бригада, под салют оркестра приняли знамя, и вот оно уже на правом фланге во главе нашей белоснежной колонны, чтобы быть там полтора месяца»⁴⁸.

В коммуне избиралась знаменная бригада (или отряд) – это знаменщик и два ассистента с винтовками. Знамя в чехле несли во время всех походов. В начале похода, в торжественные моменты всегда отдается честь знамени. Вот как описывает этот ритуал А. С. Макаренко:

«Все готово. (...) В оркестре подымают трубы, и фанфаристы расцветивают утро красными полотнищами флагов. Волчок настороженно поднимает руку.

– Под знамя смирно! Равнение налево!

Оркестр гремит знаменный салют, все коммунары поднимают руки, перед фронтом замирает Карабанов. Служащие, провожающие колонну, тоже козыряют. Из парадных дверей выходит дежурный по коммуне и с рукой у козырька фуражки «ведет» знамя. Три коммунара бережно и подчеркнуто изящно проносят знамя по фронту и устанавливают его на правом фланге. Знамя держат почти вертикально: если оно без чехла, то оно не развеивается, а красивыми мягкими складками падает на плечи знаменщика, и при движении линии этих складок почти не меняются. Древко только касается плеча, вся тяжесть приходится на руки, а двумя руками держать знамя неприлично. Поэтому быть знаменщиком – дело довольно трудное. (...) Коммунары прямо с развернутого фронта переходят в марш, на ходу перестраиваясь в колонну. Наш постоянный строй по шести, расстояние между рядами просторное – шесть шагов до трех. Командиры взводов впереди, а между взводами интервал шесть шагов.

Гремит радостный марш: начался наш праздник.

Через час колонна подходит к городу. Между высокими домами улицы Либкнехта наш большой оркестр разрывает воздух»⁴⁹.

Культ знамени несет на себе огромную воспитательную силу. У А. С. Макаренко знамя, флаг ассоциировались со стремлениями гордого коммунарского коллектива к новым высотам в учебе и труде. Коллектив всегда стремился к новым высотам, к борьбе за лучшую жизнь. Педагог неоднократно повторял: «Символ единства – знамя»⁵⁰. О знамени Антон Семенович говорил так: «Если знамя стоит в одной комнате и надо его переместить ввиду ремонта в другую комнату, то вся коммуна одевается в нарядные костюмы и в строю переносит знамя. Это не только символизирует любовь к нашей стране, но и четкость работы коллектива»⁵¹.

Не случайно 17-ю главу третьей части своей последней книги А. С. Макаренко называет «Флаги на башнях» (как и название всей книги). В главе показана работа штаба коммунарского соревнования. Антон Семенович приводит диаграммы штаба, рассчитанные на многие годы. Фронты на диаграммах постоянно перемещаются. Например: «Положение на

---

⁴⁷ Макаренко А. С. Педагогические сочинения: В 8-ми т. Т.2. С.80.

⁴⁸ Там же. С.161.

⁴⁹ Там же. С.83.

⁵⁰ Макаренко А. С. Педагогические сочинения: В 8-ми т. Т.8. С. 139.

⁵¹ Там же. С. 183.

фронте на 29 августа. Вчера наш краснознаменный правый фланг нанес последний удар противнику: годовой план швейного цеха выполнен полностью, девочки после короткого штурма взяли правые башни города, на башнях развевается Красный флаг СССР...»⁵². Далее А. С. Макаренко поясняет: «На диаграмме, действительно, было видно: на правой башне развевается красный флаг. Это замечательное событие так долго ожидалось, что просто глазам не верилось, когда оно наступило. Четвертая бригада в продолжение целого дня ходила смотреть на диаграмму: действительно, на башнях стоит маленький, узенький красный флаг и на нем написано: СССР»⁵³.

Вот как воспринимает знамя юный персонаж «Флагов на башнях» Ваня Гальченко: «Знамя колонии им. Первого мая Ваня видел первый раз, но кое-что о нем знал. Знаменщик Колос и его два ассистента не входили ни в одну из бригад колонии, а составляли особую «знаменную бригаду», которая жила в отдельной комнате. Это была единственная комната в колонии, которая всегда запиралась на ключ, если из нее все уходили. В этой комнате знамя стояло на маленьком помосте у затянутой бархатом стены, а над ним был сделан такой же бархатный балдахин»⁵⁴.

Редактор «Флагов на башнях» Ю. Б. Лукин в статье «Педагог и писатель», напечатанной в «Комсомольской правде» 1 апреля 1944 г. (к 5-летию со дня смерти А. С. Макаренко) писал: «Особым благоговением овевя у Макаренко культ Красного знамени, символ и борьба за самые светлые идеалы человечества. Воспоминание о крови наших отцов, окрасившей это знамя, всегда служило у Макаренко могучим дисциплинирующим фактором этики и морали нового человека».

Военизация, за которую так ругали А. С. Макаренко представители «Олимпа», была именно той игрой, которая нравилась всем без исключения колонистам (коммунарам). Военизация по Макаренко – это строжайшая дисциплина, выполнение без пререканий установленных правил коммунарской жизни. Это прекрасная тренировка в самодисциплине, выносливости, ответственности. Продуктивная работа Совета командиров, общих собраний, ответственность командиров за свой отряд, бесчисленные комиссии и дежурства по коммуне, за которые отвечали сами коммунары, учеба, производительный труд на заводе, многочисленные кружки – все это делало коммунаров истинными хозяевами своего родного дома, в котором всегда царила атмосфера радости, благополучия, защищенности. Никаких хмурых лиц, только веселый смех, иногда иронический!

В «Марше 30 года» в главе «Куда мы идем?» читаем: «Вообще говоря, в коммуне выработалась очень сложная и хитрая механика внутренних отношений. Механика наших отношений инстинктивно устанавливается каждым коммунаром. Благодаря этому нам удается избегать какого бы то ни было раскола коллектива, вражды, недовольства, зависти и сплетен. И вся мудрость этих отношений, в глазах коммунаров, концентрируется в переменности состава совета командиров, в котором уже побывала половина коммунаров и обязательно побывают остальные»⁵⁵.

По словам редактора Ю. Б. Лукина, А. С. Макаренко «сумел создать своим коммунарам такую юность, которой могут позавидовать многие дети, воспитывающиеся в семье, и которая решительным образом определила всю их дальнейшую жизнь. Поразительно чуткий педагог, он в своей воспитательной системе нашел интереснейшие методы... коллективного воспитания. В его системе замечательно учтены были детская тяга к военной игре, дет-

---

⁵² Там же. Т. 6. С.288.

⁵³ Там же.

⁵⁴ Там же. С. 172.

⁵⁵ Макаренко А. С. Педагогические сочинения: В 8-ми т. Т.2. С. 38.

ский кодекс чести, строгость детской дисциплины, воспитательное значение образования и квалифицированного труда, яркая реакция психики подростка на оказываемое ему доверие. Он был предельно взыскательным, педантически дотошным в требованиях исполнения его приказов и в то же время по-горьковски верил в человека. Широта его доверия, по рассказам бывших колонистов и коммунаров, прямо-таки потрясала их и была одним из решающих факторов в переломе их психологии»⁵⁶. Антон Семенович «обладал талантом находить дорогу к самому хорошему, что есть у человека. Он уже тогда, в годы лишений и голода, хотел и добивался, чтобы весь мир завидовал его стройным «пацанам» в темных рубашках с белыми воротниками, его прославленным колонистам. Он был страстно, пророчески убежден, что это все будет и уже есть прекрасные люди»⁵⁷.

Следует сказать о том, что знакомство А. С. Макаренко с Ю. Б. Лукиным произошло в самом начале 1930-х годов, когда редактировалась рукопись «Марша 30 года». Любопытное совпадение: Юрий Лукин – первый редактор первого опубликованного художественного произведения Антона Семеновича и последнего – «Флагов на башнях». Молодой в те годы редактор вспоминал: «Когда однажды, сидя в редакции, я услышал вопрос: „Где здесь редакция современной литературы?“ и ко мне обратился пожилой человек в военной шинели, с обветренным суровым лицом и совершенно особенным, несомненно макаренковским, чуть насмешливым, затаенно улыбающимися глазами, я, не задумываясь даже о неожиданности своего вопроса, спросил его: „Вы – товарищ Макаренко?“ Он расхохотался и подтвердил это, удивляясь тому, что был так сразу узнан. Мне кажется, его повсюду бы узнали те, кто читал его книги.

Работать над рукописью Антона Семеновича было очень интересно и весело. Его тонкий ум, вкус и юмор превратили эту сложную, подчас очень утомительную работу в увлекательнейшее занятие – вроде игры в шахматы.

Он много балагурил. Так, например, правя однажды в его кабинете в Лаврушинском переулке текст „Флагов на башнях“, мы обнаружили, что там на каждом шагу герои улыбались и хохотали. Антон Семенович, шуточно сетуя на то, что вот, дескать, автор и редактор не дают молодежи повеселиться, рассказал к разговору, что в одной редакции ему слово „пацаны“ всюду переправили на „парни“. И когда мы кончили работу, он улыбнулся своей удивительно теплой улыбкой и сказал: „Ну вот, теперь всех улыбающихся пацанов повыкидывали, остались одни мрачные... парни с Лаврушинского“». Эти воспоминания («За редактированием рукописи») были опубликованы в Литературной газете в 1941 г. от 6 апреля.

За милым балагурством, вспоминал Ю. Лукин, за блестящими парадоксами, неожиданными сопоставлениями, противопоставлениями, «за внешней игрой блестящего ума открывались глубокие, всегда неожиданные, всегда интереснейшие раздумья и мысли».

Смерть А. С. Макаренко 1 апреля 1939 года была неожиданной для всех. Ю. Лукин с болью и горечью невосполнимой утраты вспоминал, что в день похорон его до глубины души поразили бывшие колонисты и коммунары, теперь военные и штатские: «Они были прекрасны. То душевное богатство, которое он сумел в них воспитать, та особая подтянутость, которой они выделяются в массе окружающих их людей, не давали вам возможности остановить свое внимание на неправильностях лица или фигуры: вас поражало то, что они все красивы. Он был бесконечно прав, утверждая это и описывая их такими».

Запомнилась Ю. Лукину речь бывшего колониста, а теперь военного, о своем учителе и отце: «Он требовал неукоснительного выполнения его распоряжений, но он и глубоко верил в каждого из нас. Он умел найти и раскрыть в человеке самое лучшее, что есть в нем. Он

---

⁵⁶ Лукин Ю. Вступительная статья //Макаренко А. С. Флаги на башнях. – М.: ГИХЛ, 1958.

⁵⁷ Макаренко А. С. Флаги на башнях. – М.: ГИХЛ, 1939. С.5–6.

был великий гуманист. Он отстаивал свои идеи, не отступая ни на шаг, когда считал себя правым»⁵⁸.

Боль неизмеримой утраты отозвалась не только в сердцах воспитанников, соратников и родных. Это была и есть утрата для всех, кому было дорого воспитание молодого поколения, это было общее горе. А как много планировал еще сделать А. С. Макаренко! В день своего рождения 13 марта 1939 года, а ему исполнился 51 год, Антон Семенович торжественно заявлял, что ему нужно еще лет сто прожить, чтобы осуществить все задуманное. К этому обязывал его и орден Трудового Красного Знамени, полученный им за выдающиеся заслуги в области литературы в феврале 1939 года. Заметим, награда получена не за педагогические заслуги!

«Флаги на башнях», последнее произведение Антона Семеновича на педагогическую тему, до сих пор не оценены по достоинству. До сих пор бытует мнение, что колония Первого мая – это утопия. Однако это далеко не так. А. С. Макаренко показал общество трудолюбивых красивых людей, которые творили свою историю, историю своей страны. Педагог выпустил в жизнь трудолюбивых людей, достойных патриотов своей страны, дисциплинированных, ответственных, волевых, мужественных, образованных, целеустремленных, с развитым чувством долга, чести и душевного благородства.

В конце жизни на А. С. Макаренко обрушился шквал критики.

12 марта 1949 года в «Учительской газете» впервые было опубликовано письмо воспитанников А. С. Макаренко, адресованное редактору «Литературной газеты» О. Войтинской и критику Ф. Левину. Письмо было написано еще в апреле 1939 года, сразу же после смерти Антона Семеновича, и подписано письмом С. А. Калабалиным, А. Тубиным, Л. Салько, В. Ключником, Е. Ройтенбергом. Воспитанники Антона Семеновича писали: «Наш долг – долг коммунаров, наследников светлого имени Антона Семеновича Макаренко, долг советских граждан, большевиков партийных и непартийных – вернуть истине свое место. Мы требуем, чтобы гражданин Ф. Левин публично отказался от напечатанной им статьи в „Литературном критике“... Мы требуем четкой большевистской принципиальности в решении этого спора между ушедшим от нас физически, но живым в своем творчестве, в воспитанных им людях Антоном Семеновичем Макаренко и „живым“ критиком Ф. Левиным, который находится по ту сторону нашей жизни, потому что он не любит ее, не способен понять творческих возможностей советских людей. ...Мы во всеуслышание заявляем, что жизнь, описанная в книге А. С. Макаренко „Флаги на башнях“ существовала, что действительно была в Харькове коммуна им. Ф. Э. Дзержинского, названная в романе „Колония Первого мая“, и что мы ее воспитанники. Там действительно был дворец, там была жизнь коллектива, стоящая неизмеримо выше простого общежития неорганизованных ребят. В романе „Флаги на башнях“ показан коллектив, выросший на основе шестнадцатилетнего педагогического опыта А. С. Макаренко, коллектив, впитавший все прекрасное, что дала колония им. Горького. Об этом Вы можете узнать, открыв „Педагогическую поэму“»⁵⁹.

Эти строки свидетельствуют о беззаветной любви воспитанников к своему учителю, заменившему им отца. Это акт, направленный на защиту последней повести А. С. Макаренко «Флаги на башнях».

Выход в свет «Флагов на башнях» отдельным изданием после смерти А. С. Макаренко вызвал горячий отклик у читателей.

В заключение отметим, что на заседании президиума ССП и актива «Литературной газеты» высококую оценку последнему художественно-педагогическому произведению А. С.

---

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ Макаренко А. С. Педагогические сочинения: В 8-ми т. / Сост.: Л. Ю. Гордин, А. А. Фролов, М. Д. Виноградова. Т. 7. М.: Педагогика, 1983. С.292.

Макаренко дали А. Фадеев, К. Федин, А. Караваева. Отчет о заседании был опубликован в «Литературной газете» 26 апреля 1939 года...

* * *

Основой настоящего издания повести «Флаги на башнях» послужил текст, опубликованный в 6 томе «Педагогический сочинений» А. С. Макаренко в 8-ми томах (М., Педагогика, 1983–1986). В данном издании «Флагов» курсивом выделены восстановленные по первому прижизненному изданию⁶⁰ тексты: глава «На всю жизнь!», не вошедшие в отдельное издание фрагменты, предложения, диалоги и отдельные слова. В подстрочных сносках-примечаниях отмечены отдельные варианты слов и выражений, которые соответствуют оригиналу (по журнальной публикации) или редакторской правке к книге.

В основу «Марша 30 года» и «ФД-1» также положен текст, опубликованный во 2 томе «Педагогических сочинений».

«Марш 30 года» сверен по прижизненному изданию (ГИХЛ, 1932 г.). События книги развертываются осенью 1930 года, когда коммуна вернулась из крымского похода. По живым следам А. С. Макаренко пишет книгу и отправляет в редакцию. К сожалению, авторский текст до сих пор не обнаружен. За два года «хождения по мукам» очерк был основательно отредактирован, в таком виде и вышел в свет. Педагог писал повесть, а отредактированный текст, потерявший красоту колоритного макаренковского стиля, скорее стал напоминать очерк. Очерком он и был обозначен в прижизненном издании.

Не менее печальной оказалась и судьба «ФД-1». Являясь прямым продолжением «Марша 30 года», в «ФД-1» события разворачиваются в 1931–1932 годы. Названия этих произведений символичны: в «Марше» коммуна изображена действительно «на марше» – важном переходе от одного этапа своего развития к другому, более сложному. В «ФД-1» заводская марка первой в стране электросверлилки, которую выпустила коммуна, олицетворяет еще один более высокий этап ее развития. К сожалению, при жизни Антона Семеновича «ФД-1» не был опубликован, а рукопись была частично уничтожена самим автором. Отточиями указаны те места книги, которые были потеряны навсегда. Впервые текст книги был опубликован в 1949 году в четвертой книге Избранных педагогических сочинениях А. С. Макаренко.

Читатель впервые по достоинству оценит восстановленные тексты педагогических поэм великого педагога-гуманиста XX века Антона Семеновича Макаренко.

С. С. Невская
Москва, 2013 г.

---

⁶⁰ Журнал «Красная новь», № 6–8, 1938. Тексты проверены также по рукописям. См.: РГАЛИ, фонд 332, опись 1, ед. хр. 15–17.

Флаги на башнях Повесть

Часть первая

1

Человека сразу видно

Началась эта история на исходе первой пятилетки.

*Весна успела покончить только с главными своими врагами: морозом и снегом.*⁶¹ От зимы остались *только корочки льда, и они покорно изнывают под солнцем*, прикрытые от него всяким хламом: соломенным прахом, налетами грязи и навоза. Поношенный булыжник привокзальной площади *тоже* греется под солнцем, а между булыжником просыхает земля, и за колесами уже поднимаются волны новенькой пыли. Посреди площади – запущенный палисадник. Летом в палисаднике распускаются на кустах листья и бывает похоже на природу, сейчас же здесь просто грязно, голые ветки дрожат, как будто на земле не весна, а осень.

От площади в городок ведет мостовая. Городок – маленький, случайно попавший в географию. Многие люди о нем и совсем не знали бы, если бы им не приходилось делать пересадку на узловой станции, носящей имя города.

На площади стоит несколько ларьков, сооруженных еще в начале нэпа. В сторонке – почта, на ее дверях – желтая яркая вывеска. Возле почты скучают две провинциальные клячи, запряженные в перекосившиеся экипажи – линейки. Движение на площади небольшое – больше проходят железнодорожники с фонарями, кругами веревки, фанерными чемоданчиками. Рядок будущих пассажиров – крестьян сидит на земле у стены вокзала, греется на припеке⁶².

В сторонке от них расположился в одиночестве Ваня Гальченко, мальчик лет двенадцати. Он грустит у своей подставки для чистки сапог и щурится на солнце. Подставка у него легонькая, кое-как сбитая из обрезков, видно, что Ваня мастерил ее собственноручно. И припасу у него немного. У Вани чистое, бледное лицо⁶³ и костюм еще исправный, но и в лице и в костюме уже зародился тот беспорядок, который потом будет отталкивать добрых людей на улице и неудержимо привлекать на сцене или на страницах книги. Этот процесс байронизации Вани только-только что начался – сейчас Ваня принадлежит еще к тем людям, которых не так давно называли просто «хорошими мальчиками».

Из-за палисадника, описывая быструю, энергичную кривую, картинно заложив руки в карманы пиджака, щеголяя дымящейся в углу рта папиросой, вышел здешний молодой человек и прямо направился к Ване. Он поддернул новенькую штанину, поместил ногу на подставку и спросил, не разжимая зубов, *которыми продолжал держать папиросу*:

– Желтая есть?

Ваня испугался, поднял *серые* глаза, ухватился за щетки, но тут же увял и растерянно-грустно ответил:

– Желтая? Нету желтой.

Молодой человек обиженно снял ногу с подставки, снова заложил руки в карманы, презрительно пожевал папиросу.

– Нету? А чего ты здесь сидишь?

Ваня развел щетками *и виновато улыбнулся*:

---

⁶¹ Здесь и далее текст, выделенный курсивом, был исключен из отдельного прижизненного издания книги.

⁶² В оригинале «на солнышке».

⁶³ В оригинале «У Вани чистое, бледное личико. По натуре он человек веселый и живой, но сейчас подошла трудная минута».

– Так черная есть...

Молодой человек гневно толкнул носком ботинка подставку и произнес скрипящим голосом:

– Только голову морочите! Черная есть! Ты имеешь право чистить?

Ваня наклонился к подставке и начал быстро складывать свое имущество, а глаза поднял на молодого человека. Он собрался было произнести слова оправдания, но в этот момент увидел за спиной молодого человека новое лицо. Это юноша⁶⁴ лет шестнадцати, худой и длинный. У него насмешливо-ехидный большой рот и веселые глаза. Костюм старенький, но все-таки костюм, только рубашки под пиджаком нет, и поэтому пиджак застегнут на все пуговицы и воротник поднят. На голове клетчатая светлая кепка.

– Синьор, уступите очередь, я согласен на черную...

Молодой человек не обратил внимания на появление нового лица и продолжал с надоедливой внимательностью:

– Тоже чистильщик! А документ у тебя есть?

Ваня опустил щетки и уже не может оторваться от гневного взгляда молодого человека. Раньше Ваня где-то слышал, какое значение имеет документ в жизни человека, но никогда серьезно не готовился к такому неприятному вопросу. *Он смотрит вверх широко открытыми глазами, и в глазах сами собой появляются слезы.*

– Ну? – грубо спросил молодой человек.

– *Документ?* – шепотом переспросил Ваня.

В этот печальный момент на Ваниной подставке опять появилась нога. На ней очень древний ботинок светло-грязного цвета, давно не пробовавший гуталина. Вследствие довольно невежливого толчка молодой человек отшатнулся в сторону, но толчок сопровождался очень вежливыми словами:

– Синьор, посудите, никакой документ не может заменить желтой мази.

Молодой человек не заметил ни толчка, ни вежливого обращения. Он швырнул папиросу на мостовую и, порываясь ближе к Ване, оскалил зубы:

– Пусть документ покажет!

Обладатель светло-грязного ботинка гневно обернулся к нему и закричал на всю площадь:

– Милорд! Не раздражайте меня! Может быть, вы не знаете, что я – Игорь Черногорский?

Наверное, молодой человек действительно не знал об этом. Он быстро попятился в сторону и уже издали с некоторым страхом посмотрел на Игоря Черногорского. Тот улыбнулся ему очаровательно:

– До свиданья... До свиданья, я вам говорю! Почему вы не отвечаете, *черт возьми?*

Вопрос был поставлен ребром. Поэтому молодой человек охотно прошептал «до свиданья» и быстро зашагал прочь. Возле палисадника он задержался, что-то пробурчал, но Игорь Черногорский в этот момент интересовался только чисткой своих ботинок. Его нога снова поместилась на подставке. Ваня весело прищурил один глаз, спросил:

– Черной?

– Будьте добры. Не возражаю. Черная даже приятнее.

Ваня одной из щеток начал набирать мазь. *В его глазах уже нет слез, только на щеке, просыхая на апрельском солнце, слабо блестит влажный след.* Героическое столкновение Игоря Черногорского с молодым человеком нравится Ване, но, *прищурив глаз*, он спрашивает:

– Только... Десять копеек. А у вас есть десять копеек?

---

⁶⁴ В оригинале «парнишка».

Игорь Черногорский растянул свои ехидные губы:

– Товарищ, вы всем задаете такой глупый вопрос?

Ваня рассмеялся громко и покраснел:

– *Глупый? А у вас есть десять копеек?*

Игорь Черногорский ответил спокойно:

– Десяти копеек нет.

Ваня с тревогой приостановил работу:

– А... сколько у тебя есть?

– Денег у меня нет... Понимаешь, нет?

– *Понимаю. Только как же без денег? Без денег нельзя.*

Рот у Игоря удлинился до ушей, и в глазах изобразился любознательный вопрос:

– Почему нельзя? Можно.

– Без денег?

– Ну, конечно, без денег. Ты попробуй. Очень хорошо получится.

Ваня взвизгнул радостно, потом прикусил нижнюю губу. В его глазах загорелось настоящее задорное вдохновение.

– Почистить без денег?

– Да. Ты попробуй. Интересно, как получится без денег.

– А что ж? Возьму и попробую...

– Я по глазам вижу, какой ты человек.

– Сейчас попробую. Хорошо получится.

Ваня бросает на клиента быстрый иронический взгляд. Потом он энергично принимается за работу.

– Ты беспризорный? – спросил Игорь.

– Нет, я еще не был *беспризорным*.

– Так будешь. А в школу ходишь?

– *Понимаешь, не хочется.*

– *Почему?*

– *Не хочется, страшно не хочется. Другим хочется, а мне нет.*

– *Вот как?*

– *Я хочу учиться. Я уже учился. А потом они уехали.*

– Кто? Родители?

– Нет, не родители, а... так. Они поженились. Раньше были родители, а потом...

Ване не хочется рассказывать. Он еще не научился *кокетничать* и с пользой реализовывать в жизни собственные несчастья. Он внимательно заглядывает на потрепанные задники ботинок Игоря.

– Коробку эту сам делал?

– А что? Плохо?

– Замечательная коробка. А где ты живешь?

– Нигде. В город хочу ехать... Так денег нет... сорок копеек есть.

Ваня Гальченко рассказывает все это спокойно. *У него ясный, звонкий голос, очень часто, в самых выразительных местах, повышающийся до писка.*

Работа кончена. Ваня поднял глаза с гордостью и юмором:

– Хорошо получилось?

Игорь потрепал Ваню по русой взлохмаченной голове:

– А ты пацан веселый. Спасибо. Человека, понимаешь, сразу видно.

– *Разве я человек? Мне только двенадцать лет.*

– Поедем вместе в город? – *наклонился к Ване Игорь.*

– Так денег нет... Сорок копеек.

– Чудак. Разве я тебе говорю: купим что-нибудь? Я говорю: поедем.

– А деньги?

– Так ведь ездят не на деньгах, а на поезде. Так?

– Так, – кивнул Ваня, размышляя.

– Значит, нам нужны не деньги, а поезд.

– А билет?

– Билет – это формальность. Ты посиди здесь, я сейчас приду.

Игорь Черногорский достал из кармана пиджака какую-то бумажку, внимательно ее рассмотрел, потом подставил бумажку под лучи солнца и сказал весело:

– Все правильно.

Он показал на здание почты:

– В том маленьком симпатичном домике есть, кажется, лишние деньги. Ты меня подожди.

Он проверил пуговицы пиджака, поправил кепку и направился не спеша к почте. Ваня проводил его внимательным, чуть-чуть удивленным взглядом.

2

Три пирожка с мясом

В кустах станционного палисадника стоит шаткая скамья. Вокруг скамьи бумажки, окурки, семечки. Сюда пришли откуда-то все тот же здешний молодой человек и Ванда Стадницкая. Может быть, они пришли из города, может быть, с поезда, а скорее всего они вышли вот из-за этих самых тощих кустов палисадника. У Ванды калоши на босу ногу, старая юбчонка в клетку и черный жакет, кое-где полинявший и показывающий желтую крашенину. Ванда очень хорошенькая девушка, но заметно, что в ее жизни были уже тяжелые неудачи. Белокурые ее волосы, видно, давно не причесывались и не мылись; собственно говоря, их нельзя уже назвать белокурыми.

Ванда тяжело опустилась на скамью и сказала сонным, угрюмым голосом:

– Иди к черту! Надоел!

Молодой человек дрогнул коленом, поправил воротник, кашлянул:

– Дело ваше. Если надоел, могу уйти.

Он направился к выходу из палисадника. Ванда провожала его медленным, скучным взглядом.

– Ну, дай же что-нибудь! Что ж ты... – крикнула она, когда он должен был скрыться.

Молодой человек остановился. Он хотел как будто оглянуться, но не оглянулся, достал из кармана кошелек, долго в нем искал, облизнул губы, влажно улыбнулся, пожал плечами:

– Есть только двадцать копеек и два пятака.

Он протянул ей деньги, но Ванда не сделала усилия, чтобы взять их. Он положил три монеты на скамейку около Ванды и ушел все с той же влажной улыбкой.

Ванда сонным и тупым взглядом проводила его и сказала негромко про себя:

– Какой... гад!

Держась рукой за спинку скамьи, склонив голову на руку, Ванда не то мечтательным, не то безнадежным взглядом глядела на далекие белые облака. Потом, удобней улегшись щекой на *теплое* сукно рукава, она, не мигая, засмотрелась на переплеты голых кустов палисадника. В таком положении сидела она очень долго, пока рядом с ней не уселся Гришка Рыжиков. Это угрюмый, некрасивый парень. На щеке – заживающая болячка. Фуражки нет, но рыжие волосы причесаны. Новые суконные брюки и заношенная, полуистлевшая рубаша. Вытянув ноги в тапочках и как бы любуясь ими, он спросил:

– Нет пошамать? ⁶⁵

Не меня позы, Ванда сказала медленно:

– Отстань.

Рыжиков ничего не сказал, но, видимо, и не обиделся. *Так* они сидели и молчали еще несколько минут, до тех пор, пока у Рыжикова не устали ноги. Он резко повернулся на скамейке. *Один* двугривенный и два пятака свалились на землю. Не спеша Рыжиков поднял их и разложил на ладони.

– Твой? ⁶⁶

Ванда не ответила, только лицо обратила к далеким облакам. Рыжиков несколько раз подбросил деньги на руке. Сказал задумчиво:

– Три пирожка с мясом.

Продолжая подбрасывать монеты на ладони, он побрел к вокзалу. *Ванда не заметила его ухода, она, вероятно, мечтала.*

3

Добрая бабушка

Игорь Черногорский вошел в помещение почты и огляделся. Комната была маленькая, перегороденная деревянной решеткой. В решетке два окна. У одного – длинная очередь, у другого, где надпись:

«Заказная корреспонденция.

Прием и выдача денежных переводов», —

ожидают всего трое посетителей.

Игорь стал позади сгорбленной, пухлой старушонки и пригляделся к «барышне» за окном. Но это вовсе и не барышня, – сухая и бледная женщина, и лет ей не меньше сорока. Игорь ощупал в кармане свою бумажку и подумал, что барышня, к сожалению, мало симпатична. Соображения о бумажке и «барышне» так его заняли, что он не заметил, как его предшественница в очереди молниеносно закончила свое дело и исчезла.

– Вам что?

Несимпатичная женщина за окном строго смотрела на Игоря.

– Здесь должен быть перевод... до востребования... Игорю Чернявину...

Она забежала сухими пальцами по краям целого отряда переводов, сложенных в ящике.

Выхватила один из них, поднесла к глазам:

– Это – вы?

– Это – я.

– Это вы – Чернявин?

У Игоря в груди пробежал легкий, приятный холодок:

– Собственно говоря, это я.

Женщина посмотрела на Игоря сердито:

– Как вы странно говорите – «собственно говоря!» Вы Чернявин или нет?

– Ну, конечно, я. Какие же могут быть сомнения?

– Покажите ваш документ.

Игорь отвернулся и полез в карман. Мельком взглянул на двери. Двери открыты настежь, за ними свежее небо и прекрасный жизненный простор. Игорь протянул женщине

---

⁶⁵ В оригинале «-У тебя нечего пошамать?»

⁶⁶ В оригинале «-Это твои деньги».

документ. Она прочитала все от первого до последнего слова, глянула на обратную сторону, глянула на Игоря:

– Здесь написано, что вы командуетесь в областной отдел связи. А почему вы у нас получаете деньги?

– А я... так сказать, проездом...

– «Так сказать»... Сколько же вам лет?

– Восемнадцать...

– Да не выдумывайте!

Игорь улыбнулся смущенно:

– Что же я могу поделать, если я такой... моложавый...

– Я спрошу у заведующего...

Она направилась к узенькой двери в углу. За спиной Игоря о чем-то зашептались в очереди. Открытая дверь потянула его к себе неудержимо, *он прошептал*:

– *Ох ты, черт!*

Оглянулся: в очереди – больше женщины... пожилой рабочий довольно сонного вида. Игорь поставил локоть на полку и принял рассеяннo-скупающий вид.

– Чернявин? Вы где живете?

Не снимая с полки локтя, Игорь неохотно повернул лицо. Заведующий небрит и тоже несимпатичен.

– Что?

– Вы где проживаете? В каком городе?

– В Старосельске.

– А почему сюда адресованы деньги?

– Это не ваше дело, – произнес Игорь со скукой.

– Как это не мое дело?

– Абсолютно не ваше.

– Я в таком случае денег не выдам.

Заведующий произнес эти слова решительным голосом, но бумажка дрожит у него в руке, а глаза неуверенно присматриваются к Игорю. Тоже – физиономист!

Игорь Чернявин высокомерно улыбнулся:

– В таком случае позвольте мне жалобную книгу.

Заведующий всеми пальцами потер небритую щеку:

– Жалобную? А что вы будете записывать?

– Я запишу, что вместо денег вы предлагаете мне глупые вопросы...

– Молодой человек! – закричал заведующий.

Но закричал и Игорь:

– Глупые вопросы! Почему сюда выслали деньги? Это не ваше дело, почему! Может быть, они высланы на мои похороны. А может быть, на мою свадьбу! Я должен вам объяснить почему? Давайте или деньги, или жалобную книгу!

В очереди засмеялись. Игорь оглянулся: очередь была на его стороне. Одна из женщин сказала с горечью:

– Вот они всегда такие. Чего куражиться над бедным мальчиком. Родители, может, выслали.

Заведующий стоял, думал над бумажкой.

– Отпускай там скорей, чего нас держишь? – закричали в очереди.

– Хорошо, – произнес заведующий с угрозой, – я деньги выдам. Но я запрошу Старосельск.

– Будьте добры, синьор, запросите.

– Выдайте им, – распорядился заведующий.

И вот Игорь Чернявин стоит на крыльце. В одной руке у него деньги, в другой – старосельский документ. Игорь вытянул губы⁶⁷ и *прошептал*:

– Родители, может, прислали...

На душе у Игоря радостно. Над площадью бродят праздничные облака, станционный палисадник дышит полной грудью и собирается нарядиться в зелень. У стены вокзала сидят крестьяне и с удовольствием ждут поезда. Подальше над своей подставкой сидит Ваня Гальченко и смотрит в сторону Игоря. Игорь отделил белую кредитку и положил в наружный карман пиджака. Остальные деньги аккуратно задвинул подальше, – есть такой карман у самого голого тела. Он направился к Ване:

– Приветствую тебя, труженик!

Ваня поднял к Игорю улыбающееся лицо. Игорь достал из наружного кармана белый кредитный билет, встряхнул им в воздухе, торжественно сказал:

– Вот тебе, мальчик, за то, что помог мне в тяжелую минуту.

Ваня испуганно вскочил⁶⁸ с большого серого камня, на котором сидел. Его глаза⁶⁹ удивленно заострились. Он осторожно взял бумажку.

– *Ого! Это десять рублей. Ой, ой, ой!*

Игорь, улыбаясь, наблюдал: на деньги Ваня сначала смотрел серьезно, потом серьезно-недоверчиво, потом поднял на Игоря лукаво-понимающие глаза:

– А теперь какая минута?

– Теперь такая минута, что ты можешь купить себе гуталина – желтого, красного, зеленого и оранжевого.

Ваня радостно взвизгнул:

– А для чего зеленого?

– Ну, представь себе такой случай: подходит к тебе крокодил.

Ваня пришел в восторг:

– Крокодил? И говорит: пожалуйста, у вас есть зеленая?

– Ну да. А ты отвечаешь: «А как же...»

– А почему так: то не было денег, а то сколько денег!

Ваня смотрел на Игоря серьезно, но в его внимательных серых глазах плясали настояренные веселые точки.

Игорь ответил несколько в нос:

– Чудак. Всегда так бывает: нет денег, а потом есть. И у тебя так: сначала не было, а теперь – десять рублей.

– *А где ты взял? Получку получил, да?*

– Нет, это бабушка узнала, что я в тяжелом положении, и прислала мне сто рублей.

– Сто рублей?

Игорь громко смеется. Смеется и Ваня. Но чрезвычайно дельный вопрос приходит ему в голову:

– У бабушки не может быть ста рублей. Бабушка ведь не работает. Это, наверное, дедушка?

– Пускай дедушка. Только знаешь что? Давай о родственниках после поговорим. А сейчас купим шамовки и подумаем, как нам добраться до города Лондона.

Ваня не стал спрашивать и удивляться. Он деловым движением, напрягая губы, сложил десятку и спрятал в карман. Потом расставил ноги в коротких штанишках и в исправ-

---

⁶⁷ В оригинале «рот».

⁶⁸ В оригинале «подскочил».

⁶⁹ В оригинале «глазенки».

ных ботинках, пошевелил пальцами и бросил на свое производство взгляд сверху. Быстро присел, сложил в ящик щетки и коробки, прихлопнул крышку, взялся за ремень.

И вот ящик постукивает у Ваниного бока. Идя рядом с Игорем, Ваня спрашивает лукаво:

– *А если я не хочу в... Лондон. А хочу... в Сен-Франциско?*

– *В Сан-Франциско? С удовольствием, – ответил Игорь, – хороший город.*

4

Оригинальные приключения Рыжикова

Пирожки были сочные и вкусные, но одним движением челюстей они превращались в нежный невесомый комок, который проглатывался почти без ощущения, – только аппетит просыпался по-настоящему.

На угрюмом лице Рыжикова это отразилось усиленным блеском глаз и острой внимательностью ко всему окружающему.

У кассы стояла очередь. Окно кассира было еще закрыто, но перед окном собралось уже человек двадцать. *Некоторые фигуры заслуживали внимания Рыжикова:*

Это была опасная провинциальная очередь тех лет – все скромные, трезвые, бедные люди. Самым выдающимся лицом в очереди был невысокого роста человек в зимней бекеше, воротник и карманы которой были обшиты серым барашком. Но за ним стояла обозленного вида худая женщина из тех, которые дрожат за свое место в очереди, как будто в этом месте уж такое большое счастье. За нею *стояли* тоже женщины, и все простого звания. Деньги они зарыли под юбки или за пазухи, да и какие у них деньги? У черненькой аккуратной девчонки деньги зажаты в кулаке, крепко держит, *видно, как напрягаются мускулы.*

Эта станция и эта очередь плохо приспособлены для удачной операции. Люди здесь осторожные, деньги у них небольшие⁷⁰, и за деньги они держатся обеими руками. И лица у них скучные: билетов здесь на всех хватает, никто не волнуется и не может забыть о своих деньгах.

Рыжиков вспоминает вокзал большого города. Правда, там есть неудобства: милиционеры, стрелки и другие строгости. Каким-то чудом, невзирая на деловую походку Гришки и его пассажирскую физиономию, они умеют узнавать самые сокровенные мысли и даже документов не спрашивают, а говорят просто:

– Ну, молодой человек, пойдем со мной!

Зато какой там пассажир – в большом городе! Какие там волнения, какие чувства, сколько там настоящей жизни! Целый день человек бродит между кассовыми окошками, торчит перед справочным бюро, расспрашивает носильщиков, пассажиров. Целые ночи просиживает на вокзале. Кто попроще, раскладывается на полу и спит так крепко, что не только деньги, душу можно вытащить незаметно. Кто покультурнее, те, конечно, не спят, те бродят, мечтают... Билеты там покупаются дорогие, далекие, в карманах покоятся бумажники, черные, коричневые, пухлые.

Кто может быть счастливее человека, только что получившего билет в вокзальной кассе? Он стоял в очереди, он ссорился с ее нарушителями, он трепетал, ожидая, что нехватит билетов, он жадно прислушивался к невероятным разговорам и слухам. И вот он, радостный, еще не веря своему счастью, бредет в толпе по вокзальному залу и читает билет дрожащими глазами, он забыл обо всем: о жене, о начальнике, о своем чемодане, о своем бумажнике, который так берег в очереди...

---

⁷⁰ В оригинале «малые».

Рыжиков вдруг оживился. За последней женщиной стал в очередь *заросший* волосатый мужчина в стареньком пиджаке. Сапоги у него хорошие – вытяжки, на шее шарф зеленого цвета, а брючной карман приятно рисуется⁷¹ точным, хорошего размера прямоугольником.

Рыжиков не спеша направился к очереди и стал за пиджаком. Внимательно присматриваясь к какой-то рекламе, он повернулся к пиджаку боком, и в следующий момент его два пальца ощутили бугристый угол бумажника. Гришка потянул вверх, бумажник неслышно пошел, еще мгновение и... шершавая лапа жадно ухватила руку Рыжикова, и против его глаз очутилось испуганно-перекошенное лицо:

– Ах ты, сволочь какая! Ну, что ты скажешь!

Рыжиков рванулся в сторону – неудачно. Он *тоже* закричал общепринятым обиженно-угрожающим голосом:

– Чего ты пристал? Смотри!

– Где я эту руку поймал?

– Чего ты хватаешь?

– Нет, стой, голубчик!

Неожиданным, резким движением Гришка выдернул⁷² руку и бросился к двери на перрон. Через платформу и ближайšie пути он перемахнул, почти не касаясь земли, и нырнул под товарный состав. Под другой. Присел, оглянулся. На перроне топталось несколько человек. Плеч и голов он не видел, но сразу узнал вытяжки, а рядом с ними полы серой шинели и блестящие узкие сапоги. Услышал тот же взволнованный голос:

– Ах ты, какой бандюга!

Шинельный подол пошел волнами, и начищенные сапоги двинулись вперед, спрыгнули с перрона. Рыжиков, мелькая тапочками, побежал вдоль товарных составов к стрелкам. На душе у него было тяжело, но зато аппетит прошел⁷³.

5

Завтрак в саду

В руках у Игоря две французские булки, колбаса и банка варенья. Еще на вокзале он сказал Ване:

– Здесь все пропитано железнодорожными бактериями. Давай лучше позавтракаем в саду. Там есть такая миленькая скамеечка.

Но, войдя в палисадник, они увидели на миленькой скамеечке Ванду Стадницкую. Она сидела, положив голову на руку, вытянутую по спинке скамейки, *смотрела на небо и мечтала*. Игорь воскликнул:

– О! Это купе занято!

Он на носках обошел мечтательную фигуру Ванды, сначала подозрительно покосился на калоши, надетые на босу ногу, но когда очутился против ее открытых серых глаз, обратился к ней серьезно, без улыбки:

– Мадемуазель, вы разрешите позавтракать в вашем присутствии?

Его учтиво склоненная фигура, застегнутый до воротника пиджак и ярко начищенные ботинки произвели на Ванду приятное впечатление. Грустная *и мечтательная*, она все же разрешила себе привычно-кокетливую ужимку и даже чуть-чуть улыбнулась:

– Пожалуйста!

Игорь со сдержанным оживлением сказал:

---

⁷¹ В оригинале «отдает».

⁷² В оригинале «вывернул свою».

⁷³ В оригинале «пропал».

– Мерси.

Ванда удивленно оглядела мальчиков и подвинулась на край скамейки. Облака перестали ее занимать, она занялась более прозаическим пейзажем привокзальной площади. Игорь быстро разложил на скамейке закуску, уселся на другом конце. Ваня прогремел ящиком, поставил его на землю, уселся за скамейкой, как за столом, сводя плечи в предвкушении завтрака. Игорь разрезал колбасу и спросил:

– Ваня! А как мы будем варенье есть? Пальцами?

Ваня завертел головой, оглядел палисадник:

– А мы... такие... ложечки сделаем... из дерева. Ножиком.

– У вас нет ложечки, миледи? – обратился Игорь к Ванде.

Он произнес это чрезвычайно вежливо, таким тоном, каким пользуются только самые изысканные путешественники, обращаясь друг к другу в купе международного вагона. У Ванды блеснули глаза от удовольствия, но, во-первых, очевидно было для самого неиспытанного глаза, что у нее нет никаких вещей, – она имела вид пассажира без багажа, во-вторых, от колбасы исходил чарующий запах. Ванда проглотила слюну и ответила с жеманной обидой:

– Ну что вы? Какие у меня ложечки?

– Серебряные, – приветливо пояснил Игорь.

Ванда ничего не ответила, снова протянула руку по спинке скамейки, обратилась к облакам. Но в ее глазах уже нет прежней грустной мечтательности.

Ваня держит в руке половину французской булки, он решительным рывком головы откусывает от нее большие куски, а колбасу берет с бумажки осторожно двумя грязными пальцами. Прodelывая все это, он то и дело поглядывает на Ванду. Он не замечает ни ее босых грязных ног, ни безобразной копны волос. Он видит только ее нежную розовую щеку, наружный уголок глаза, выгнутые темные ресницы.

От своего куска булки Ваня отломил горбушку, положил на нее два ломтика колбасы, протянул Ванде. Ванда не заметила этого, и Ваня вопросительно посмотрел на Игоря. Игорь ест с увлечением, работает руками, зубами, ножиком. Но быстро между делом, он кивает Ване в знак одобрения и свободной рукой треплет его по плечу. Ваня, немного поколебавшись, легонько прикоснулся к колену соседки. Она повернула к нему голову, хотела улыбнуться кокетливо, но не вышло – улыбнулась просто, благородно и не спеша начала есть, отщипывая булку мелкими кусочками. Все это произошло в полном молчании. Покончив с нарезанной колбасой и принимаясь снова резать, Игорь спросил деловито, не глядя на Ванду:

– Вы куда едете, синьорита?

Ванда отвернулась к вокзалу, перестала жевать и сказала скучливо:

– Я не знаю.

Ваня громко захохотал.

– *Как так не знаешь? А мы знаем! Мы едем в Сан-Франциско!*

– *Это далеко? – спросила Ванда из вежливости.*

Ваня раскатился смехом еще сильнее.

– *Четвертая остановка, – ответил Игорь.*

– *Не четвертая, а шестая.*

– *Ну, шестая.*

– Поедем с нами, – предложил Ваня весело, поворачиваясь к Ванде на своем ящике. –

Поедем? Тебя как зовут?

– Ванда.

– О! Вот это да!⁷⁴ Ванда!

---

⁷⁴ В оригинале «Какое имя!»

– Это польское имя.

– Поедем! Там у него дедушка и бабушка, – Ваня иронически сверкал глазами и следил за Игорем, принимающим его иронию с дружеским добродушием.

Но Ванда почему-то ничего не ответила на буйную радость Вани. Она положила на скамью недоеденный кусок булки, сказала почти растерянно, опираясь руками на край скамьи:

– Я не знаю... куда поехать⁷⁵...

Игорь пристально глянул на нее и занялся банкой с вареньем. Оживление Вани вдруг исчезло. Он с недоумением присмотрелся к Ванде, глянул на Игоря, как будто в выражении его лица искал ответа. Игорь замычал какую-то песенку, поставил банку на скамью и сказал строго:

– Ты, Ванда, поедешь с нами, а там видно будет.

Вот теперь Ваня все понял. *Он взял Ванду за руку, и она ответила ему чуть слышным пожатием, но на Игоря посмотрела испуганно*⁷⁶:

– Я не знаю...

– Ты не знаешь, а я знаю. Сейчас придет поезд, – сядем в купе, все обсудим.

Ваня воззрился на Игоря: *какое купе? Ванда покорно ответила тонким шёпотом, немного срывающимся на стон*⁷⁷:

– Хорошо.

В этот момент из-за кустов выглянул Рыжиков. Оглядел компанию, выдвинулся вперед, остановился, тупо засмотрелся на еду. Ванда метнула в Рыжикова ненавидящий взгляд. Игорь засмеялся:

– У тебя неприятности⁷⁸, Рыжиков?

Рыжиков ничего не ответил.

– Ешь, – предложил Игорь, – я всегда говорил: воровское дело самое невыгодное. Тебя сегодня били? Я видел, как ты засыпался.

– Убежал, – прохрипел Рыжиков и принялся за еду.

– И то счастье! Это ужасно глупо. У каждого человека две руки, и каждый старается схватить тебя руками, – Игорь брезгливо вздрогнул, – это глупо! Надо так делать, как я.

– Бабушка, да? – спросил Ваня...

– Бабушка – почта. Присылает тебе записочку: дорогой Игорь, будьте добры, придите, пожалуйста, и, ради Бога, возьмите сто рублей. А если не придешь – вторая записочка: какое безобразие, почему вы не берете сто рублей? Пожалуйста, возьмите.

Рыжиков отвернулся обиженно:

– Записочку... *Тебе хорошо говорить*⁷⁹, когда ты грамотный.

– А если ты неграмотный – иди работать. А то – в карман! Что может быть глупее?

– *А я вот грамотный, а буду работать, – запищал Ваня и поднял руку вверх.*

– *Во! Работник! Откуда ты такой? – Рыжиков мазнул Ваню рукой по губам. Ваня вскочил с подставки, вытер губы, гневно посмотрел на Рыжикова. Ванда задумалась над чем-то своим.* Игорь запустил кусок булки в банку с вареньем:

– Работать – это тоже не плохо. Многие одобряют.

---

⁷⁵ В оригинале «Мне некуда ехать».

⁷⁶ Редакторская правка: «Но Ванда посмотрела на Игоря испуганно».

⁷⁷ Редакторская правка: «замолчала».

⁷⁸ В оригинале «неудача».

⁷⁹ Редакторская правка «конечно».

6 В купе

Через степь бежит длинный товарный поезд. На одной из платформ стоит накрытый брезентом трактор. На краю брезента, спускающегося с трактора, спит Ванда, свернувшись калачиком. Игорь Чернявин сидит около ее ног, обнял руками свои колени и рассеянным взглядом посматривает по сторонам. Рыжиков, расставив ноги в тапочках, стоит против него. Ваня спустил ноги с платформы и *мирно* любитесь степью, широкой дорогой, ползущей рядом, курганами на горизонте, первой весенней зеленью.

Выехали вчера вечером, долго укладывались спать, было холодно. Потом залезли под брезент, копошились там и ежились, наконец заснули. Под брезентом еще и тем хорошо, что на остановках ничьи любопытные взгляды не беспокоили пассажиров и никто не мешал спать. Игорь Чернявин, засыпая, сказал:

– Это самое лучшее купе, никакой давки и тесноты, свежий воздух и никто не говорит глупостей: предъявите ваши билеты!

Утром проснулись рано и вылезли из-под брезента в хорошем настроении. Только на больших станциях снова пользовались его гостеприимством, но уже не в качестве спального места, а исключительно для того, чтобы не волновать поездной прислуги. А потом Ванде захотелось поспать на солнышке.

Рыжиков молчал, молчал, наконец спросил:

– Зачем *ты* Ванду потащил в город?

– А тебе какое дело? – Игорь прищурил на Рыжикова глаза, может быть, потому, что из-за Рыжикова над крышей соседнего вагона поднималось чистое, словно умытое, солнце.

– Значит, есть дело.

– В городе что-нибудь найдем. Работу или что...

– Ты не хочешь работать, а ей нужно?

Рыжиков сказал это в упор, он лез в ссору.

– А ей нужно, – спокойно сказал Игорь, отвернулся от Рыжикова и покровительственно посмотрел на Ванду⁸⁰.

С края платформы убежденно-весело отозвался Ваня:

– Люди все работают. Кругом все работают.

Он медленным, круглым движением показал на степь. На далеком поле, действительно, что-то делали люди, разобрать было трудно, только яркими пятнами играли на солнце белые рубахи.

Рыжиков сказал, глядя туда:

– Ну и пусть! Наплевать на твоих людей.

Ваня поднял лицо, приоткрыл зубки, присмотрелся к Рыжикову улыбающимися глазами, протянул:

– И никто не крадет.

Рыжиков закричал на Ваню:

– Ты, пацан, замри⁸¹, пока в рожу не схватил⁸²! *Много ты понимаешь!*

Ванины зубки так и остались открытыми, но глаза потеряли улыбку, насторожились.

– А за что?

---

⁸⁰ Далее редакторская правка «– Люди все работают, – с края платформы отозвался Ваня».

⁸¹ В оригинале «замолчи».

⁸² В оригинале «не дал».

Игорь произнес в нос:

– Месье, в рожу можете только с моего письменного разрешения.

Рыжиков медленно навел на Игоря через плечо угрюмо-угрожающие глаза:

– С твоего разрешения?

– И притом письменного... Подайте мне заявление...

– Какое заявление?

– О том, что вы желаете заехать мне в рожу.

Рыжиков оживился, направился к Ване:

– Интересно! Интересно, как выйдет без разрешения.

Ваня испуганно стрельнул взглядом, быстро на руках вскочил, бросился к Игорю. Рыжиков протянул руку, чтобы поймать Ваню, но как-то так случилось, что Игорь стал между ними. Рыжиков не успел даже бросить на Игоря презрительный взгляд, не успел протянуть руку для защиты. Стремительный кулак Игоря Чернявина направился как будто в лицо Рыжикова, но с ног его повалил неожиданный удар в живот. Рыжиков свалился прямо на спящую Ванду. Ванда проснулась, вскрикнула в испуге:

– Ой! Что такое? Чего ты?

Игорь спокойно улыбнулся:

– Не беспокойтесь! Рыжиков спать хочет. Уступите спальное место. *Ваня выглядывал из-за спины Игоря и серьезно, внимательно присматривался к Рыжикову:*

– *Как ты его ударил?*

Ванда брезгливо обернулась к Рыжикову, но сейчас же и улыбнулась: вид скривившегося Рыжикова, очевидно, ей понравился.

– Ты его побил, да? За что?

Рыжиков приподнялся на локте, выпятил толстые губы. Рыжие космы в беспорядке спадали на лоб, почти закрывая наглые зеленые глаза.

– Ты чего скалишься? Он за тебя заступаться не будет⁸³.

Заложив руки за спину, Ванда покачала головой:

– А может, и будет!

– *Смотри, Ванда!*⁸⁴ – Рыжиков вскочил на ноги, сжал кулаки.

Игорь улыбнулся, положил руку на плечо Вани, сказал в сторону, почти нехотя, скучно:

– Имейте в виду, сэр, в этом купе вы пальцем никого не тронете.

Рыжиков засунул руки в карманы, ухмыльнулся:

– Ты, наверное, не знаешь, кто она такая?

Игорь посмотрел на Рыжикова удивленно:

– А что такое?

– Ты, может, думаешь, *что она вот такая барышня?* Сказать, какая ты есть?

Ванда, ненавидяще, наморщила красные, припухшие от сна, губы...

– Пошел ты к черту! Жаб! Ну и говори! Все вы – сволочи!

Рыжиков обрадовался:

– Ха! Она же проститутка! Понимаешь, какое дельце?

Ваня вытянул к Игорю вдруг заострившееся лицо:

– *Что? Что?*

Ванда медленно пошла к краю платформы, подняла воротник жакета, втянула в воротник восторженную голову. Игорь, *гневный*, двинулся к Рыжикову, но Рыжиков захохотал и, ловко перепрыгнув на другую сторону платформы, спрятался за трактором. *Игорь звонко сказал ему вслед: – Там и сиди, покажешь нос, выкину на шпалы.*

---

⁸³ В оригинале «– Ты чего зубы показываешь? Он тебя защищать не будет».

⁸⁴ Редакторская правка «Ты...»

Ваня еле успевал следить за происходящим⁸⁵. *Он бросился, было, посмотреть, что делает Рыжиков, но передумал, подошел к Ванде, осторожно прикоснулся к ее локтю:*

– Ванда, что он такое сказал? Как это?

Игорь легонько оттолкнул Ваню. Глядя в пол платформы, он спросил:

– Он правду сказал?

Ванда быстро повернулась, ответила с прежней ненавистью⁸⁶:

– Ну, и пусть правду! А тебе какое дело? Может, поухаживать хочешь?

Игорь покраснел, скривил рот, отвел глаза от жадного взгляда Вани Гальченко.

– Да... нет! А только... сколько ж тебе лет?

Ванда кокетливо повела головой, чуть-чуть, через плечо, задела взглядом Игоря:

– Ну и что ж? Пятнадцать.

Игорь почесал медленно затылок, грустно улыбнулся и сказал:

– Хорошо... Больше ничего, синьора, вы свободны.

Ванда внимательно посмотрела на Игоря, но он не заметил этого.

Она тронулась с места, неслышно, медленно прошла к брезенту, зябко втягивая голову в воротник, *медленно* опустилась на брезент и тихонько улеглась, отвернувшись к трактору.

Игорь, *тихо* насвистывая, загляделся на степь. Далеко впереди встали из-за пологих холмов белые верхи зданий. Над ними нависло солнце. *Оно своим хорошим, щедрым светом заликает землю, яркие, только что родившиеся, невинные, не знающие пыли озими, черные отвалы только что поднятых паров. Даже одичавший прошлогодний ток с бесформенными кучами грязной соломы, и тот молодился под солнцем.*

Промелькнула внизу босоногая команда девушек, ноги у них были еще белые, не загоревшие. Одна из девушек что-то крикнула Игорю, другие засмеялись. Игорь проводил их скучным взглядом, отвернулся. Ваня взглянул на Ванду, осторожно прислушался к Рыжикову за трактором, стал рядом с Игорем, поднялся на носки, спросил шепотом:

– А кто это... проститутка? Скажи?⁸⁷

Игорь ответил сурово, не глядя на Ваню:

– Малый ты еще... А только это... хуже всего, понимаешь?⁸⁸

Ваня с испугом оглянулся на Ванду, подался вперед, но платформу сильно качнуло на стрелках.

– Приехали, – сказал Игорь.

Через многочисленные стрелки, мимо мелькающих просветов товарных составов поезд забирал вправо, быстро проходя пассажирскую станцию. Над крышами стоявших вагонов проплыли надстройка вокзала и длинные выпуклые кровли перронов. Поезд выскочил на узкую насыпь, которая правильной кривой огибала неожиданно широкий луг у самого края города. *За лугом грелись на солнце соломенные крыши белых хат. Но снова стрелки дернули поезд, и он более осторожно начал втягиваться в широкую сеть товарных путей. Хат уже не было, на горе стояли и смотрели на поезд красные, серые, розовые дома города. Ваня сказал:*

– Сан-Франциско? Да!

Ванда зашевелилась на своем брезенте, села, отвернула лицо к городу. *Игорь ничего не ответил.* Поезд вошел в узкую длинную перспективу других товарных поездов, очень медленно продвигался между ними.

⁸⁵ Далее редакторская правка «Игорь подошел к Ванде. Глядя в пол платформы, спросил: – Верно?»

⁸⁶ Далее редакторская правка «Ну и что ж, верно! А твое какое дело?»

⁸⁷ Редакторская правка «Она плачет?»

⁸⁸ Редакторская правка «Неважно!»

Игорь задумался, глядя на проплывающую замасленную поверхность станионного полотна.

Сзади него что-то глухо стукнуло. Игорь быстро обернулся. На их платформе стоял, выпрямляясь⁸⁹ после трудного прыжка и внимательно разглядывая их⁹⁰, стрелок железнодорожной охраны. Ванда неслышной тенью слетела с платформы.

– Это ты – Игорь Чернявин?

– Я.

– Ага! Тут у нас телеграмма... Ты получил сто рублей по подложному переводу?

Игорь вlepил в стрелка восхищенным взглядом:

– Ой, и народ же быстрый! Получил, представьте! Я отказывался, понимаете...

Стрелок *грустно* ухмыльнулся, кивнул:

– Идем.

Игорь почесал нос:

– Ах ты, черт! Жалко, Ванька, с тобой расставаться. Хороший ты человек! И Ванда...

Вы понимаете, товарищ стрелок, некогда мне.

Ваня растерялся:

– А... куда ты?

– Я? Именем закона... арестован.

– За что?

– За бабушку *страдаю*.

Ваня вдруг понял:

– *Так тебя в тюрьму? Да?*

– Идем, идем, – повторил стрелок и тронул Игоря за плечо.

Игорь взялся за борт платформы, готовясь спрыгнуть. Оглянулся на Ваню:

– А ты, Ванюшка, иди в колонию. Здесь, говорят, приличная. Имени Первого мая.

Он спрыгнул. За ним спрыгнул стрелок. Опершись руками о колени, Ваня смотрел им вслед. Он еще не мог вместить в себя это горе.

Из-за трактора вышел Рыжиков. Он улыbnулся злорадно *и играл:*

– Будьте добры! Присылают записочку: дорогой Игорь, пожалуйста, возьмите сто рублей! Чистая работа! А Ванда где?

Ваня ответил испуганно:

– Не знаю.

7

На своей улице

– Куда ты пойдешь? – спросил Рыжиков, когда они подошли к остановке трамвая возле товарной станции.

Улица здесь была булыжная, *изношенная*, покрытая угольной пылью. *Большое грузовое движение грохотало по ней*. Из-под копыт и колес поднималось видимо-невидимо воробьев. У трамвайной остановки стояла очередь. У многих людей ботинки требовали чистки. Ваня не успел ответить: к нему подошел человек в форменной тужурке. Он добродушно кивнул к забору:

– Почистишь, что ли?

– Вам черной?

– Черной, а какой же? *Вот спасибо*, а то к начальству нужно, а ботинки...

---

⁸⁹ В оригинале «заканчивая присядку».

⁹⁰ В оригинале «его».

Ваня *присмотрелся к заборчику, там*⁹¹ сесть было не на чем. Подальше он увидел старое деревянное крыльцо.

– *На ступеньках? Хорошо?*

Человек, собирающийся к начальству, молча кивнул. Ваня побежал вперед, чтобы все приготовить. Когда клиент подошел, Ваня уже набирал мазь на одну из щеток...

– Э, нет, *улыбнулся клиент*, ты раньше пыль убери.

Ваня *покраснел и приступил к работе*. Рыжиков уселся повыше на том же крыльце и молча рассматривал улицу.

– Сколько тебе?

– Десять копеек.

– А сдача у тебя есть? С пятнадцати?

Ваня полез в карман. У него оказалось только четыре гривенника.

– Не рассчитаемся так. Ну, Бог с тобой, бери лишний пятак, *ты парень, видно, не плохой*.⁹²

Ваня взял монету, улыбнулся.

– *А я вам завтра почищу.*

– *Ишь ты какой? Ты думаешь, я у тебя каждый день буду красоту наводить?*

Не успел клиент отойти, подошла девушка, попросила почистить туфли, потом – красноармеец. Красноармеец спросил:

– Сколько будет стоить, если вот сапоги?

Перед красноармейцем Ваня оробел. Он еще ни разу не чистил сапоги красноармейцам и не знал, сколько это стоит. *Кроме того, почему-то ему стыдно было брать деньги с красноармейца*. Ваня поперхнулся и произнес несмело:

– Де... десять копеек.

– Вот еще дурак, – прошептал Рыжиков, но красноармеец обрадовался, поставил ногу на подставку:

– Дешево берешь, малыш, дешево. У нас везде за сапоги двадцать копеек.

Ни тому, ни другому Ваня ничего не сказал. Он с большой охотой приступил к работе. Сначала смел пыль, потом основательно, долго намазывал сапог гуталином. Он забыл, правда, спросить: «Вам черной?» Работал он сильно, действовал глазами, бровями и даже языком. Быстро чистить двумя щетками он еще не умел, одна щетка вырвалась у него из рук и далеко отлетела. Рыжиков громко захохотал, но щетки не поднял. Ваня сам, кряхтя, поднялся и побежал за щеткой.

Красноармеец дал Ване гривенник и сказал:

– *Спасибо тебе*⁹³. Дешево почистил, и блестит хорошо.

Он ушел, поглядывая на сапоги. У Вани заболели руки и спина, но было приятно, что красноармеец его поблагодарил. Опершись на локти, Ваня молча рассматривал улицу.

Дома на улице все были одинаковые, кирпичные, запыленные, двухэтажные. Между ними стояли короткие заборы, а в заборах ворота. Почти у всех ворот стояли скамейки, на скамейках сидели люди и грызли семечки. Ваня вспомнил, что завтра воскресенье. *От этого стало как-то приятнее.* По кирпичным тротуарам проходили люди по двое, по трое и разговаривали негромко.

Сзади открылась дверь, и скрипучий, неприятный голос спросил:

– А вам чего здесь нужно? Беспризорные?

---

⁹¹ Редакторская правка «осмотрелся».

⁹² Редакторская правка «– сказал клиент».

⁹³ Редакторская правка «– Молодец.»

Ваня вскочил и оглянулся. Лениво поднялся и Рыжиков. В открытых дверях стоял человек высокий, худой, с седыми усами:

– Беспризорные?

– Нет, не беспризорные.

– Чистильщик? Ага? А резиновые набойки у тебя есть?

В ящике у Вани было только две щетки и две банки черной мази. Ваня развел руками:

– *Нет!* Резиновых набоек нет!

– Хо! Чистильщик! Какой ты чистильщик! Ну, допустим! А этот чего?

Рыжиков недовольно отвернулся.

– Чего ты здесь? Ночи ожидаешь?

Рыжиков прохрипел еще более недовольно:

– Да никакой ночи... Вот... знакомого встретил.

– А... знакомого!

Старик запер дверь на ключ, спустился по ступенькам. Ткнул узловатым пальцем в направлении Вани:

– *Этот, видно, трудящий. А ты – марш отсюда. Вижу, какой знакомый. Ты убирайся.*

– Да я сейчас пойду. Что, и на улице нельзя остановиться? Ты, что ли, такие порядки выдумал?⁹⁴ – Рыжиков чувствовал свою юридическую правоту, поэтому обижался все больше и больше.

Старик усмехнулся:

– Плохие здесь порядки, *а поэтому уходи*, иди туда, где хорошие порядки. Я вот только в лавочку. Пока вернусь, чтоб тебя тут не было.

Он отправился по улице. Рыжиков проводил его обиженными глазами и, снова усаживаясь на крыльце, прогудел почти со слезами:

– Придирается! «Ночи ожидаешь»!

К ним подошел молодой человек и радостным голосом воскликнул:

– Какой прогресс! На нашей улице чистильщик! Да какой симпатичный! Здравствуй!

– Вам черной? – спросил Ваня.

– Черной! Ты всегда здесь будешь чистить?

Набирая мазь. Ваня серьезно повел плечами и сказал с небольшим затруднением:

– *Да, я всегда здесь буду чистить.*⁹⁵

Этот клиент не спросил, сколько нужно платить, а без всяких разговоров протянул Ване пятнадцать копеек.

Ваня проищал:

– Так сдачи нет.

– Ничего, ничего, я всегда буду платить тебе пятнадцать копеек. Мне только надо побыстрее.

Ваня опустил деньги в карман и снова начал рассматривать улицу. Приближался вечер, от этого на улице стало *как-то уютнее* и как будто чище. Ваню очень интересовал трамвай. Он много слышал об этой штуке, но никогда ее не видел, и теперь ему хотелось залезть в вагон и куда-нибудь поехать. Настроение у него было хорошее. *Улица казалась своей, люди казались хорошими*, а в душе разгоралась маленькая гордость: все проходят и видят, что на крыльце сидит Ваня и может почистить ботинки.

Рыжиков сказал:

– Ваня, знаешь что? Ты мне дай пятьдесят копеек, ладно⁹⁶? А я тебе завтра отдам.

---

⁹⁴ В оригинале «Такие порядки, да? Такие порядки?»

⁹⁵ Редакторская правка «Всегда...»

⁹⁶ В оригинале «хорошо».

– А где *ты* завтра возьмешь?

– Чего это?

– Где *ты* возьмешь пятьдесят копеек?

– Это я уже знаю, где возьму. Надо пойти пошамать.

Ваня вдруг почувствовал *страшный* голод. Еще утром они съели на платформе остатки вчерашнего ужина.

– Пятьдесят копеек? А у меня есть сколько? У меня есть девяносто копеек. А, я и забыл про те деньги!

– Какие «те»?

– А мне Игорь дал... *Только это...* бабушкины.

Вася развернул бумажку, посмотрел на нее грустно и спрятал обратно. – *А теперь его повели в тюрьму.*

– Так дай пятьдесят копеек. Видал, сколько у тебя денег!

– Те нельзя *тратить*, – сказал Ваня и дал ему сорок пять копеек, поделив пополам имевшуюся наличность⁹⁷.

Рыжиков взял деньги:

– А ночевать... я приду.

Ваня с тоской вспомнил: нужно еще ночевать. Почему-то мысль об этой необходимости до сих пор ему не приходила в голову. Он даже растерялся:

– А где ночевать?

– *Ты не думай.* Найдем.

– *На земле?*

Рыжиков понюхал воздух, посмотрел на небо, на мостовую:

– *Можно и на земле. Ты здесь посиди, а я пойду. Если бы солома или сено какое-нибудь.*

А то здесь на вокзале не позволяют. *Ты посиди, а я поищу.*

Рыжиков деловой походкой направился вдоль по улице. Ваня снова опустился на ступеньки и загрустил. Солнце зашло за дома. Мимо Вани проходили люди, и никто не смотрел на него. На противоположном тротуаре шумела стайка детей, голос балованной девочки сказал громко:

– А вон сидит маленький чистильщик.

Еще одна девочка загляделась на Ваню, но потом кто-то ее дернул, она засмеялась и побежала к калитке. Голос взрослой женщины сказал:

– Варя, твой суп простынет. Я тебе второй раз говорю.

И балованная девочка запела:

– Первый, первый, первый!

Ваня подпер голову кулаком и посмотрел в другую сторону улицы. По ней возвращался усатый хозяин⁹⁸.

– Сидишь? – сказал он. – А тот где?

– Ушел, – ответил Ваня.

– *Ну и хорошо, что ушел.* Да и тебе пора домой, никто больше чистить не будет. Только ты мне завтра резиновые набойки принеси.

Ваня спросил:

– А далеко отсюда лавочка?

– А тебе зачем? Покупать что будешь? Папиросы, наверное?

– Нет, не папиросы. А где она?

– Да вот тут за углом сразу.

---

⁹⁷ В оригинале «– Я тебе дам сорок пять копеек. Тебе сорок пять копеек и мне сорок пять копеек. Хорошо?»

⁹⁸ В оригинале «дедушка».

Ваня сложил щетки и коробки, поднял ящик и отправился в лавочку. *Он шел один по «своей» улице, и так ему было досадно, что нельзя больше чистить людям ботинки, а нужно думать, где ночевать.*

8 Ночь⁹⁹

Заночевали *действительно* в соломе, и оказалось, что это вовсе не далеко. Нужно по той же улице пройти два квартала, перейти через переезд, потом еще немного пройти, а там уже начиналось поле. Может быть, и не настоящее поле, потому что впереди было еще несколько огоньков, но здесь, за последним домом, было просторно, шуршала под ногами трава, а чуть в стороне стояла эта самая солома. Вероятно, она стояла на пригорке¹⁰⁰, потому что отсюда хорошо был виден горящий огнями город. Совсем близко, на переезде, один фонарь горел очень ярко и сильно бил в глаза.

Ваня неохотно шел ночевать. Когда позади¹⁰¹ осталась последняя хата, он пожалел, что не поискал ночлега в городе. Но Рыжиков брел уверенно, заложив руки в карманы, посвистывая.

– Вот здесь, – сказал он. – Нагребем соломы, тепло будет. И к городу близко.

Ваня опустил ящик на землю, и не захотелось ему *сразу* ложиться спать. Он начал рассматривать город. Было очень приятно смотреть на него. Впереди огни рассыпались по широкой площади, и было их очень много. Они казались то насыпанными в беспорядке, то обнаруживались в их толпе определенные линии. Выходило так, как будто они играют. Подальше начинался ряд больших домов, и во всех домах *все* окна горели, *только* разными цветами: желтыми, зелеными, ярко-красными.

– Отчего это? – спросил Ваня. – То такие, а то такие... окна?

– Чего это? – спросил Рыжиков, наклонившись к соломе на земле.

– Окна отчего такие? Разные?

– А это у кого какая лампа. Колпаки такие, абажуры. Это женщины любят: то красный абажур, то зеленый.

– Это богатые?

– И богатые, и бедные. Это из бумаги можно сделать. Бывает, абажур такой висит, а больше ничего и нет. И взять нечего. Только голову морочат, *и все...*

– Украсть? – спросил Ваня.

– У нас не говорят «украсть», а говорят «взять». *Ты еще не привык.*

– *Я не хочу привыкать. Я и завтра пойду чистить. А потом пойду к этому... к Первому мая.*

– И там можно кое-что взять. Если умно.

– А зачем?

– Ну и глупый ты! Совсем глупый! Как это «зачем»?

– Пойти туда жить, а потом взять?

– А как же?

– А потом в тюрьму?

– Это пускай поймают!

– А Игоря поймали.

---

⁹⁹ Первоначальное название «Только одна слеза».

¹⁰⁰ В оригинале «на горбике».

¹⁰¹ В оригинале «за ними».

– Потому что дурак. На почту лазит. Да ему все равно ничего не будет: несовершеннолетний.

– *А я буду работать. Все равно буду работать.*

Рыжиков гребнул еще раз солому из стога, помял ее ногами, растянулся:¹⁰²

– *Кто работает, тот еще скорей пропадет. Думаешь работать – это легко?*

– *А зачем Советская власть? Зачем, если не работать?*

– *Понес – Советская власть. В Советской власти тоже понимать нужно. Ей, конечно, выгоднее, чтобы все работали, она и заставляет.*

– *Кому это выгоднее?*

– *Да Советской же власти!*

– *А кто это?*

– *Вот дурень: кому это, да кто? Советская власть и есть. Тот, кто начальник. Ему с ворами беспокойство, а лучше, чтобы все работали. Загнали на работу, и сиди там.*

– *А если бы все были воры, так тогда как? Тогда Советской власти не нужно?*

– *Отстань, ты, завел: власти, власти!*

– *Тогда один вор у другого украл бы, а потом тот у того, а потом еще третий, правда? Все покрали бы, и ничего не осталось бы. Правда?*

– *Ложись уже.*

– *Я ложусь.*

Ваня под самым стогом, наклонившись, устраивал для себя гнездышко.

– *А если все воры, так кто будет булки печь? А кто будет тогда ботинки чистить? Также воры, да? А они не захотят. Они скажут: пускай кто-нибудь булок напечет, а мы только красть будем. Правда?*

Рыжиков заорал на Ваню:

– *Спи! Пристал, как смола!*

Ваня замолчал и долго думал о чем-то. Потом улегся уютнее. На небе горели звезды. Соломенные пряди казались черными, большими конструкциями. Уже засыпая, Ваня сказал вслух:

– *Пойду к этому... к Первому мая.*

* * *

Проснулся Ваня рано, но день уже наступил. Солнце вставало за стогом, Ваня лежал в тени, ему стало холодно. Он вскочил, подымая за собой солому¹⁰³, приставшую к нему, и посмотрел на город. Город сейчас был другой. Кое-где горели ненужные уже фонари, и ярко светился тот самый фонарь возле переезда. *Ваня засмотрелся на него, он казался уставшим, было его жалко: он, бедный, всю ночь светил.*

Город был сейчас интереснее и сложнее, но уже не был таким красивым. Впрочем, это не имело особенного значения. Все-таки там было много домов и крыш, а дальше стояло высокое белое здание с колоннами. Вот где настоящий город, и нужно пойти туда посмотреть. *Ваня заработает денег и пойдет... нет, поедет на трамвае. И, наверное, в городе*

¹⁰² Вариант диалога: «– Несовершеннолетний! Считается, что он, значит, ничего не понимает. Чудаки там... сидят... – А где они сидят? – Кто? – А эти... чудаки? Рыжиков потянулся сладко, зевнул: По закону, где полагается, там и сидят... больше бабы. Они ничего... так себе... а есть и злые. Ваня под самым стогом, наклонившись, устраивал для себя гнездышко. – А я пойду в колонию. – Ну, иди... ложись уже! – И буду там жить. У нас на станции сторож такой... так он умер, а тот, Мишкой его зовут, так он тоже в колонии Первое мая. И он писал письмо. – Первое мая. – Рыжиков разгреб солому, помял ее ногами, растянулся. – Ложись лучше! – Я ложусь. Ваня замолчал и долго думал о чем-то. Потом улегся уютнее. На небе горели звезды, соломенные пряди по ним казались черными, большими конструкциями».

¹⁰³ В оригинале «много соломинок».

есть кинотеатр. А сегодня *он пойдет*¹⁰⁴ на «свою» улицу. Ваня вспомнил вчерашнего молодого человека, который так обрадовался, что завелся чистильщик на этой улице. Наверное, там сейчас много народу хочет почистить ботинки. Хорошо, что есть лишняя коробка черной мази. Ване захотелось хорошенько рассмотреть эту коробку. Он наклонился к ящику, но ящика не было. Ногой Ваня откинул солому. Оглянулся. Только сейчас он заметил, что и Рыжикова тоже нет. Ваня обошел стог, вернулся на прежнее место и *сказал растерянно*:

– *Украл... ящик...*

Скучно посмотрел на город, еще раз оглянулся, *прошептал*:

– *И мазь... И щетки...*

Он прислонился к стогу, задумался. Вдруг вспомнил, полез в карман, пошарил в нем, вывернул:

– *И десять рублей украл.*

Ваня сделал несколько шагов в сторону дороги. Но остановился. Собственно говоря, в город идти было нечего. *Ваня возвратился к стогу.*

Он потянул к себе одну соломинку. Соломинка оказалась длинной и красивой, на ее конце был пустой, дрожащий колосок. Ваня провел пальцами по колоску. Между пальцами упала и разбрызгалась одна слеза.

9

Козлы

Целый месяц прошел после этих происшествий. *В это время весенние дни успели вырасти и возмужать, они нарядились в богатые платья из зелени и цветов.*

Рано утром милиционер, человек молодой, подтянутый и добросовестный, разбудил Игоря в приемнике и сказал ему:

– Трогаем, товарищ! Ты потом выспишься, в колонии, а мне до девяти нужно назад вернуться.

Игорю Чернявину не нравилось в приемнике: народ здесь был случайный, кормили плохо, было скучно.

Игорь быстро натянул на плечи свой пиджак, под которым уже имелась рубаха. Хотя это была короткая и бязевая рубаха, но Игорь умел ее желтоватый воротник кокетливо разбрасывать над воротником пиджака.

Дворники сухими метлами подметали улицы, но пыль *еще не успела проснуться* и неохотно взлетала над тротуарами. Утро стояло над городом ясное, прозрачное, здоровое. Игорю было приятно в такое утро идти «в новую жизнь».

Впрочем, Игорь не очень интересовался новой жизнью. Это у Полины Николаевны, в Комиссии по делам несовершеннолетних, за каждым словом: новая жизнь, новая жизнь! Игорь любил вообще жизнь, а какая там она, новая или старая, он не привык разбирать. Он никогда не задумывался ни над завтрашним днем, ни над вчерашним. Но сегодняшний день всегда привлекал его внимание, как еще не раскрытая страница, и ему нравилось не спеша перевертывать ее и любопытным глазом присматриваться к новым¹⁰⁵ рассказам. *Эту вечно новую жизнь он приветствовал улыбкой своего большого рта и веселым ироническим взглядом.* Сегодня это тем более было приятно, что в течение всего минувшего месяца ему пришлось переворачивать очень однообразные страницы, и он начал даже привыкать к этому однообразию.

---

¹⁰⁴ Редакторская правка «надо идти».

¹⁰⁵ В оригинале «новеньким».

В Комиссии по делам несовершеннолетних он и раньше бывал, и в этот раз не встретил там ничего существенно нового. Давно ему известная Полина Николаевна, женщина маленькая, остроносая, казавшаяся очень умной и доброй, *как и раньше*, с грустной вежливостью расспрашивала его о родителях, об учебе и вообще о том, как он дошел до такой жизни. Расспрашивая, она уже не заглядывала, как в прошлом году, в большой лист с заглавием: «Порядок опроса», но задавала все те же вопросы, что и в прошлом году. Игорь отвечал ей тоже вежливо. Он понимал, что Полина Николаевна честно обслуживает таких, как он, получает за это небольшое жалованье, что ей будет приятно, хотя изредка, поговорить с приличным человеком. Игорь Чернявин любил доставлять людям радость, поэтому и с Полиной Николаевной он разговаривал в джентельменском тоне, тем более что это было вовсе не трудно. Полина Николаевна постукивала тупым концом карандаша по столу и спрашивала:

– Ваш отец профессор?

– Да.

– В Ленинграде?

– Да.

– Почему вы не хотите к нему возвратиться?

– Мне не нравится его характер. Он – грубый, черствый, он изменяет моей маме, я с ним жить не могу.

– Вы с ним часто ссорились, крупно говорили?

– Нет. Я с ним не желаю разговаривать.

– Вы могли бы мать пожалеть, Игорь.

– Мне очень жаль, но мать не хочет от него уйти.

– Вы, Игорь, такой культурный мальчик, до каких же пор вы будете заниматься этими... приключениями?

– Полина Николаевна! Иначе не выходит. Уже два раза меня силой возвращают к отцу. Я все равно жить у него не буду.

– А если мы вас не отправим к отцу?

– Я надеюсь, что это будет очень хорошо.

– Вы бросите ваши фокусы?

– Я надеюсь.

– Почему вы надеетесь?

– А вот вы со мной поговорили.

Полина Николаевна посмотрела на него с благодарностью:

– Поможет ли вам это... мои разговоры?

– Я думаю, что ваши разговоры хорошо помогут.

– Что мне с вами делать, Игорь? Неужели только с вами одним и говорить? И другие ведь есть!

Полина Николаевна показывала карандашиком на дверь, за которой, в узком коридоре, другие мальчики ожидали своей очереди. На бледном остреньком личике Полины Николаевны, в беленьком узком кружевном воротничке, даже в ловком, юрком карандашике, которым она действовала, – во всем чувствовалось искреннее сожаление, что не может она взять Игоря за руку и повести по трудной дороге жизни. И Игорь понимал и сочувствовал: ей нужно заняться и другими сбившимися с пути объектами. Вероятно, это сочувствие довольно сильно выразалось на лице Игоря, потому что Полина Николаевна страдательно опустила глаза, и ее карандашик застучал по столу несколько нервно.

К ним подошел человек в белом халате. У него была беспорядочная шевелюра, начинавшаяся чрезвычайно низко, почти от самых бровей. Глазные яблоки этого человека были очень велики, они были покрыты мелкими красными жилками и почти целиком выкатыва-

лись наружу. Казалось, что этот человек в чистом белом халате везет что-то очень тяжелое и везти ему трудно. Полина Николаевна сказала устало:

– Вы, Чернявин, идите в кабинет. Товарищ должен произвести некоторые исследования относительно ваших трудовых предрасположений...

Игорь Чернявин *при прошлых посещениях комиссий*¹⁰⁶ уже подвергался подобным исследованиям, только тогда в белом халате был какой-то другой человек. Игорь покорно поднялся со стула, и ближайший отрезок жизненного пути (он так и не разобрал, нового или еще старого) он прошел за человеком в халате. Идти было недалеко. В небольшой комнате, обставленной белой крашеной мебелью, Игоря усадили на стул, а человек в халате сказал другому человеку в халате:

– Лабиринт Партеуса!

По спине у Игоря пробежали неприятные холодные иголки, он *почти* притих за белым столом и *даже* начал думать о том, что, действительно, надо начать более спокойную жизнь. Но когда перед его глазами на столе расположился широкий картон с какими-то клетками и ходами, Игорь оживился. *Он посмотрел на людей в белых халатах, и ему захотелось подробнее узнать, что это за люди и какая им цена.*

Лупоглазый оперся руками на стог и сказал сухим, немного дрожащим голосом:

– Вы находитесь в центре этого лабиринта, понимаете? Вам нужно из него выйти. Вот вам карандаш, покажите, как вы будете выходить.

Игорь еще раз оглянулся на этих людей, но в общем не протестовал. Он взял карандаш и с улыбкой наклонился над лабиринтом. Повел карандаш к выходу, но скоро очутился в тупике и остановился. За большим окном что-то начало сильно хлопать. Игорь посмотрел и увидел девушку на балконе. Она тонкой палочкой колотила по развешанному на веревке ковру. Игорь снова подумал, что нужно все-таки... черт его знает. В этот момент лупоглазый вытащил картон у него из-под руки, а на место его положил другой. Это был тоже лабиринт. В одном его углу был изображен козел, вкушающий какие-то запрещенные плоды, а в другом углу – девушка с прутиком в руке. Было у нее что-то общее с той девушкой, которая работала на балконе. Игорь улыбнулся, глянул на балкон, потом сообразил: пока девушка доберется до козла, пройдет очень много времени и козел успеет полакомиться как следует. Игорь поднял лицо к человеку в халате¹⁰⁷:

– *Как это у них неудобно устроено!*

– *У кого «у них»?*

– *Да вот... у этих. Зачем такие дворы? Для козлов тут раздолье!*

– *Если вы будете оглядываться, вы ничего не сделаете.*

Игорь сосредоточился над картоном. У козла был¹⁰⁸ очень добродушный вид. Игорю не захотелось его прогонять.

– *А знаете что, синьоры? Пускай себе пасется!*

– *Как это так? – вскрикнул лупоглазый.*

– *Я думаю, что вреда будет немного. Какие-то кустики.*

– *Представьте себе, что там малинник.*

– *Не думаю. Вы напрасно беспокоитесь, синьоры.*

– *Почему вы так разговариваете? – человек в халате с силой дернул картон.*

– *С флейтой будем исследовать? – спросил другой.*

Старший ответил сухо:

– Нет.

---

¹⁰⁶ Редакторская правка «раньше».

¹⁰⁷ Далее редакторская правка: «– Неудобное устройство! – Что неудобное?»

¹⁰⁸ В оригинале «Козел имел».

Он пошел к умывальнику, а потом долго вытирал каждый палец отдельно. *Игорь улыбнулся во всю ширь, спросил с вежливой иронией:*

– *Собственно говоря... вы только этим и занимаетесь?*

– *Чем «только этим»?*

– *А вот... козлами.*

– *У нас не только козлы.*

– *А еще что?*

Но лупоглазый принял гордый вид и ничего не ответил. Потом он вышел в дверь и уже из коридора пригласил:

– *Идемте.*

У столика Полины Николаевны он устало опустил на стул:

– *Как?* – спросила Полина Николаевна.

– *Слабо. Очень слабо. Отношение к работе рассеянное, результаты нулевые. Рассеян, безынициативен, воображение отсутствует.*

– *Что вы говорите? У него инициативу нужно уменьшить вдвое, а вы говорите: безынициативен! Прочтите.*

Она протянула довольно толстую папку. Человек в халате поднес ее к самым глазам и стал быстро вертеть головой вправо и влево, бегая по строчкам.

– *Это ничего не значит, Полина Николаевна. Мы не знаем, инициатива это или подражание. Такие штуки, – он потряс папкой в руках, – вообще ничего не доказывают.*

– *А я вам говорю, что вы ошибаетесь. Я вас очень прошу посмотреть еще раз. Вы увидите, что вы ошибаетесь.*

Лупоглазый поднялся со стула обиженный и двинулся к дверям своей комнаты.

– *Хорошо!*

– *Что же вы сидите?* – сказала Полина Николаевна Игорю.

Игорь посмотрел вслед белому халату и, когда закрылась за ним дверь, спросил доверительно:

– *А для чего это нужно, Полина Николаевна?*

Она подняла на него глаза:

– *Значит, нужно.*

– *Я не понимаю, для чего.*

– *Это исследование ваших способностей.*

– *А для чего им мои способности?*

– *Идите, Игорь, не спорьте.*

– *Да там козлы, Полина Николаевна! Вот вы нас судите, таких, как я, под арестом держите. А я получил на почте пустяк, – сто рублей. А эти синьоры сколько получают?*

– *Идите, Игорь, перестаньте глупить.*

Игорь снова вошел в комнату, *посмотрел с презрением на людей в халатах*, молча стал у стены. Пока люди в халатах перебирали какие-то папки, ящички, карты, у него в душе скопилась густая обида. Кто-то сильной рукой подчеркнул в ней одиночество, череду последних скудных дней, брошенного на товарных путях симпатичного Ваню, отошедшие в вечность светлые дни детства, и мать, и старые обиды: вздорный, неверный, сумасбродный отец и другие люди, и жестокие и холодные. *А сегодня опять эти два типа пристали к нему с козлами.*

На столе стояла длинная коробка с отделениями. Старший предложил:

– *Садитесь.*

– *Послушайте, милорды! Это, конечно, у вас здорово придумано! Прямо... настоящий блат. А только вы мне ответьте на один вопрос. Такой вопрос: верит вам кто-нибудь или никто не верит?*

– *Старший взмахнул рукой и закричал что-то...*

Обо всем этом вспомнил Игорь Чернявин, шагая рядом с милиционером по просторным, освещенным утром тротуарам. Нет, истекший месяц был печальным месяцем. Это было скучное и глупое время. Полина Николаевна убеждала его начать новую жизнь, люди в халатах раскладывали перед ним разные картоны. Особенно стало скучно после того, как Игорь примирился со своей участью и научился выходить из всех лабиринтов, научился продевать веревку через дырочки флейты. Все эти занятия он сначала сопровождал насмешкой над самим собой, над козлами, над человеками в халатах, а потом он все упражнения проделывал с угрюмой технической серьезностью. От скуки, сделав небольшое усилие, он даже сумел понравиться людям в халатах и помогал им исследовать других ребят. Только записывать и высчитывать он не научился. Его наставники не посвящали никого в свои тайны и прятали их значение за непонятными словами: «тесты»¹⁰⁹, «корреляция»¹¹⁰.

Все-таки в кабинете было занятнее *проводить время*, чем в приемнике. Игорь не любил беспризорную, шумную и ржавую толпу, дешевое ее остроумие и низкую культуру. В кабинете же он говорил новичку с высокомерием жреца:

– Вот, синьор, пока щука не поймает эту жалкую рыбешку, вы отсюда не выйдете!

– Видите: куда мяч закатился? Доставьте его к волейбольной сетке. Перекинуть нельзя. Несите в руках. Через забор перелезть? Забудьте эти ваши уличные привычки.

Он стоял за плечом новичка и холодным взглядом наблюдал неудачные попытки исследуемого субъекта. Субъект разочарованно тянул:

– Если так играть, никогда не выиграешь.

– Вы, мистер, и не должны выиграть. Выигрываем в таком случае только мы.

Досадно только было, что в сравнении с хозяевами кабинета он выигрывал до смешного мало: бесплатный бутерброд во время завтрака. По сравнению с таким заработком предприятие на почте было все же выгоднее, оно было и гораздо проще оборудовано, чем кабинет.

Сейчас Игорь с внутренним смущением вспоминал о своих легкомысленно-позорных действиях в кабинете, на которые его подвинуло дикое невезение с деньгами бабушки. Но... страницы этого прошлого были перевернуты. Сегодняшний день быстро бежал навстречу: сначала промелькнули хорошо знакомые улицы центра, потом пошли и новые места, узкая, грязная набережная, запруженная подводами базарная площадь, потом широкая, щедро накрытая небом Хорошиловка. Домики на Хорошиловке маленькие, между ними цветут сады, мимо домиков бегают трамвай, бегают хлопотливо, быстро, весело. Но вот и Хорошиловка кончилась, мостовая пошла среди молодой зелени, а трамвай побежал по шпалам, как будто это не трамвай, а поезд. И зеленые полосы, и шоссе, и трамвай – все направляются к дубовой рощице. К этой рощице пришли милиционер и Игорь. В сторону ведет просека, в просеке тоже мостовая, а через нее сетчатая с золотыми буквами вывеска:

«Колония имени Первого мая»

10

Первые впечатления

Через просеку милиционер и Игорь прошли быстро. Милиционер был доволен, что заканчивает свою командировку. И Игорь был доволен: впереди была «новая жизнь».

¹⁰⁹ В оригинале «ранги».

¹¹⁰ Корреляция – взаимосвязь. По утверждению педологов, между различными психологическими функциями ребенка существует постоянная предопределенная связь, данная раз и навсегда.

Сквозь просеку были видны крыши, да и сама просека скоро вышла в поле – настоящее пахучее поле с рожью, с цветами на межах. За полем по всему горизонту пошел лес, а к лесу прислонилась колония.

На одном из зданий, на высоких флагштоках – два узких флага. Флаги какие-то особенные, узкие и длинные, такие флаги видел Игорь когда-то давно на изображениях сказочных дворцов.

Он спросил у милиционера:

– Они там живут?

Милиционер удивился: *разумеется, они там живут, если путники подходят к этим зданиям:*

– Само собою там, а где же им жить?

– Флаги у них какие... Скажите, пожалуйста!

– Да, флаги, это верно! Да у них все такое... чудное! А народ здесь хороший, крепко живут!

Игорь повел плечами, засунул руки в карманы и все не мог отвести взгляда от двух узких, гуляющих на ветре флагов. Флаги были на флагштоках, а флагштоки стояли на двух башенках, венчающих здание.

– У них башни, как будто крепость!

– Такое просто здание, – ответил милиционер, – никакого сравнения с крепостью не может быть.

Игорь не стал спорить. А все-таки две башни напоминали крепость, в этом заключалось и что-то приятное и что-то сомнительное, во всяком случае, в расчеты Игоря не входило жить в крепости. Но когда подошли ближе, Игорь и сам увидел, что никакой крепости нет, а стоит, действительно, просто здание, широкое, двухэтажное, серое; построено здание красиво, блестят на его стенах искорки, выступающие вперед «фонари» подымаются *вверх*¹¹¹ башнями, на башнях всё полощутся флаги.

Милиционер и Игорь шли по мостовой уже мимо здания, но оно отделялось от них широкой полосой цветников. Игорь давно не видел такого обилия цветов. Между цветами проходили яркие золотые дорожки, на одной из них поближе к Игорю шли две девушки, настоящие девушки, черт возьми, хорошенькие и нарядные. Одна из них, с вздернутым носиком, с веселыми живыми глазами, взглянула на Игоря и сказала подруге – черноглазой и смуглой:

– Новенький! Посмотри какой, в пиджаке!

Игорь чуть-чуть покраснел и отвернулся. Собственно говоря, что ж тут такого, в пиджаке!

Они повернули на поперечную дорожку к выходным дверям.

На тротуаре мимо дверей гуляет народ: и постарше, и пацаны, и девушки. У некоторых юношей¹¹² начинает темнеть верхняя губа... Одеты все разнообразно, но видно, костюмы для работы: кое-где пропитаны маслом. Пацаны в трусиках, босиком. Девушки, как всегда, наряднее.

– Солидный народ, – как будто про себя сказал Игорь. Улыбнулся милиционеру, но милиционер не заметил улыбки.

В открытых настежь дверях здания стоял пацан лет тринадцати, лобастый и серьезный; среди этой спокойной, оживленной толпы он выделялся странно официальной внешностью: ботинки, суконные полугалифе, гамаша, темно-синяя гимнастерка заправлена в штаны, талия стянута узким черным поясом с пряжкой. На одном рукаве золотой вензель,

---

¹¹¹ Редакторская правка «над крышей».

¹¹² В оригинале «парнишек».

широкий белый воротник ослепительно чист, хотя чуточку примят. В руках настоящая винтовка со штыком, пацан держит ее обеими руками за конец дула.

Игорь засмотрелся на эту фигуру, но развлекали его и другие впечатления. *В толпе наметилось движение, – все устремились куда-то за угол здания. Походка у всех деловая, но на лицах совершенно свободная игра. Удивило Игоря то, что здесь не заметно суетливости, лишнего визга. Правда два пацана стремглав вылетели из дверей и помчались по дорожке. Тот, который бежал сзади, закричал:*

– Васька! Васька! Пстой! Ключи у меня!

Ключи были у них, значит, побежали что-то отпирать.

Игорю удалось поймать и другие слова, но они касались событий неясных, хотя, без сомнения, и драматических.

– А Алексей вызвал его и говорит: найди!

– О!

– Говорит: найди! А не найдешь – разберем на общем собрании!

– Ой-ой-ой!

Удивило Игоря еще одно обстоятельство. Идя сюда, он испытывал неприятное чувство ожидания: все на него набросятся, закидают вопросами, взглядами, шутками, а тут еще и милиционер: подробность особенная. А теперь было даже обидно: сколько народу, а у всех такой вид, как будто никакого Игоря под стражей и не существует на свете. Но в то же время нельзя было сомневаться: появление фигуры Игоря между цветников всеми отмечено, и все поставили своего рода нотабене на его фигуре, и, кажется, нотабене ироническое. Игорь подумал: «Вредный народ!» – но немедленно получил и более активные знаки внимания. По дорожке мимо него проходил черноглазый мальчик в трусиках, посвистывал, поглядывал по сторонам – видно было, что шел по какому-то определенному, нужному ему направлению, – на Игоря еще издали бросил легкий взгляд, и снова куда-то отвлекся, и, тем не менее, проходя мимо Игоря, сказал:

– Дядя! А где ваш галстук?

Игорь *сразу* не разобрал, что это обращаются именно к нему, и огляделся. Но тут же он догадался, что по характеру костюма проблема галстука могла возникнуть только с его, Игоря, появлением, ибо к костюмам местных жителей добавления галстука, безусловно, не требовалось. Но когда Игорь все это сообразил и бросился догонять взглядом черноглазого мальчика, то уже не мог отличить его среди других мальчиков.

Как раз в этот момент из здания вышел, тоже босоногий и тоже в трусиках, пацан лет двенадцати, хорошенький, румяный, чуть-чуть важный. Как-то особенно играючи и уверенно ступали его ноги, большие темные глаза по-хозяйски оглядывали все. Он стал на краю единственной ступени, поднял длинную, блестящую серебряным блеском трубу, быстро облизал губы и, *крепко охватив ими мундштук*, подняв *вверх* раструб трубы, заиграл. Это был сигнал, короткий, отрывистый, а в конце украшенный шутливо-разливчатым хвостиком. Пацан проиграл его только один раз, опустил трубу, улыбающимися глазами посмотрел на мальчиков поближе и вдруг, сорвавшись со ступеньки, побежал. На углу здания остановился и снова проиграл тот же сигнал. *Движение куда-то за угол, уже замеченное Игорем, стало стремительным.* Игорь не утерпел, спросил первого попавшегося:

– Что это он играл?

– Кто играл? Бегунок? А это на работу...

Через полминуты из дверей только одиночки торопливо выбегали и устремлялись следом за всеми. Остался *только* пацан с винтовкой, и к нему обратился милиционер.

– Куда здесь? Вот привел...

Тот серьезно оглянулся на вопрос, но, видно, ничего не нашел подходящего и сказал:

– Сейчас!

Бегунок со своей трубой не спеша возвращался к дверям.

– Володька, позови дежурного бригадира.

Володька Бегунок сразу догадался, для чего нужен дежурный бригадир. Повернув голову, он прищурился на Игоря и, проходя в двери, почти пропел:

– Е-есть... Позове-ем...

Он ушел в здание, пацан с винтовкой *один остался при входе* и теперь составлял единственную мишень для Игоря Чернявина. Игорь сказал улыбаясь:

– А если я пройду... вот, без спросу? Что же ты, будешь стрелять? Часовой опустил глаза, но ответил басом:

– Стрелять не буду, а прикладом по башке получишь.

После этих слов он покраснел и недовольно отвернулся. Игорь рассмеялся, прицепился к часовому удивленным взглядом:

– Ух ты?

Часовой посмотрел на Игоря исподлобья, вдруг улыбнулся, но что-то почувствовал справа, в прохладном полумраке вестибюля, вытянулся, винтовка моментально оказалась у его плеча. На ступеньку вышел юноша лет шестнадцати. Он одет был в такой же костюм, как и часовой, только на левом рукаве у него была красная повязка. Игорь догадался, что это дежурный бригадир, да и часовой показал на Игоря:

– Воленко! Привели...

У Воленко тонкое лицо, очень интеллигентное и бледное. Особенно строгое выражение имеет рот Воленко: у него *нежные* подвижные губы, от которых, кажется, всегда можно ожидать слова осуждения.

Воленко подошел к милиционеру, мельком¹¹³ глянул на Игоря:

– У вас есть бумага?

Милиционер раскрыл книжку:

– Есть тут бумажонка. Вот здесь распишитесь.

Воленко расписался и возвратил книжку милиционеру:

– Все?

– Все как будто...

Игорь подал милиционеру руку, улыбнулся:

– Надеюсь, больше не увидимся?

Милиционер ответил с тонкой улыбкой:

– А кто его знает? – козырнул Воленко и отправился в обратный путь.

Воленко, до сих пор наблюдавший процедуру прощания, сказал Игорю:

– Пойдем.

Он рукой показал на вход в здание. Чуть-чуть покраснев от такой вежливости, Игорь заторопился, и еще больше покраснел, когда часовой вытянулся, пропуская мимо себя дежурного бригадира.

11

Беседы культурных людей

Игорь Чернявин вошел в вестибюль и попятился *назад*. Молнией блеснула у него мысль, что случилось недоразумение: он сюда попал по ошибке. Растерянно оглянулся он на Воленко, потом снова глянул вперед. Перед ним был марш широкой лестницы, покрытой бархатной малиновой дорожкой. В конце марша – просторная площадка, дубовые двери, на них золотом на стекле написано:

---

¹¹³ В оригинале «строга».

Театр

А рядом с дверями в театр огромное квадратное зеркало, оно отражает следующий марш лестницы, и еще площадку, и еще зеркало, а самое главное – оно отражает бесконечную и щедрую ленту ярко-красных цветов, уставленных по всему барьеру в особых, длинных ящиках.

– Вытри ноги, – сказал Воленко и показал на большую темную¹¹⁴тряпку, лежащую на кафельном полу.

Игорь посмотрел на свои ботинки. Никакой грязи на них не было:

– У меня чистые.

Подошел часовой с винтовкой.

– Они у тебя не чистые, а совсем грязные. Вытирай, когда тебе говорят.

Игорь пробормотал¹¹⁵:

– Черт его знает...

Все-таки он зашаркал подошвами по темной тряпке, и только теперь понял, что тряпка потому и кажется темной, что она влажная.

– Теперь здесь, – часовой показал на трехстороннюю щетку и внимательно и строго нахмурил лицо, пока Игорь исполнял его приказание. Воленко терпеливо ожидал, стоя на третьей, верхней, ступеньке, ведущей в более высокую часть вестибюля. Игорю стало интересно:

– Синьоры, у вас все такие серьезные¹¹⁶?

У Воленко чуть-чуть вздрогнул уголок строгого рта, *он переступил стройными ногами*, завертел вокруг пальца шнурок с ключиком на конце.

Игорь, обчищая ботинки в щетках, разглядывал часового. У того из-под тубетейки выбегал на выпуклый лоб небольшой чубчик и закручивался крутой спиралью.

– Сколько же тебе лет?

Часовой пошевелил губами, сдержал улыбку, еще строже глянул на ноги Игоря:

– Это не твое дело, вытирай себе!

Игорь иронически дернул плечом.

– Идем, идем, – сказал Воленко.

Он двинулся влево по коридору. Вправо коридора не было, а на такой же дубовой двери таким же нарядным золотом было написано:

Столовая

Дверь эта открылась, из столовой выглянула девочка лет четырнадцати в белом халате, *звонко* спросила:

– Воленко, ты ведь еще не завтракал?

– Нет, *нет*, ты мне оставь, Лена. И вот... новенькому.

– А как же, – ответила девочка и спряталась за дверью.

С одной стороны коридора были большие окна, а с другой несколько дверей и между ними в больших рамах не то стенгазеты, не то что-то другое. В конце коридора тоже дверь, и на ней тоже надпись:

Тихий клуб

Но они вошли не в эту дверь. Последняя дверь слева:

---

¹¹⁴ В оригинале «прямоугольную».

¹¹⁵ В оригинале «прошептал».

¹¹⁶ В оригинале «строгие».

Совет бригадиров

Воленко именно эту дверь открыл и взглядом пригласил Игоря войти. Игорь переступил порог. Солнечное сияние в двух огромных окнах ослепило его. Он прищурился, но сразу отметил особенности этой комнаты: в ней у всех четырех стен проходил неширокий диван, мягкий, но узкий. *Диван нигде не имел конца, а в углах комнаты он заворачивал по кривой.* В правом углу на диване сидел Володя Бегунок, на голом колене держал свою трубу, натирал ее суконным обрезком. Бегунок быстро глянул на Игоря, но сказал в другой угол:

– Когда же мази купят? Говорили, говорили, аж надоело! Это бесхозяйственность, правда, Витя?

В другом углу дивана стоял маленький письменный столик, и за ним сидел тот, кого Бегунок назвал Витей. Витя поднялся за своим столиком и ответил:

– Сейчас денег мало.

– Сколько там нужно денег? Тридцать копеек. – Володя с большей силой начал натирать свою трубу и на Игоря больше не посмотрел. Очевидно, для Володи Бегунка Игорь представлял сейчас явление малозанимательное и особенно в сравнении с вопросом о мази. Но тот, кого называли Витей, заинтересовался Игорем, вышел из-за своего столика и подошел вплотную к Игорю. Он был тоже в трусиках и в парусиновой рубашке. И у него трусики были стянуты узким черным пояском. Но Витя был уже не малыш. Ему было не меньше шестнадцати лет, это был человек серьезный и бывалый, – опытный взгляд Игоря это сразу почувствовал.

У Вити быстрый, острый, сдержанно-насмешливый взгляд¹¹⁷. Он взял из рук Воленко большой пакет и бросил его на стол:

– Из комиссии?

– Из комиссии.

Игорь вежливо ему поклонился. Витя ответил *ему* таким же вежливым поклоном, но в этом поклоне просвечивало¹¹⁸ очень тонкое передразнивание. Бегунок громко засмеялся, завалившись на диван и задирая *вверх* босые ноги. Игорь *доверчиво, с улыбкой*, оглядел всех. Витя присел к столику, взял в руки конверт, прочитал то, что было на нем написано:

– Игорь Чернявин? Много про тебя понаписывали...

Но в конверт не заглянул, снова подошел к Игорю. Последнему захотелось как можно скорее отделаться от разных вопросов:

– Написано там много, а дело пустое. Маленькая неправильность при получении денег.

Витя сказал ему в глаза, улыбаясь одними ресницами:

– Вот что, друг. Какая там у тебя неправильность, это никому не интересно. Понимаешь, не интересно. А вот другой вопрос: будешь бежать или останешься?

Бегунок поднял лицо, медленно улыбнулся. Игорь¹¹⁹ *оглянулся на обстановку, словно она решала вопрос, оставаться ему или бежать*. Бежать ему не хотелось, но нельзя было и сдаваться так легко. Он ответил:

– Там видно будет.

– Это верно, – сказал Витя весело. – Ну, идем к Алексею Степановичу.

Только теперь Игорь увидел, что в одном месте диван прерывался узкой дверью, и на ней тоже надпись:

Заведующий колонией

---

¹¹⁷ В оригинале «Витя обладал быстрым, острым, сдержанно насмешливым взглядом».

¹¹⁸ В оригинале «заключалось».

¹¹⁹ Далее редакторская правка «огляделся».

Эту дверь Витя распахнул, и Игорь неожиданно для себя очутился в кабинете. За ним прошли Витя и Воленко, а за ними и Бегунок, бросив свою трубу на диван, прошмыгнув в кабинет; прошмыгнув ловко, во всяком случае. Игорь увидел его уже возле письменного стола. Володя поставил локти на стол, на ладошках пристроил голову *и выжидающе* глядел на заведующего.

Заведующий сидел за письменным столом и перелистывал книгу. В этом человеке не было ничего особенного: подстриженные усы, стеклышки пенсне, под машинку стриженная голова. Он поднял на Игоря глаза, и глаза у него были обыкновенные: серые, чуть-чуть холодные.

– Вот, Алексей Степанович, новичок, – Витя показал рукой на Игоря.

Игорь вежливо поклонился, и Володя Бегунок не смог удержать улыбки, да уж так и оставил улыбку надолго. По всему было видно: Алексей Степанович заметил улыбку Володи и знал ее причину, но сделал такой вид, как будто он ничего не заметил.

– Как тебя зовут?

– Игорь Чернявин.

– Ты учился в школе?

– Да. Окончил семь классов.

– Почему так мало?

Алексей Степанович с недовольным видом откинулся к спинке кресла. Его глаза холодно, осуждающе смотрели на Игоря. Но Игорь всегда был убежден, что его образование превышает среднюю необходимость в жизни, и поэтому ему показалось сейчас, что заведующий шутит. Игорь оживленно удивился и даже руками дернул вперед:

– Мало? Семь классов – это мало?

– А ты разве не знаешь? Есть восьмые группы, девяты́е, десяты́е.

– Конечно, есть, так это не для всех.

Алексей Степанович не обратил внимания на ответ Игоря. Он начал перелистывать книгу, помолчал, протянул скучновато:

– Та-ак... Днепрострой, что это такое?

– Как?

– Днепрострой... ты знаешь, что такое Днепрострой?

– Днепрострой? Это... это станция.

– Какая станция?

– Станция... мост и... там станция.

Бегунок восторженно пискнул в ладошки, которыми прикрыл рот...

– Виноват... там, кажется, нет моста.

Игорь видел, с каким трудом Бегунок прикрывает ладонями губы, чтобы не засмеяться. На лице Воленко не было улыбки, но еле заметно вздрагивала нижняя губа.

Алексей Степанович кивнул головой над книгой:

– Стыдно! Просто стыдно! Культурный человек! Окончил семь классов – говорит такие глупости. Надо себя больше уважать, товарищ Чернявин.

– Я забыл, товарищ заведующий...

– Что забыл?

– Забыл... вот... Днепрострой.

– Днепрострой – такая вещь, о которой нельзя забывать. Понимаешь, нельзя! А кроме того... ты сказал... старшие классы не для всех. Это тоже... не блещет остроумием.

– Я в том смысле сказал...

– Смысла мало. Такое количество смысла меня не устраивает. Мало смысла, понимаешь?

Алексей Степанович глянул Игорю в глаза, и Игорь увидел, что у заведующего нет ничего холодного, ничего скучноватого: у него было живое, требовательное лицо. Игорь ответил:

– Да, понимаю, товарищ заведующий.

– Ага! Это уже лучше. Это гораздо умнее сказано. Теперь еще один вопрос: ты хороший товарищ?

Глаза Алексея Степановича смотрели сейчас иронически, как будто в его вопросе был нескрываемый подвох. И поэтому Игорь переспросил:

– Хороший ли я товарищ?

– Да. Хороший товарищ или... так себе?

Этот вопрос, в сущности, был для Игоря легким вопросом, он ответил уверенно и охотно:

– Да, я могу сказать: товарищ я неплохой.

Алексей Степанович улыбнулся вдруг просто и дружески, и в его улыбке было что-то такое задорное, почти мальчишеское, только у детей так свободно, беззастенчиво открываются губы, у них не остается никаких узких щелей и углов.

– Молодец! Нет, знаешь, ты далеко не глупый человек, это очень приятно. Ну... хорошо. Ты познакомишься с нами ближе. Витя, у нас где место?

– Есть место в восьмой бригаде.

– Хорошо. Будешь в восьмой бригаде. Бригадир Нестеренко – человек основательный. Ты немного зубоскал, правда?

Игорь чуть-чуть покраснел.

– Немножко.

– Это ничего, а то в восьмой бригаде много серьезных. Отдохни, а там и за дело. Бежать не будешь?

Почему-то Игорь не захотелось сказать «там будет видно», но он помнил свой ответ *Вите* и посмотрел *на него*. Свободно, просто и уверенно Витя ответил за Игоря, чуть-чуть улыбаясь одними глазами:

– Нет, Алексей Степанович, он бежать не собирается.

– Добре. Значит... Воленко, действуй.

Воленко вытянулся.

– Есть!

12

Полное недоверие

Все вышли из кабинета, кроме Володи Бегунка. Володя снял локти со стола:

– Алексей Степанович!

– Ну?

– До зарезу нужно тридцать копеек на мазь.

– Тридцать копеек? Хорошо, я скажу завхозу.

Все в Володе оставалось в положении «смирно», только шея вытянулась и в глазах появилось обиженно-убедительное, страстное выражение.

– Да он не купит! Честное слово, он не купит... Он будет говорить...

– Ладно. Вот тебе тридцать копеек на мазь, а это двадцать на трамвай.

– Сейчас можно?

– Можно... до четырех часов.

Очень радостно, громко, с молниеносным салютом Бегунок сказал:

– Есть, Алексей Степанович!

Он выскочил из комнаты, потом приоткрыл дверь, просунул голову.

– Спасибо!

По коридору мимо часового Володя пролетел с предельно скоростью, но и пришлось с такой же скоростью возвратиться, чтобы спросить у часового:

– Куда дежурный пошел? Воленко?

Часовой, опираясь на свою винтовку, нахмурил брови:

– Воленко? А он туда пошел, с этим чудаком... туда.

Часовой показал направление.

Володя побежал догонять. По плиточному тротуару он повернул за угол и выбежал на широкий двор, обставленный хозяйственными постройками. В самом центре двора он увидел Воленку и Чернявина, направляющихся к кладовой. Володя, запыхавшись, обогнул их и пошатнулся, останавливаясь перед дежурным:

– Товарищ дежурный бригадир! Товарищ Захаров разрешил в город до четырех.

Воленко удивился:

– В этом костюме?

– Нет, не в этом. Я только говорю. А я надену парадный. Я сейчас надену.

Воленко отправился дальше:

– Ты переоденься и приди показаться.

У Бегунка на этот раз даже руки вышли из положения «смирно».

– Так, Воленко! Я же не какой-нибудь новенький. Другие дежурные всегда отпускают и то... доверяют. Я хорошо оденусь.

– Я посмотрю.

Володя несколько увял, опустил плечи, неохотно и сумрачно сказал «есть» и уступил дорогу. *Игорь Чернявин смотрел на дежурного с уважением.*

Через пятнадцать минут, когда Воленко вел Игоря в баню, Володя стал перед дежурным:

– Товарищ дежурный бригадир! Я могу идти?

Воленко уже занес ногу на ступеньку, но оглянулся, внимательно осмотрел Володю, тронул его пояс, бросил взгляд на ботинки, поправил белый воротник. Румяное личико Бегунка над белым воротником сияло совершенно неизъяснимой красотой. Большие карие глаза ходили по следам взглядов дежурного и постепенно меняли выражение, переходя от смущенного опасения к победоносной гордости. Тюбетейки Воленко не тронул, но сказал возмущенно:

– Я не понимаю, что это за мода! Почему у тебя всегда тюбетейка набекрень?

Рука Володи быстро поправила тюбетейку, и глаза потеряли некоторую часть гордости.

– Зеркало у вас есть? Надо в зеркало смотреть, когда уходишь. Деньги на трамвай имеются?

– Деньги есть.

– Покажи.

– Да есть! Вот еще, Воленко, какое у тебя недоверие!

– Показывай!

Маленькая ладонь Володи расправилась у пояса, и над ней склонились две головы в золотых тюбетейках.

– Это тридцать копеек на мазь, а это двадцать копеек на трамвай.

– Только смотри, все равно узнаю: нужно покупать билет, а без билета нечего кататься.

А то я знаю: все экономию загоняете!

– Да когда же я, Воленко, загонял экономию? У тебя всегда... такое недоверие.

– Знаю вас... Можешь идти!

– Есть!

На этот раз «есть» было сказано без всякой обиды.

13

«Исплотация»¹²⁰

Город был большой, и самая лучшая улица в городе – улица Ленина. На этой улице, на горке, стоит белое здание с колоннами, в здании помещается театр. На улице много прекрасных витрин, но Ваня Гальченко бредет между людьми и витринами грустный. Чулки у него исчезли, голова заросла грязной, слежавшейся порослью, ботинки порыжели. *Личико у Вани побледневшее, немытое, только большие серые глаза оставались прежними – над ними нахмурились бровки.*

Ваня пережил плохой месяц. Тогда, у стога соломы, ограбленный и обиженный, он недолго плакал, но долго думал и не придумал ничего. Продолжал думать и потом, когда, перебравшись через переезд, прошел по «своей» улице; со стесненным сердцем посмотрел на крыльцо¹²¹, на котором вчера чистил людям ботинки. *На этом месте у него в глазах снова появились слезы, и он нарочно остановился перед афишей и читал ее, чтобы никто не увидел слез.*

Так начались его трудные дни. *Ночевал он в той же соломе, и в первые две ночи его никто в ней не заметил. После третьей ночи он проснулся ослабевшим от двухдневного голода, вставать ему не хотелось. И тогда он увидел над собой удивленное лицо старой женщины.*

– Кто это здесь? А?

– Что?

– Мальчик какой-то, что ли? Беспризорный?

– Нет, я не беспризорный...

– Не беспризорный, а ночуешь в соломе. Нехорошо так. Где твои родные?

– Родные? Это кто, отец, да?

– Отец, мать... Где они?

– Они уехали.

– Уехали? А тебя бросили?

– Они уехали, а только они не отец и мать.

– Чудно ты говоришь. Бледный ты какой, больной что ли?

Ваня просто поправил ее.

– Нет, не больной, а только... голодный очень.

И улыбнулся, сидя в соломенном гнездышке, сложив по-турецки ноги.

– Голодный... – старушка потирала руки в смущении, потом заторопилась, прошептала:

– Беда, какая беда! Пойдем я тебе хлебца дам, что ли?

Ваня пошел за ней к хате. В хате было чисто и просторно: блестели недавно крашеные полы. На лежанке, накрытой самодельным вязаным ковриком, сидели двое мальчиков года по три-четыре и, надувая щечки, играли деревянными кубиками. Увидев Ваню, они не успели даже принять руки от кубиков, загляделись на него испуганно-внимательными глазенками. Ваня стоял у порога и смотрел, как бабушка торопливо открыла низенький шкафчик, достала из него половину ржаного хлеба. Она приложила хлеб к груди и большим ножом начала резать, потом подумала, наметила кусок побольше и отрезала. Спрятала хлеб и нож и только тогда протянула отрезанный кусок Ване. Ваня принял кусок двумя руками,

¹²⁰ Первоначальное название «Почему он такой?»

¹²¹ В оригинале «крылечко».

такой он был большой. Бабушка стояла и смотрела на Ваню печальными глазами. Мальчики на лежанке так и не пошевелились: пальцы их все держали кубики, глаза все смотрели и не могли оторваться от гостя, кажется, они не разу не моргнули с той минуты, когда он вошел.

Ваня сказал:

– Спасибо.

– Ну а дальше как? Ты пошел бы куда? Приюты есть такие, детские дома называются. Попросил бы, что ли?

– Я попрошу, – Ваня ответил деловито-спокойным голосом, рассматривая огромное свое хлебное богатство. – Я пойду в колонию Первого мая, там, говорят, прилично.

– Ишь ты какой! Прилично! Да тебе какую-нибудь, все равно. А то еще придумал: прилично.

Несмотря на голодный желудок, Ваня не согласился с бабушкой. Хлеб остался у него в одной руке, а другую руку он поднял к плечу:

– Бабушка! Это вовсе не я придумал, а все так говорят.

Его глаза загорелись забавной решительностью во что бы то ни стало убедить бабушку. Но бабушка и не спорила.

– Так ты походи. Пойди, голубок, что ж тебе так страдать. А красть ты не умеешь, видно. Правда?

Ваня быстро глянул в окно, немного суматошливо нашел правильный ответ и только тогда обратил оживившиеся глаза к бабушке:

– Я так думаю, что я сумел бы, только я не хочу красть. Я, понимаете, не хочу.

– А ты, что ж... когда-нибудь стащил у кого, что ли?

– Нет, еще никогда.

– Так, значит, и не умеешь. Какой же там умеешь!

Ваня не сдавался, он начал уже и хлебом жестикулировать:

– Разве это нужно уметь? Это совсем нельзя сказать «уметь». Если ботинки чистить, так нужно уметь.

Бабушка улыбнулась ласково:

– Чего это мы разговариваем все? Ты кушай хлеб, кушай.

– Я там... в соломе. Там...

– Ну, это, как тебе лучше.

– До свиданья.

– До свиданья. А как же тебя зовут?

– Ваня Гальченко.

– Ишь ты, фамилия у тебя какая! Гальченко. Ты, Ваня, не бойся. Если не скоро найдешь эту самую колонию, так заходи. Хлеб у нас всегда есть.

Мальчики на лежанке зашевелились. Один из них взволнованно забегал глазенками по комнате, бросил, наконец, свои кубики:

– Баба! А почему он такой?

Ваня открыл дверь и не слышал, что ответила бабушка на этот важный вопрос.

Возле соломы съел Ваня половину хлеба, а вторую половину запрятал. Он не чувствовал себя способным когда-нибудь зайти к бабушке и попросить хлеба. За два дня, истекшие после катастрофы, Ваня обошел весь город, несколько раз заходил на рынок, прохаживался мимо столиков и киосков, в закоулках рынка и на второстепенных улицах он видел просящих старух, калек и детей, и тогда решил, что протягивать руку и просить, как они, долго, надсадно, привязчиво и жалобно, – он никогда не будет.

Все-таки Ваня хотел найти работу. Какая именно должна быть работа, Ваня не знал и даже не думал об этом. Он находил много рабочих мест в запущенных парадных ходах,

и кое-как сбитых деревянных пристройках. Прямо на улице сидели сапожники и заливщики галош, в закопченных, покосившихся хибарках стучали жестяницы, арматуричики. Ваня подходил к ним, прислонялся на притолоке – и, постояв, уходил. У всех них был инструмент, у него инструмента не было, и выхода из этого положения он не мог найти!

На другой день после знакомства с бабушкой Ваня остаток хлеба тоже поделил на две части, хотя это было трудно сделать. Но впереди все было очень неопределенно, и Ваня не хотел снова два дня голодать.

Где находится колония им. Первого мая, Ваня никак не мог выяснить. На улицах он спрашивал встречных, но большинство отвечало незнанием, а были и такие, которые отмахивались рукой и молча проходили дальше. К милиционерам Ваня подходить боялся. Боялся он и беспризорных и старался куда-нибудь скрыться, когда видел их приближающуюся стайку. Вообще Ваня плохо привыкал к сложности и многолюдству большого города. На той станции, откуда он приехал, все было проще и понятнее. *Поэтому и сейчас Ваня старался больше бывать на окраинах города, там было меньше движения и доступнее люди.*

*На четвертый день он спросил у молодой женщины, катящей перед собой детскую коляску:*¹²²

– *Знаете что? Мне нужно найти колонию Первого мая, а я никак не могу найти?*

– Колония Первого мая? – женщина остановила коляску. – Я слышала. Только это далеко. Это за городом, мальчик.

– За городом? А где?

– Я не знаю. Ты спроси в наробразе.

Режущее, незнакомое слово так испугало Ваню, что он даже вздохнул. Стало вдруг очевидно, что в городе жизнь гораздо более запутана, чем ему казалось.

– *В наробразе? А что это?*

– Это учреждение, понимаешь, дом такой. Там тебе и скажут...

– Дом...

– Это на главной улице. Не забудешь? Наробраз.

– Наробраз.

– Ты на главной улице спроси. Тебе каждый покажет.

– Там написано?

– Наверное, написано.

Ваня обрадовался. *Главную улицу он хорошо знал, на ней нетрудно будет найти и наробраз.* Но пришлось истратить целый день на это дело. Несколько раз он прошел главную улицу. В последний раз шел медленно, останавливался перед каждым входом, от первого до последнего слова прочитывал все вывески, но такого слова «наробраз» так и не встретил. Наконец догадался спросить. Пожилой человек в шляпе показал палкой на огромный дом с просторной перед ним площадкой и сказал:

– Наробраз? А это в окрисполкоме. Это там...

Этот дом давно заметил Ваня и даже прочитал все вывески при входе. Там такой вывески «наробраз» тоже не было. Все же он поверил пожилому человеку и направился к этому дому.¹²³

Ваня еще раз просмотрел все вывески при входе в большое здание, просмотрел рассеянно, потому что хорошо знал, что наробраз там не было. Потом вспомнил, что с другой стороны подъезда на асфальтированной площадке выступает крылечко и над ним есть какая-то вывеска. Он нашел этот вход. Действительно, здесь была вывеска, и на ней написано:

---

¹²² Далее редакционная правка «-Где колония Первого мая? Никто не знает.»

¹²³ Далее в оригинале обозначена глава «14. Уроки политической экономии».

Окружной отдел народного образования

Опять не то. Но в этом месте Ваня увидел нечто, не имеющее никакого отношения к наробразу, но, безусловно, важное. На асфальтированной площадке сидело целых четыре чистильщика – все мальчики. *Такого собрания маленьких чистильщиков он никогда еще не встречал. До сих пор Ваня не останавливался перед чистильщиками: наступили пыльные дни, клиенты становились в очередь. Ваня не хотел мешать вопросам. И здесь каждый чистильщик работал напряженно, перед афишами в сторонке стояли люди, ожидающие свободной подставки. Но* одна подробность Ваню сильно заинтересовала: стояла пятая подставка для чистки обуви, на ней лежали две щетки. Ваня заметил, как на это соблазнительное оборудование *с аппетитом* поглядывали люди, читавшие афиши, но ничего сделать не могли: работник, вероятно, отлучился надолго. Ваня подошел сбоку к самой подставке и начал наблюдать работу мальчиков. Ближайший к нему, скуластый, веснушчатый пацан лет пятнадцати, работал быстро, весело, щетки у него в руках ходили незаметно для глаза. Начиная задник, он наклонялся вперед и вбок, поглядывая на Ваню. Когда клиент снял ногу с подставки и полез в карман за кошельком, пацан дробно застучал колодками щеток по ящику и *внимательно* загляделся на Ваню. Глаза у него были ловкие, напористые, уверенные. Ваня смутился и двинулся уходить. Пацан крикнул:

– Ты чего здесь заглядываешь?

– Это я?

– «Это я»! Чего торчишь? Может, чистить умеешь?

– Умею.

– Врешь.

– *Нет*, я умею.

– А ну покажи!.. Пожалуйста, гражданин! Вот к нему! Пожалуйста, пожалуйста!

– Да, может, он не умеет?

– Я отвечаю. Если будет плохо, перечищу. Как тебя зовут?

– Ваня.

– Ванька? Садись.

Пацан энергично перемахнул к свободной подставке, открыл ящик, достал одну коробку, другую, открывал, закрывал их. В ящике находилось большое богатство: мази всех цветов, даже бесцветная, две бархотки, банка с разведенным мелом. Он выбросил малую щетку, банку с черной мазью, хлопнул рукой по подставке, сказал:

– Начинай! Видишь, сколько народу!

Ваня уселся на скамеечке, расставил ноги¹²⁴, с удовольствием принялся за работу. На подставке стоял хороший, новый ботинок, и над ним нависла штанина, тоже новая, дорогого сукна. Ваня начал сметать пыль с ботинка, но энергичный пацан крикнул на него недовольным голосом:

– Умеешь! Штаны подкати!

Ваня оглянулся растерянно, но скоро догадался, в чем дело. Аккуратно, не спеша, подкатил штанину, получилось хорошо. Ваня продолжал работу. Скуластый хозяин был занят своим клиентом, но все время посматривал на работу Вани, а когда клиент *Вани* ушел, он сделал *ему* одно замечание.

– Зачем мази много кладешь? Он не понимает, говорит: «Чисти», – а на самом деле мази не нужно. Туда, сюда – и готово. А ты намазал!

---

¹²⁴ В оригинале «ножки».

К Ване подошел новый клиент, потом еще один. Ваня работал охотно, с радостью, но руки и спина у него заболели почему-то очень скоро, и он был доволен, когда наступила передышка.

– Деньги давай, – сказал скуластый, не глядя на Ваню. – Ох ты, черт, спать хочется. У тебя есть документ?

У Вани было тридцать копеек. Ему не жалко было этих денег, но почему-то раньше ему не приходило в голову, что их придется отдавать, поэтому он немного удивился требованию и переспросил:

– Тебе деньги отдать?

– А как же? Ха! А кому ж отдавать?

Он взял тридцать копеек и небрежно бросил в свой ящик. А из ящика достал три копейки.

– На. *Я тебе* буду платить по копейке с гривенника. Хочешь?

– Как это: по копейке?

– По копейке, хочешь? *Буду тебе платить* за каждого.

– Мне *будешь платить*?

– Ну да, за работу. *Тебе* нужно платить или не нужно? А документ у тебя есть?

– Какой документ?

– *У тебя нет* документа? *Видишь*, тебе и по копейке много. А если спросят: какое право имеешь чистить, тогда что будет?

– А я скажу, что нету документа.

– Он скажет! Подумаешь! А он возьмет ящик, и ты пойдешь... знаешь?

– *Я никуда не пойду.*

– *Да, не пойдешь!* Юрка, посмотри за ним, а я пошамать...

Их сосед в общем ряду – Юрка – кивнул головой, ответил нехотя:

– Посмотрю.

– И посчитай, сколько он наработает.

– Считать мне некогда, сам считай.

– И не надо. Все равно, если спрячешь, найду. Все равно найду, понимаешь? – Он стоял перед Ваней и теперь, во весь рост, казался выше и основательнее. На нем были хорошие брюки навывпуск и новые ботинки. Ване стало не по себе перед его настойчивой угрозой, Ваня отвернул лицо в сторону, прошептал:

– Ничего я прятать не буду.

Скуластый отправился по улице. Юрка повернул к Ване лицо, сказал недружелюбно:

– По копейке взялся! Ходит тут всякая шпана!

Ваня ничего не ответил. Юрка еще два раза посмотрел на него, задумался, плюнул с осуждением через свой ящик, сказал своему соседу слева:

– *Спирка таки* нашел дурака. По копейке!

Подошел клиент. Юрка застучал щетками:

– Пожалуйте, гражданин. Почистим шевровые!

Но гражданину, видно, не понравилась развязность Юрки, тем более что ботинки у него были вовсе не шевровые. Он поставил ногу к Ване.

– Да он и чистить не умеет, он приبلудный! Жалеть будете!

Ваня ощущал неприятную робость перед Юркой. Он нахмурил брови механически, без увлечения закончил работу, положил гривенник в ящик. Юрка с презрением наблюдал за ним, *а когда клиент ушел, снова пристал:*

– *По копейке!* Это разве можно! *И у нас работу отбиваешь. Ты отсюда уходи.*

Ваня не стал спорить. Он сложил коробки и щетки в ящик, спрятал туда же бархотку, протянул Юрке тринадцать копеек. Юрка удивленно засмеялся:

– Вот дурак! А это твои три копейки, зачем отдаешь?

– Не хочу, – сказал Ваня.

– И не надо. А только ты дурак: сейчас же уходить! Садись, я ничего не буду говорить, чисти себе.

Ваня снова присел на скамейку. Юрка помолчал, посвистел:

– Ты беспризорный?

– Нет, я еще не был беспризорным.

– А как же ты?

– Я чистил, а у меня украл один.

– Ящик украл?

– И ящик, и щетки. И десять рублей.

Юрка принялся натирать собственные ботинки.

– В этом городе зевать нельзя. Вот в Тамбове, там другое дело. А здесь обязательно украдут. А только ты напрасно по копейке. Надо по пять копеек. И то ему сколько прибыли будет. Спирька – он шура. Ох, и шура! По копейке!

Последний в ряду слева, большой, неповоротливый, скучный, бросил¹²⁵:

– Спирька меня целое лето эксплуатировал, сволочь! Целое лето, так и то по три копейки платил.

– По пять нужно, – сказал¹²⁶ Юрка.

Большими стаями пошли клиенты, разговоры прекратились. Ваня не успевал разогнуть спину, одна нога за другой менялись на подставке, гривенники прибавлялись в ящике. Но сейчас Ваня не испытывал прежней трудовой радости, лица клиентов его не интересовали, и он с клиентами не разговаривал. Наконец он так устал, что щетки еле-еле двигались у него в руках, чаще стали вырываться. Возвратился Спирька с папиросой в зубах, увидел группу ожидающих, закричал весело:

– Вот пришел мастер первой категории! Пожалуйте!

Еще с полчаса все пятеро разгружали очередь. У Вани вспотел лоб и стало болеть в груди. Когда последний клиент бросил ему гривенник, Ваня даже не поднял монету, она так и осталась лежать на асфальте. Потом Спирька сказал:

– Давай выручку!

Не считая, Ваня передал ему серебро.

– Ого! Рубль шестьдесят! Здорово! А больше нет?

– Нет.

– А ну, выверни карманы.

Ваня вывернул.

– Значит, тебе шестнадцать копеек. На. Видишь, и заработал.

Юрка, положив руки на колени, обратил глаза к Спирьке. Глаза выражали негодование. Негодование выражали и другие пацаны, но только последний в ряду, неповоротливый и скучный, сказал:

– А все-таки, Спирька, паскудно ты поступаешь¹²⁷.

Спирька воинственно направил на него скуластое лицо¹²⁸:

– Что ты сказал? Что ты сказал?

Последний ничего не ответил, но Юрка подтвердил тихо с улыбкой:

– Не слышал? Правильно сказал! Это называется, знаешь как?

---

¹²⁵ В оригинале «отозвался».

¹²⁶ В оригинале «настаивал».

¹²⁷ Редакторская правка «Паскуда ты, Спирька».

¹²⁸ Редакторская правка «обернулся».

– А как? А как?

– Это называется исплотация! Исплотация! Что ж ты ему по копейке! Так же только буржуи делают, исплотаторы.

Спирька гневно завертелся на асфальте, покалывал взглядами Ваню, но с наибольшим возмущением обращался к последнему в ряду:

– А по сколько ему давать? Он и чистить не умеет. А гуталину сколько изводит? Ты видел? А если тебе, Гармидер, жалко, так и плати ему сам. Пожалуйста, плати хоть по десять копеек.

Гармидер по-прежнему скучно смотрел в сторону и ничего не сказал. Спор поддерживал Юрка.

– Гармидер не исплотатор, у него и ящика лишнего нету.

– Ага! У него нету! И у тебя нету! Так вам хорошо говорить! А я гуталин должен покупать? А щетки стоят? А бархат стоит? А за ящик ты не платил четыре рубля, не платил? Так тебе легко!

Юрка далеко плюнул прямым, как стрела, броском.

– Мне легко, у меня свой ящик. И ты себе чисть. А второй ящик – это исплотация значит.

– Заладил, как сорока: исплотация, исплотация! Какой пионер, подумаешь! Его никто не держит, пускай себе идет куда хочет. И документа у него нет. Он поймается, а мой ящик и весь припас пропали!

Юрка еще раз далеко плюнул, поднялся, потянулся, зевнул.

– Как себе хочешь. А только *при советской власти...*

– *Ох, советская власть! Скажи, пожалуйста!*

– *Да, советская. Как себе хочешь.* А только мы не позволим. Плати ему по пять копеек с гривенника.

Спирька заверещал на всю улицу:

– По пять копеек?

– По пять копеек!

– По пять копеек без документа?

– Ну... если ящиком рискуешь, плати по три копейки. Гармидеру платил по три и ему по три.

Спирька вдруг неожиданно сдался, перестал кричать, захохотал, хлопнул Юрку по плечу.

– Да я и плачу ж по три. Чего ты взъерепенился?

– И плати по три.

– А по сколько ж? Это я пошутил, что по копейке. Думал, посмотрю, как он работает, а может, он убежит. Очень мне нужно: исплотация! Пускай себе чистит. Это я на смех, а вы тут целый митинг завели!

Спирька долго посмеивался, поглядывал острыми глазами на всех. Гармидер не обращал на него внимания и скучно глядел в сторону. Юрка снова уселся за свой ящик, улыбался понимающе, наконец, сказал:

– Да чего ты представляешься? Что, мы не знаем? У тебя этот ящик целый месяц даром стоит. А тут нашелся пацан, другой бы обрадовался, если *разумный человек*, а ты жадничаешь: по копейке.

– Вот чудак! Жадничаю! Пошутил я, это верно. Пожалуйста: по всей справедливости расчет. Начистил ты на три гривенника, потом еще на пятнадцать гривенников.

– На шестнадцать, – поправил Юрка.

– Ну да, на шестнадцать. Значит, на девятнадцать разом. Вот тебе еще по две копейки с гривенника – тридцать восемь копеек. Целую кучу денег заработал.

Ваня в течение всей этой истории сидел неподвижно на скамейке и слушал. *Заработок меньше всего его занимал.* Его захватила неожиданная глубина проблемы, поднятой чистильщиками. Еще так недавно Ваня учился в школе, в четвертой группе. В школе говорили об Октябрьской революции, о поражении буржуев, о гражданской войне. Все это, казалось Ване, давно прошло, как вдруг он сам сделался предметом эксплуатации. Спирька в его глазах вдруг перестал быть чистильщиком, соседство с ним стало неприятным. Но когда Спирька высыпал на его руку тридцать восемь копеек, Ваня с радостью увидел и другую сторону проблемы: теперь у него было пятьдесят семь копеек, да еще до вечера оставалось много времени... *Съеденный вчера последний кусок бабушкиного хлеба перестал быть печальным воспоминанием.* Сегодня он поужинает не иначе, как замечательно влажной, вкусной колбасой с мягкой булкой. Ваня с большим удовольствием набросился на новый ботинок, очутившийся на подставке, и легко принял дополнительное требование Спирьки:

– Только ты и ящик домой отнесешь. Я тебе носить не буду.

14

Непонятное

Три недели работал Ваня у Спирьки, зарабатывал по рублю в день, а то и больше. На пищу ему хватало. Но работать приходилось много, к вечеру Ваня очень уставал, а еще нужно было и ящик относить и утром приходиться к Спирьке за ящиком. К счастью, Спирька жил недалеко от товарной станции, следовательно, и от той соломы, где Ваня ночевал.

За это время Ваня ближе, чем с другими, сдружился с Юркой. Юрка был человек опытный и много понимал в жизни. Несмотря на то, что он был круглый сирота, он спал не на улице, как другие, а нанимал угол у какой-то «тетки». Он очень одобрительно отнесся к намерению Вани идти в колонию им. Первого мая, но тут же и разочаровал его:

– Там хорошая колония, *но* только тебя не примут.

– Почему *меня* не примут?

– Думаешь, так легко принимают? Тут в городе пацанов ой-ой-ой сколько хотят, а попробуй. Я тоже ходил.

– *Ты* в колонию ходил?

– Ходил. Еще в прошлом году. Меня как пришили декохт, а ящика у меня не было. Я и пошел. А теперь мне наплевать на них. Еще и лучше, потому – у них все-таки строго: чуть что – «есть», «есть». И пацаны там есть знакомые, а только наплевать!

Юрка и действительно плюнул артистическим своим способом:

– Проживу и без них.

– Значит, они не берут?

– Они не имеют права, а нужно в комиссию идти.

– В какую комиссию?

– Комонес называется.

– А где она?

– Комонес? А вот тут за углом сейчас. Только туда не пустят.

– В колонию?

– Нет, в комонес. Я ходил, так туда не пустили.

Все-таки Ваня улучил минутку и побежал в комонес. Это было, действительно, за углом. Окончился его визит очень быстро. Ваня успел проникнуть только в коридор, и уже через минуту он снова стоял на крыльце, а на него глядела из полуоткрытой двери лысая голова сторожа. Разговор между ними начался еще в коридоре и за самое короткое время успел дойти до большого накала. Быстро обернувшись к двери, Ваня дернул плечом и крикнул со слезами:

– Не имеете права!

Сторож никакого мнения по вопросу о праве не высказал, он выразался директивно:

– Иди, иди!

– Я хочу в колонию Первого мая!

– Мало ты чего хочешь! Здесь таких не берут.

– А каких?

– Правонарушителей берут, понимаешь?

– Каких нарушителей?

– Повыше тебя сортом. А не то, что всякий сброд: захочется ему в колонию, скажите, пожалуйста.

– А если мне жить негде?

– Это что: жить негде? Это пустяки. Это спон принимает.

– Спон? Какой спон?

– Так говорится: спон. И иди себе!

Сторож захлопнул дверь. Ваня задумался, *пожал плечами, прошептал недоуменно:*

– «Спон!»

К месту работы Ваня возвращался расстроенный, *пощипал губу*. Юрка еще издали увидел его и крикнул:

– А что я говорил?

Ваня присел на скамейку, взялся за щетки. Клиент уже поставил ногу, Юрка заканчивал щегольской командирский сапог и все-таки отозвался на события:

– Он думал, там ему сейчас: пожалуйста, товарищ Гальченко, садитесь.

Ваня ничего не сказал, а когда кончил работу, спросил:

– А он говорить, в спон какой-то идти?

– Кто говорит?

– Да там такой лысый: в спон.

– Стой, стой! Спон? О! Знаю! Это в наробразе, знаю спон. Только там... – Юрка завертел головой, и Ваня понял, что Юрка выразил предельное пренебрежение к спону.

– А ты скажи...¹²⁹

– Да там... ну... туда лучше не ходи. Буза!

Спирька к подобным разговорам относился с самым холодным презрением. Он принимал и отпускал клиентов, курил, посвистывал, с кем-то перемаргивался, как будто никакого спона не существовало.

– Спон этот здесь. – Юрка кивнул на входную дверь, возле которой они сидели. – Только они здесь не берут¹³⁰, а говорят: иди в приемник. Буза!

Но Ваня не мог не думать, на следующий день отправился в спон. Он вошел в ту самую дверь, на которую показывал Юрка, поднялся по узкой и темной лестнице и попал в такой же темный коридор. Здесь было много дверей, они открывались и закрывались, какие-то люди входили и выходили, за фанерными створками дверей гудели голоса, стучали машинки. В коридоре на деревянных диванах сидели потертые, с нечищеными ботинками клиенты и скучали. Ваня прошел весь коридор, прочитал все надписи и вернулся. У одного из сидящих спросил:

– Спон, понимаете...

– Ну?

– Какой это спон?

– Спон самый обыкновенный. Сюда иди.

---

¹²⁹ Редакторская правка «– Ч-чего?»

¹³⁰ В оригинале «не принимают».

Он показал пальцем на дверь. На двери Ваня прочитал:

Социально-правовая охрана несовершеннолетних

Прочитал еще раз. Ничего не понял. Обернулся.

– Это спон?

– Еще не верит, малыш. Прочитай первые буквы.

Ваня прочитал и обрадовался, теперь он все понял, действительно, это был спон. Ваня открыл дверь и вошел. В небольшой комнате сидели четыре женщины и один мужчина. Все они что-то писали. Ваня осмотрел всех и обратился к маленькой женщине с черными большими глазами.

– Здравствуйте.

Женщина посмотрела на Ваню, но продолжала держать перо в руке:

– Тебе чего, мальчик?

– Мне... спон.

– Ну да, спон, так что тебе нужно?

– Отправьте меня в колонию Первого мая.

Женщина заинтересовалась Ваней, положила ручку, ее глаза улыбнулись:

– Это ты сам придумал?

– *Я придумал. Уже давно придумал.*¹³¹

– Не может быть. Тебя кто-то научил.

– *Нет, меня никто не учил. В колонии Первого мая*¹³², говорят, прилично.

Женщина с черными глазами переглянулась с другой женщиной, обе они улыбались, не открывая губ.

– Еще бы! Ты – беспризорный?

– Нет, еще не был *беспризорным*.

– Так чего же ты пришел? Мы берем только беспризорных.

– Я не хочу быть беспризорным.

– Видно, ты очень неглупый мальчик.

Ваня повел головой к плечу:

– А чего ж я буду глупый?

– Это и видно. – Они опять поглядели друг на друга.

– Ну, хорошо. Не мешай... – сказала одна из них.

– Я не мешаю.

– В колонию Первого мая мы не отправляем. Это комонес.

– Комонес?

– Да, комонес. Туда правонарушителей отправляют.

– Я был в комонесе. Так там выгоняют! Такой... *у него волос нету*¹³³.

– У них есть кому выгонять, а у нас некому, так ты и стоишь. Я тебе сказала: не мешай!

За столом в углу поднялся молодой мужчина и сказал недовольно:

– Мария Викентьевна, сами виноваты: зачем эти разговоры? Сами вступаете с ними в прения, а потом не выгонишь. Работать абсолютно невозможно.

Он вышел из-за стола, подошел к Ване, ласково, осторожно взял его за плечи, повернул лицом к двери:

– Иди!

В коридоре Ваня еще раз прочитал надпись:

---

¹³¹ Редакторская правка «– Сам».

¹³² Редакторская правка «Там».

¹³³ Редакторская правка «лысый».

Социально-правовая охрана несовершеннолетних

Потом прочитал первые буквы. Выходило, действительно, спон. Но теперь это уже было не так понятно, как четверть часа тому назад¹³⁴.

Через¹³⁵ три недели произошла новая катастрофа. К чистильщикам подошел молодой человек с портфелем и потребовал документы. В катастрофе виноват был сам Спирька. Нужно было посадить Ваню в середине шеренги чистильщиков – в таком случае, как потом объяснили опытные люди, Ваня успел бы смыться. Ваня же сидел крайним, и человек с портфелем прежде всего потребовал документы у него.

В ответ на это Ваня только похолодел. Человек с портфелем помолчал над ним и распорядился:

– Собирай свое добро.

Ваня беспомощно обратился к Спирьке, но Спирька вел себя самым странным образом: он любовался улицей, любовался властью, его глаза смеялись от удовольствия.

– Бери ящик, чего ты оглядываешься?

– Так это не мой ящик.

– Не твой? А чей?

– Это его, Спирьки.

– Ага, Спирьки? Это ты – Спирька?

– Я! А какое мне дело?

Спирька очень честно и обиженно пожал плечом.

– Чей это ящик, ребята?

Сначала молчали, а Гармидер все-таки сказал:

– Ваньку нечего подводить. Спирькин ящик. И припас тоже его.

– Да идите вы к черту! Чего пристали, смотри! Я тебе продал ящик? Продал? Чего же ты молчишь?

– Когда ж это ты мне его продавал?¹³⁶

Юрка сказал примирительно:

– Засыпался, Спирька, нечего.

Человек с портфелем все понял, и судьба всей системы стала очевидной и для Спирьки. Человек с портфелем произнес после этого только одно слово:

– Идем!

Спирька выругался головокружительно, размахнулся и ударил Ваню по уху. Гармидер бросился на помощь, но Спирька успел ногой очень сильно ударить по своему ящику. Коробки с гуталином и деньги покатались по асфальту, а Спирька, заложив руки в карманы, спокойно отправился по улице. Человек с портфелем глазами искал подкрепления, но оно пришло не скоро. Юрка шепнул растерявшемуся Ване:

– Дергай!

И Ваня «дернул». Через десять минут на глухой, заросшей вербами улице он остановился. Ему казалось, что за ним погоня. Он присмотрелся к уличной дали: там никого не было, а поближе только белая собака перебежала улицу. Собака посмотрела в сторону Вани несколько подозрительно, но, когда Ваня тронулся с места, она поджала хвост и побежала скорее. Денег у Вани было двадцать две копейки, сегодняшняя выручка вся осталась в ящике.

---

¹³⁴ Далее в оригинале отмечена глава: «16. Брат».

¹³⁵ В оригинале «Когда кончились».

¹³⁶ В оригинале «– Нет, когда ж ты мне продавал?»

Снова начались дни одиночества и голода. Двадцать две копейки помогли поддерживать жизнь в течение двух¹³⁷ дней. Потом стало совсем плохо, а тут еще и небо выступило против Вани. С утра светило солнце, к двум часам собирались черные говорливые тучи, к вечеру проходила над городом гроза: ливень несколько раз с силой обрушивался на город, громовые удары били без разбору, а к ночи начинался тихий дождик и продолжался до утренней зари. Этот порядок установился на целую неделю. Ваня в своей соломенной постели промок в первую же ночь, он думал, что на второй день не будет дождя, и снова промок. На третью ночь он уже побоялся идти ночевать в солому, долго ходил по городу, пережидая дождь в подъездах и воротах домов. Так он добрался до вокзала.

На вокзале стояла тишина. В зале для ожидания только что прошла уборка. Влажный чистенький кафель с опилками, кое-где к нему приставшими, блестел под ярким электричеством, на больших диванах дремали редкие пассажиры. Двое красноармейцев закусывали. Они доставали еду из холщового мешка, стоящего между ними, и еда была вкусная: розовую французскую булку они разломали пополам, разлом этой булки был ослепительно пушистый. Шесть яиц лежало на диване, один из красноармейцев подставил широкое колено, чтобы они не скатились на пол. Другой на газетном листе потрошил и резал селедку. Кусочки селедки красноармейцы осторожно брали двумя пальцами и ели. Ваня сделал к ним несколько шагов, красноармейцы посмотрели на него, один из них *чуть* ухмыльнулся. Ваня сказал:

– *Знаете что?*

– *Ну?*

– *Знаете что? У меня нет денег. А вы мне дайте без денег.*

Один из них, широколицый, с вздернутой губой, несколько не удивился предложению Вани и не спешил ему ответить. Он долго выбирал глазами, потом взял одно яйцо, стукнул о спинку дивана:

– *Даром, значит? Выходит, – ты голодный?*

Ваня развел руками:

– *У меня, понимаете... денег... нету и все.*

– *Денег нету? Это плохо. Беспризорный, выходит?*

– *Нет... я еще...*

– *Ну, добренько¹³⁸. Садись с нами, вот сюда.*

Ваня сел против них на другом диване. Рядом с ним легла приятная порция: половина французской булки, два кусочка селедки и одно яйцо. Красноармейцы все это разложили перед ним молча, в своем мешке они оба хозяйничали дружно, но обходились тоже без слов, только изредка гмыкали. Стрелок железнодорожной охраны подошел к ним, показал пальцем.

– *Этот с вами едет... пассажир?*

Красноармеец постарше и посмуглей ответил:

– *Пока... видишь, с нами едет.*

Стрелок недоверчиво скосил глазом на Ванину закуску:

– *Чего-то он мало соответствует.*

– *Ничего, подходящий. Будет соответствовать.*

Стрелок отошел. Красноармейцы даже не переглянулись, продолжали закусывать. До самого конца ужина они не сказали Ване не слова. Только когда холщовый мешок был завязан и газета с крошками и требухой брошена в сорный ящик, молодой протянул:

– *Пожинали, значит. Ты далеко едешь, пацан?*

---

¹³⁷ В оригинале «трех».

¹³⁸ Редакторская правка «что ж».

– Я? Я никуда не еду. Я здесь живу, в этом городе.
– Здесь живешь? А как же так у тебя затруднение с деньгами вышло?
– Вышло так... Ночевать негде. А сегодня дождь.
– Это не годится: ночевать негде и денег нет. Это называется прорыв на всех фронтах. Ты, брат, иди в колонию.

– Я поеду в колонию Первого мая.
– А? Ты знаешь колонию? У меня брат там.
– В колонии Первого мая?
– В колонии Первого мая.

Ваня горячо обиделся. Оказывается, все-таки есть на свете колония Первого мая, и вот перед ним сидит живой человек – брат! Ваня вскрикнул и затаращил возмущенные глазенки:

– Так не отправляют, понимаете! Я и в комонес ходил, и в этот, как его... спон. Не отправляют – и все!

Красноармеец рассмеялся, как смеются люди, увидевшие подтверждение своих догадок:

– Правильно говоришь: комонес и спон! И я там бывал...

Он обратился к товарищу:

– Неделю ходил. Как меня взяли в Красную Армию, братишка у меня – двенадцать лет, вот такой самый. Куда девать? Надо пристроить. Туда-сюда. Говорят, хорошая колония Первого мая. Иди в колонию. Пошел я. Целую неделю ходил. Не сочувствуют мне, толкую свое. А потом в спон. Ну, там взяли брата, отправили, где-то такой детский дом. Воробьевский какой-то. Думаю, устроил все-таки. А в полку получаю от Петьки одно письмо, другое письмо, третье. Пишет мне все по одной форме: не буду здесь жить, не хочу. И скучно, и пища плохая, и наряд плохой, и воспитатели у них какие-то не такие, я так думаю – шкурники. Я ему пишу: держись, браток, держись. А он мне свое. А потом получаю письмо от заведующего. Так и написано: ваш брат Петька Кравчук – дезорганизатор, оскорбляет всех, курит, на уроки какие-то веревки носит. Что такое? Какие, думаю, веревки. Сколько я с ним жил, никаких веревок не было, а тут веревки. Я ему написал про эти веревки и про оскорбление, строго так написал. Да. Ответа долго не получал. А потом мне Петька и написал: меня, как дезорганизатора, отправили в колонию Первого мая, теперь я живу здесь и ты не беспокойся. А потом, как начал писать, как начал, вижу, выходит мой Петька на дорогу. А теперь вот приехал в командировку, пошел к нему, посмотрел – советская жизнь! Строго у них, очень строго, прямо по ниточке ходят, а молодцы народ! Петька что, тринадцать исполнилось, а он уже все понимает, и знаешь, так... цену себе знает. И в одну душу, мотористом буду, мотористом, не иначе. И будет!

Красноармеец закончил рассказ, посмотрел на Ваню, глаза у него шурились. Ваня сказал с решительной мечтой:

– Я пойду... в колонию Первого мая.

– Ты, добивайся, брат, добивайся. Если захочешь, добьешься. Ты по-советскому, знаешь?

– Я по-советскому, – сказал Ваня. И в эту минуту он почувствовал, что колонии Первого мая он добьется.

15

Серебряный гривенник

Ваня здесь, на вокзале, и заснул, сидя на диване. Стрелок не беспокоил его до утра, потому что на противоположном диване сидели красноармейцы. Но утром, когда стрелок

все-таки разбудил Ваню, красноармейцев уже не было. Стрелок молча смотрел на Ваню, а Ваня молча догадался, что нужно уходить.

Он побрел к главной улице, ему хотелось посмотреть, что теперь происходит на асфальте возле наробраза, а кроме того, он решил еще раз зайти в спон и поговорить там о колонии Первого мая.

Походка у Вани деловая, но настроение у него плохое: мужчина в споне, который сидит за самым дальним столом, бросает на жизнь довольно мрачную тень. Из магазина вышел мальчик в золотой тюбетейке – Володя Бегунок. И на тюбетейку эту, и на вензель на рукаве, и на живые темные глаза Ваня так¹³⁹ загляделся, что даже приостановился у деревянной клетки¹⁴⁰, ограждающей молодое дерево.

Володя Бегунок держал в руке коробку мази для чистки *своей* сигнальной трубы. Стоя при выходе из магазина, он внимательно рассматривал этикетку на коробке. Потом спрятал мазь в карман, но, вынимая руку из кармана, выронил гривенник, который назначен был на обратный трамвай. Гривенник покотился под ноги Вани Гальченко. Ваня быстро наклонился, поднял монету. Бегунок выжидательно посмотрел на Ваню. Ваня протянул ему гривенник. Володя взял и несколько смущенно объяснил:

– Это у меня на трамвай. А то пешком... *пришлось бы*... шагать. Шесть километров *все-таки*.

Ваня улыбнулся из вежливости. Собственно говоря, у Вани есть свои дела, гораздо более трудные.

– Шесть километров? *Ты живешь там... далеко?*

– Там... – Володя показал *на небо*¹⁴¹, – колония Первого мая.

*Ваня вспыхнул, ошеломленный, бросился*¹⁴² к Володе.

– Первого мая?

– Ну да.

– Ты из Первого мая? *Да?*¹⁴³ – Ваня, не сдерживая радости, засмеялся. Володя улыбнулся, гордый своим высоким званием.

– *Да. Я* – колонист. Видишь, – и форма первомайская.

Володя поднял локоть. На рукаве на бархатном ромбике было вышито: золотым цветом цифра «1», а серебром, через цифру, слово: «Мая».

– *Слушай. Я давно хочу... Мне очень нужно. И все. Мне некуда, видишь...*¹⁴⁴

– Ты – беспризорный?

– Нет, я еще не был беспризорный. Я все хочу... И ничего... *Денег нету. Я хочу по-советскому, понимаешь, в колонию...* А никто не отправляет.

Ваня говорил серьезно. Они стояли на середине тротуара, их толкали проходящие. Володя первый заметил это неудобство, нахмурил брови, взял Ваню за руку, потащил в сторону.

– Я тебе так скажу... Там у нас совет бригадиров, так он строгий. Там такие черти, бригадиры! Они скажут: а место где? А еще скажут: почему? А ты пойдешь в комиссию, называется комонес.

– Был я в комонесе. И в споне был. Везде я был.

– Она не хочет?

---

¹³⁹ В оригинале «настолько».

¹⁴⁰ В оригинале «рамке».

¹⁴¹ Редакторская правка «куда-то».

¹⁴² Редакционная правка «дернулся».

¹⁴³ Редакционная правка «Ага?».

¹⁴⁴ Редакторская правка «– А мне как раз...»

– Кто «она»?
– Там женщина такая. Не хочет?
– Она не хочет, а он тоже толкается. Говорит, *что* это для первого сорта – право... нарушителей. А ты *разве* правонарушитель?

Володя носком¹⁴⁵ ботинка застучал по выступу цоколя, опустил глаза, улыбнулся:

– Они там такое придумали: правонарушители, а только это буза, понимаешь? Это все равно. И наши так говорят: это неправильно.

Володя на секунду задумался, скучно повел взглядом по улице.

Очень возможно, что поднятый вопрос был выше его сил. Брови у Володи оставались еще нахмуренными. Наконец он решительно шевельнул губами, гневно вздернул голову:

– Знаешь, что? Черт с ними! Ты приходи. В субботу. Мы попросим, я моему бригадиру скажу. У меня, ох, и хороший бригадир, Алеша Зырянский! Ты найдешь колонию? Через Хорошиловку нужно.

– Найду.

– А ты эти десять копеек... купи булку.

Ваня взял гривенник.

– А на трамвай? Будешь пешком?

– Вот еще: пешком! С какой стати! Поеду, только я так... бесплатно поеду.

– Без билета?

– Конечно, это нельзя, ну, так что ж! Только я с пересадкой: в одном трамвае, потом в другом трамвае, а кондуктор и не увидит.

Ваня улыбнулся:

– *Спасибо.*

Володя строго салютнул.

Они разошлись. Ваня считал, сколько дней осталось до субботы, а Володя Бегунок вспоминал дежурного бригадира Воленко и ясно видел, что в колонию нужно идти пешком.

16

Акула Нью-Йорка

Игорь Чернявин рано закончил все процедуры: побывал у врача, в бане, в парикмахерской. В швейной мастерской с него сняли мерку. Воленко объяснил:

– Это для парадного костюма.

В кладовой в присутствии Воленко старик кладовщик выдал Игорю «школьный» костюм, спецовку, ботинки, трусики, тубетейку и пояс. В бане Игорь переоделся, кое-что осталось у него в руках. Воленко привел его в «тихий» клуб и сказал:

– Здесь побудь до пяти часов. В спальню я тебя не могу допустить, потому что нет дома восьмой бригады – все заняты. А в обед им некогда с тобой возиться.

Игорь не был утомлен *никакими* процедурами, его ничто не раздражало, а суховатая сдержанность дежурного бригадира даже немного импонировала ему. И, может быть, поэтому распоряжение Воленко его неприятно удивило:

– Я должен здесь сидеть? *Безвыходно?*¹⁴⁶

– *Почему? Ты можешь выйти. Только на второй этаж и в другие здания тебя еще не пустят, потому что ты еще не принят бригадой. Ведь ты новенький, тебя никто не знает.*

– Но я уже в колониистском костюме!

---

¹⁴⁵ В оригинале «концом».

¹⁴⁶ Редакторская правка «И не могу выйти?»

– Это ничего не значит. Ты здесь посиди до обеда. А после обеда пойдем в школу, там тебя проэкзаменуют.

Воленко ушел. Игорь сложил спецовку на диване и решил познакомиться с «тихим» клубом.

«Тихий» клуб представлял собой большой, красиво расписанный зал. У его стен проходил такой же бесконечный диван, как и в комнате совета бригадиров. В одном месте, в узком конце зала, диван прерывался, здесь находился небольшой помост, устланный ковриком. На помосте на мраморном пьедестале стоял бюст Сталина, и вся стена в этом месте была украшена портретами и картинами из жизни Сталина. В других частях зала тоже были портреты и картины. Игорь долго ходил и рассматривал их. Ему понравилось, что все в зале было сделано красиво и основательно: все портреты и картины были в дубовых рамах, под стеклом. Пол в «тихом» клубе был паркетный, вероятно, только сегодня его натерли. Кое-где возле дивана стояли дубовые восьмигранные столики, а вокруг них полумягкие стулья.

На одной из продольных стен Игорь увидел длинный ряд небольших портретов. Были здесь изображены и пожилые, и молодые люди, и пацаны. Игорь легко узнал среди лиц, изображенных на портретах, лицо Воленко, все остальные были незнакомы.

Рассматривая все это, Игорь дошел до большого зеркала. В бане он переоделся в костюм, который Воленко называл школьным, но Игорь еще не видел себя в зеркале в этом костюме. Сейчас на него смотрел румяный молодой человек, узкий черный ремень туго стягивал поясок суконных брюк навывпуск, темно-синяя плотной материи блуза была заправлена в брюки, ее воротник не имел пуговиц и широко раскидывался, открывая шею. Все это Игорю понравилось. *Он давно уже не имел нового костюма, и сейчас приятно было видеть себя таким нарядным.* Жаль только, что нижняя сорочка была без воротника, и ничего беленького нельзя выпустить. Жаль еще, что его остригли под машинку: голова Игоря была немного торчком и остриженная казалась чуть-чуть глуповатой. Но Игорь видел, что многие колонисты носили прическу, прическа была и у Воленко, значит, это здесь можно.

Игорь любил свое лицо. Больше всего ему нравились в нем постоянная склонность к ехидной улыбке и чистый блеск небольших, немного прищуренных глаз. Но сейчас что-то изменилось в его лице, хотя оно оставалось таким же приятным. Может быть, оно стало серьезнее, может быть, удивленнее? Игорь разобрать хорошо не мог. А все-таки в нем было что-то новое.

Игорь уселся на диван и задумался. Очевидно, придется ему жить в этой колонии им. Первого мая! Сколько времени? Год, два, три? Уходить отсюда еще не хотелось. Он провел два года «на свободе». Деньги доставались легко, попадались хорошие знакомые, но как-то так получалось, что радости от всего этого было мало. Кино, конфеты, колбаса давно перестали его удовлетворять. Больше всего надоела бездомность. Ночевки на вокзалах, в соломе, в ночлежках, в притонах были одинаково отвратительны. Самые лучшие костюмы, которые он покупал при удаче, очень быстро обращались в паскудную рвань.

Получалось несолидно. В такой же рвани щеголяло большинство *таких*, как он, «свободных» людей. Это некрасиво, это ни в какой мере не напоминало той элегантной, блестящей остроумием и удачей жизни, которая так притягательна в американских кинофильмах. Игоря раньше привлекал этот бесшабашный задор, блеск таланта и смелости, благодарная борьба с сыщиками, такими же джентельменами, такими же элегантными и смелыми. Черт его знает, в жизни получалось совсем не так. Игорь мог проделывать захватывающие дух операции, но никакие сыщики против него не выступали. Обыкновенный стрелок в полном вооружении или милиционер в своей шинели один вытаскивал с вокзала или ночлежки целую кучу таких акул Нью-Йорка. А потом нужно было разговаривать с Полиной Николаевной и ловить какого-то безобразного и, в сущности, невинного козла. Эта жизнь не обнаружила в себе ни одной привлекательной черты. Не было никаких преследований на автомо-

биле, таинственных писем, трюков, блондинок с револьвером, направленным на человека в маске. Ничего не было, кроме американской мечты. Игорю сейчас не хотелось возвращаться в этот мир приключений.

А что здесь, в колонии? Как пойдет жизнь? Ему выдали спецовку, обязательно заставят работать. *Игорь уважал работу других людей, никогда не позволял себе обидеть трудящегося. Он думал, что уважает советскую власть, рабочий класс, партию коммунистов.* Он ничего не имеет против честных трудовых рук. Но сам он никогда ничего не делал, и работать ему не хотелось. А здесь, вероятно, гордятся: вот мы работаем! Надо все-таки разбираться: одному нравится, другому не нравится. Игорю не нравилось. Впрочем, можно будет попробовать. Черт его знает, может быть, из него выйдет какой-нибудь токарь. С другой стороны, его заставят и в школу ходить. Заведующий этот, Захаров, конечно, дока. Игорь не возражал против образования, особенно против высшего образования. Но ему и раньше не нравилось учиться, не нравилась добродетельная скука учителей, их мелочная придирчивость, *их бесполетный, надоедливый шаг, их упрощенная серость.* Не нравилась и беспорядочно-шумная, желторотая толпа школьников.

Игорь думал долго, но не пришел ни к каким решениям. Впереди все оставалось открытым. Самым открытым был вопрос о матери. К этому вопросу Игорь давно не возвращался, так слабо его тянуло пробираться к этому страшному вопросу сквозь дебри расстояний и противоречий. Вопрос о матери – это вопрос какого-то, черт его знает, отдаленного будущего, но, пожалуй, мать была бы рада, если бы он приехал к ней в гости в парадной форме колониста и на пороге отдал сдержанный строгий салют. Это у них шикарно. Но взгляд его упал на спецовку, мирно лежащую на диване; спецовка пахнула очень сложным и скучноватым будущим.

Как хорошо ограничиваться остроумными заботами сегодняшнего дня. Бывали все-таки, ох, какие бывали блестящие, захватывающие дни, полные опасности и остроты! Бывали. А сегодня что? Он сидит в этой красивой клетке, и его стережет с винтовкой в руках какой-то сопливый Петька Кравчук. Хорошенькая акула Нью-Йорка! Эту акулу сегодня будут просто потрошить школьными перочинными ножиками.

Игорь сумрачно встретил дежурного бригадира Воленко, который пришел звать его обедать.

17

Приятный разговор

После обеда Игорь Чернявин был в школе. Его принял старик учитель. Или он здесь назывался как-нибудь иначе?

Учительская была красивая, большая и тоже с огромными окнами. Но здесь были припущены тяжелые гардины и на полу лежали ковры. Старик учитель выбрал для разговора затененный угол, где стояли большой диван, два кресла и маленький столик.

Учитель Игорю понравился. Пиджак его застегнут на все пуговицы, очень чистый воротник рубахи, щеки гладко выбриты и седые усы привычно-умело, несколько даже кокетливо, подкручены. Он напоминал Игорю профессора из американской картины. Больше всего ему понравился вежливый склад речи учителя. Он сказал:

– Вы Игорь Чернявин? Я вас жду. Садитесь, прошу вас.

Он тронул рукой спинку кресла, а когда Игорь сел, он расположился рядом с ним на диване и, немного склоняясь вперед, сказал:

– Меня зовут Николай Иванович. Надо с вами выяснить. Алексей Степанович говорил мне, что вы окончили семь групп, но это было, вероятно, давно: некоторые жизненные обстоятельства, так сказать, мешали вам.

Он остановил взгляд на Игоре с молчаливым вопросом. Игорь сидел прямо в кресле, сложа руки на коленях, внимательно слушал.

– Да, я два года не занимался.

– Скажите пожалуйста, товарищ Чернявин, вы хорошо учились?

– Иногда хорошо, иногда плохо.

– Я думаю, это зависело от разных посторонних причин, способности вам не мешали?

– Да, у меня были способности...

– Разрешите, я вам предложу кое-что написать. Очень важно узнать, как у вас с грамотностью. Пожалуйста. Вот вам бумага, чернила и перо. Что бы вам такое предложить? Ну вот, если вы не возражаете? Напишите коротко, очень коротко – вы ведь из Ленинграда? – напишите, что вам больше всего нравится в Ленинграде – улицы, мосты, может быть, парки. Это вы можете?

– Да, попробую.

– Пожалуйста, а я займусь своим делом.

Николай Иванович *мило* улыбнулся, чуть-чуть кивнул головой и присел за большим столом посреди комнаты. Игорю понравилась тема. Действительно, Ленинград было чем вспомнить. Игорь часто думал о родном городе и грустил. В Ленинграде живет мать... Да и вообще Ленинград – шикарный город, больше всего соответствующий его вкусам.

Через полчаса Игорь вручил Николаю Ивановичу исписанный лист. Николай Иванович достал большие черные очки и, вытянув губы, стал читать работу Игоря. Прочитал один раз, прочитал второй раз.

– Очень хорошо. Очень грамотно и интересно. Одна ошибка, и то незначительная: колонна пишется через два эн.

– Разве?

– Да, через два, но этого в седьмом классе вы могли не знать. А вот с математикой как?

Игорь покраснел. Ничего не ответил. Так же вежливо Николай Иванович попросил Игоря разделить дробь на дробь. Целую минуту Игорь рассматривал написанное выражение, но карандаша в руки не взял.

Николай Иванович от своего стола посмотрел на Игоря через плечо.

– Что же вы? Забыли?

– Забыл. Представьте себе, совершенно забыл.

Игорь поднялся с кресла. Он мог тоже показать пример вежливости:

– Я не буду больше затруднять вас, Николай Иванович. Писать я могу, а все остальное забыл, алгебру забыл, биологию, всякую политику. Я думаю, что... мне уже поздно учиться.

Николай Иванович зашарил по карманам, нашел очки на столе, надел их и сквозь¹⁴⁷ очки посмотрел удивленно на Игоря:

– Как вы странно говорите, товарищ Чернявин! Как это можно так говорить? Какая там особенная премудрость! Забыли, это вполне естественно. Будем вспоминать. Да садитесь, чего вы вскочили.

Он снова усадил Игоря в кресло, придвинул стул, сел прямо против него и, поглаживая свои колени, поглядывая вкось на яркие окна, заговорил:

– Я вам предложу такую программу. Учебный год кончается. Сейчас нет смысла зачислять вас в школу. Мы сделаем просто: запишем вас на следующий год прямо в восьмой класс. Только летом нужно будет позаниматься. Я вам очень советую. У вас хорошие способности, нужно учиться. Вы согласны со мной?

– Я мог бы согласиться с вами. И даже... я вам благодарен, понимаете? Но, может быть, я не останусь здесь до осени. Может быть, мне в колонии не понравится.

---

¹⁴⁷ В оригинале «через».

– То есть... вы уйдете из колонии?

– Да.

Николай Иванович посмотрел на него поверх очков:

– Куда же вы уйдете?

– Там будет видно, куда.

– У нас никогда не было случая, чтобы уходили. Отсюда может уйти только очень глупый, совершенно запущенный субъект. Я уверен, что вы не уйдете, товарищ Чернявин.

Этот *милый* старик, на румяных щеках которого уютными завитками шевелились седые усы, был просто прелесть. Он говорил с живым огоньком в глазах, иногда делал паузу, чтобы найти более точное выражение, и в это время его глаза быстро бросались в сторону. Он не просто болтал, он задумывался, соображал, но все это выходило у него без натуги и очень симпатично. Главным образом, он говорил о значении образования, о том, какие пути лежат перед молодым человеком в Союзе, какое достоинство заключается в том, чтобы идти по этим путям, как растет личность человека в учебной работе, *какие радости она с собой приносит*. Он думал сейчас об Игоре Чернявине, и ни о ком другом. Он уважал Игоря Чернявина и с особым удовольствием высказывал это уважение. И именно поэтому Игорь не захотел покончить с ним разговор как-нибудь формально, хотелось и самому с такой же искренностью и честным вниманием отнестись к собеседнику. И Игорь сказал:

– Николай Иванович! Я не привык работать. Я никогда не работал.

Николай Иванович спокойно улыбнулся:

– Да, это может быть. Вы еще так мало жили, и привычек у вас мало.

– А если не привыкну?

Николай Иванович скрестил на животе пальцы и добродушно рассмеялся:

– Почему же? Это такая приятная привычка.

– Приятная?

– А как же? Очень приятная. Я вот работаю сорок лет, и знаете, мне до сих пор нравится.

– Ну да, так вы учитель!

– О, пожалуйста! Если вы хотите быть учителем, это очень хорошо. Но многие думают, что труд учителя самый неприятный. Это, конечно, чепуха. Всякий труд очень приятная вещь. Вот вы увидите.

– Попробую, – сказал Игорь и снова поднялся.

– Попробуйте. Вам здесь помогут. У нас хорошие ребята.

– Спасибо, Николай Иванович.

– Все-таки, когда вы можете начать подготовку?

– С первого июня?

– Хорошо. Давайте с первого июня. Я вас запишу.

Игорь поклонился Николаю Ивановичу. Николай Иванович радушно, внимательно ему ответил. Володи Бегунка здесь не было, и некому было скалить зубы по поводу обычной вежливости двух воспитанных людей.

Игорь шел по двору и беспомощно оглядывался. Ему захотелось, до зарезу хотелось встретить что-нибудь такое, что его возмутило бы, вызвало бы злобу, протест¹⁴⁸, или хотя бы такое, над чем подмывало бы пошутить. Нельзя же в самом деле: с утра, с самого утра он был предоставлен самому себе, а против него стояла непонятная, уверенная и вежливая сила. В пять часов он будет принят бригадой. Неужели и бригада с таким же спокойствием будет его обрабатывать?

---

¹⁴⁸ В оригинале «желание протеста».

18

Разговор, не для всех приятный

В пять часов в «тихий» клуб пришел Воленко в сопровождении высокого массивного юноши с лицом чрезвычайно добродушным, какие бывают только у очень мягких, покладистых людей. *Все в этом лице отливало миром: и серые глаза с поволокой, и полные губы, и круглые щеки, и пушисто раскиданная прическа, и какой-то еле уловимый остаток беспризорности в тяжеловатой мимике.*

Воленко сказал:

– Товарищ Чернявин! Это твой бригадир Нестеренко.

Только теперь Воленко позволил себе некоторую шутливость тона и движения. Он немного иронически повел рукой и взглядом:

– Сдаю его в полном порядке: остриженный, чистый и вполне оборудованный. Спецовка вот лежит. Парадный костюм заказан. Пожалуйста!

Видимо, Воленко надоело уже возиться с Чернявиным, и он с облегчением передавал новичка бригадиру. Бригадир, *видимо*, понимая это, с такой же сдержанной игрой склонился перед дежурным:

– Очень благодарен, товарищ дежурный. Вы понимаете, следующий раз и я вам приготовлю.

Воленко отдал салют и удалился.

В этой церемонии, торжественной и чуть-чуть шутливой, Игорь почувствовал большую *приятную* теплоту. Не вызывало сомнений, что Воленко и Нестеренко были очень дружны между собой, а сейчас в шутливых, чуть-чуть церемонных поклонах они что-то играючи подчеркивали. Нестеренко в этой игре вовсе не казался уже таким добродушным. У него был симпатичный голос, мягкого баритонного оттенка, но слышно было, что этим голосом он умеет владеть *как сильный и культурный человек. В его глазах во время разговора с Воленко проявилась внутренняя теплота*: в его обращении с людьми был небольшой привкус замедленного, украинского юмора. Но ту же выправку, какая была у Воленко, Игорь заметил и у Нестеренко.

Впрочем, как только ушел Воленко, Нестеренко оставил всякую игру.

– Ты назначен в восьмую бригаду. Бригада сейчас в сборе. Пойдем. Он направился к двери. Игорь остановил его:

– Товарищ бригадир!

– Что такое?

Игорь взял в руки свою спецовку, так же, как и во дворе, беспомощно оглянулся на окна, не вытерпел, растянул в улыбку свой ехидный рот:

– Товарищ бригадир, вы учитесь?

– В школе?

– Да, в школе учитесь?

– Во-первых, учусь в десятом классе. А во-вторых, не называй меня на вы, товарищем бригадиром. Это у нас не нужно. Меня зовут Васей.

– Разве? А я слышал, как обращаются к Воленко: товарищ дежурный бригадир!

– Это другое дело. Дежурный бригадир – у нас большая власть. Он ведет день. Если он в повязке, с ним без салюта нельзя разговаривать.

– А зачем это нужно?

– Видишь ли?.. Вот с тобой сегодня сколько он повозился? Ты заметил? Сколько у него дела! Если каждый будет с ним рассусоливать, так он ничего не успеет. А кроме того... какие же могут быть споры с дежурным?

– А с тобой можно спорить?

Нестеренко пожал плечами:

– Со мной, конечно, можно. Только у нас это не в моде.

– К тебе не нужно с салютом?

– Иногда нужно. Потом узнаешь. Идем, бригада ждет.

Они прошли мимо часового (стоял уже другой) и поднялись по лестнице между цветов. На втором этаже проходил такой же светлый коридор, только здесь на полу был не кафель, а паркет, он так же блестел, как и в «тихом» клубе. Они остановились у двери, на табличке которой было написано:

8-я бригада

Нестеренко взялся за ручку двери, но раньше, чем открыть ее, он объяснил:

– У нас две спальни по восемь человек. Вторая спальня рядом.

Спальня была большая. В ней стояло восемь кроватей, добротных, красивых, окрашенных розовато-желтой краской. На кроватях лежали одеяла вишневого цвета. Все постели находились в идеальном порядке. На кроватях никто не сидел, никто даже не стоял рядом. Больше десятка мальчиков собралось вокруг большого стола. У стены Игорь заметил диван, очень длинный и тоже, видимо, имеющий претензию быть бесконечным, – очевидно, такие диваны в колонии любили.

При входе Игоря и Нестеренко все повернули к ним головы. Нестеренко остановился у дверей и сказал несколько торжественным голосом, в котором Игорь все же услышал оттенок сдержанной шутливости:

– Принимайте нового товарища. Рекомендую: Игорь Чернявин.

Все задвигали стульями, но не встали, а еще плотнее уселись за столом, заботливо оставляя рядом два места для вошедших. Нестеренко сел на один стул, хлопнул рукой по другому, приглашая Игоря:

– Садись.

Все вдруг притихли и с интересом ожидали, что будет дальше. Глаза у Нестеренко вспыхивали иронически:

– У нас такой обычай: когда приходит новенький, вся бригада собирается и бригадир знакомит. Так у нас в колонии пошло издавна, годков пять тому будет. И в это время бригадир должен всю правду сказать о товарищах, как он думает, брехать нельзя. Когда и ты, Чернявин, будешь бригадиром, тоже так будешь делать. Так вот видишь, они на меня и смотрят, потому знают: пощады не будет.

Все это Нестеренко говорил не спеша, добродушно, чуть-чуть окая и растягивая слова.

– Да начинай уже, Василь, довольно мучить!

Это сказал самый младший в бригаде, беленький мальчик лет четырнадцати, с тем аккуратным, чистеньким и умным лицом¹⁴⁹, какие часто бывают у природных отличников по учебе.

– Рогову невтерпеж, знает, что ругать буду.

– Ругай, только, пожалуйста, скорее.

– И еще у нас обычай, никто не должен спорить и обижаться. Какое бы слово не сказал бригадир – каюк! А новенький, вот, скажем, ты, Чернявин, не должен воображать, а должен учиться, как правду говорить и как правду слушать нужно. Понимаешь?

Игорь Чернявин *был очень поражен словами бригадира. Он даже рот приоткрыл, и его лицо потеряло последнее выражение остроумной ехидности. Жизнь показалась вдруг*

---

¹⁴⁹ В оригинале «личиком».

страшно интересной. Игорь представил себе: вот он будет бригадиром и ему надо принимать новенького. Хватит ли у него силы сказать всем товарищам правду в глаза?

Нестеренко начал. Он показал на взрослого юношу, которому было не меньше восемнадцати лет. У него был низкий лоб и жесткие волосы, не признающие никакого пробора. Лицо расплывчатое, губошлепистое, а в то же время и энергичное в движении, боевое.

– Это Миша Гонтарь, слесарь по ремонту, хороший слесарь, только в школе учиться не хочет. Дошел до пятого класса, а теперь выдумал, что он уже ученый. Сдурел, приходится силой заставлять. Товарищ он хороший, прямо скажу, хоть бы и все были такие товарищи, а только неряха – никакого спасения. Куда ни повернется, или поломают что-нибудь, или набросают, пойдет и забудет. Ему каждый день бриться нужно, а он три дня не брился. А живет в детской колонии... Через него наша бригада по чистоте никак не может на хорошее место выйти, а бригада хорошая. Он как наденет спецовку с утра, да еще в цехе задержится, известно – слесарь по ремонту, так и в столовую в спецовке прется, а там, конечно, ДЧСК скандал устраивает, и все на бригаду. Видишь? Если Миша дежурит по бригаде, так мы к нему буксир назначаем, как к маленькому. Еще у него недостаток: строя не любит, в ногу ходить не умеет, да и костюм парадный на нем сидит, как на сундуке. Это нам, всей бригаде, конечно, очень грустно, потому что, собственно говоря, пустяк, а он никак не справится. А слесарь он хороший и товарищ тоже. Добрый, *каждому свое отдаст*, и работать любит, самые пустяки остались, чтобы человеком стать. Он хочет шофером стать, а каждый шофер образованный человек должен быть. А теперь у него новая напасть: влюбился. Как же ему можно влюбляться, когда прическу ему всей бригадой делаем – сделать не можем.

Нестеренко все это проговорил сочно, основательно, поглядывая на товарищей, а товарищи смотрели на Мишу. Очевидно было, что в характеристике Миши все с бригадиром согласны, пожалуй, согласен и сам Миша. Он даже не протестовал против информации о влюбленности, *в которой были, несомненно, нотки нестеровской шутливости*.

– Теперь дальше: Петр Акулин.

Петр Акулин не улыбнулся. Как сидел боком, так и остался сидеть. У него было худое простецкое лицо, покрытое густым деревенским румянцем. Казалось, что лицо это не способно к улыбке.

– Акулин у нас лучший токарь в колонии и в восьмом классе лучше всех учится. И аккуратист, и дисциплину знает, и комсомолец первый сорт. Будет летчиком по прошествии времени. Само собой, будет. Только корзину у нас каждый имеет, и у него есть корзина. И никто никогда не запирает, такого обычая нет в колонии. Акулин же три дня назад замок повесил, – некрасиво. Либо ты воров боишься, либо тайну какую собираешься завести, кто тебя знает, а только замки в колонии заводить не следует. Другое дело на заводе, государственное имущество должно быть заперто для порядка, а в бригаде товарищи живут, к чему здесь замок?

Акулин не обернулся к Нестеренко, одну руку положил на спинку соседнего стула, сказал невыразительно, тихо:

– Я не от товарищей замок...

– Знаем. Думаешь, у нас место свободное, новенького пришлют, а он к тебе в корзину полезет. Конечно, полезет, если замок висит. А зачем так думать: как новенький, так и вор. Мало ли чего там у каждого было – в старой жизни! Чернявин тоже новенький, видишь, сидит с нами, так и по нему ж видно: он к товарищу в корзину не полезет.

Акулин убрал¹⁵⁰ руку со спинки стула, прохрипел:

– Сниму.

---

¹⁵⁰ В оригинале «снял».

В бригаде, притаившейся в ожидании, как будто все вздохнули. На самом деле не вздохнули, а просто пошевелились.

– Дальше: Александр Остапчин – помощник бригадира восьмой бригады трудовой колонии имени Первого мая.

Уже по тому, как торжественно произнес бригадир название должности Остапчина, можно было заключить, что Остапчина в бригаде любят и относятся к нему немножко насмешливо. И сам Александр Остапчин, услышав свою фамилию, мигнул, повернулся к бригадиру, положил голову на кулаки, поставленные один на другой. У Остапчина большие карие, красивые глаза, чуть-чуть подернутые веселой, маслянистой влагой.

– Совсем человек как человек – и токарь неплохой, и в десятом классе, и помбригадира, и прочее. Настоящий человек, а только одна беда: трепач. Ох, и трепаться же любит, прямо хлебом не корми, а дай поговорить. И хоть бы дело говорил, а то язык говорит, а он за языком бегаёт, остановить не может и на правильную линию пустить тоже не может. И по сторонам не смотрит: свой, чужой, совсем посторонний – ему все равно; он говорит и непременно загнет куда-нибудь. Всей бригадой удержать не можем. Мечтает: прокурором буду. Так разве можно, чтобы прокурор за собой не смотрел? Прокурор если что скажет, так все к делу, да перед этим два раза подумает. А нашему Александру всегда нянька нужна, чтоб его за полы хватала.

Остапчин не смутился, не обиделся, его глаза по-прежнему смотрели на Нестеренко, улыбались дружески, но в какой-то еле заметной степени и нахально. Он как будто был даже доволен, что у него есть такой интересный недостаток, и тоном полудетского каприза возразил:

– А что я такое когда говорил?

– А помнишь, приехала к нам женщина из Наркомпроса. А ты ей такое натрепал, что она чуть не плакала.

– Правду говорил.

– Правду? Правду говорить тоже к месту нужно. Она приехала познакомиться с нашей жизнью, и может, и поучиться хотела, значит, у нее где-то там натерло, а ты речь... прямо с горы: ничего вы, наркомпросовцы, не понимаете, все путаете, даром хлеб едите. Она потом спрашивает, кто это такой? А я ей, конечно, ответил: не обращайтесь внимания, так себе, новенький, еще не отесался.

Колонисты расхохотались. Остапчин смущенно отвернулся, но глаза его даже в этот момент не потеряли своей влажной улыбки.

– Санчо Зорин, во! Он – сам видишь, какой!

И действительно, Санчо был виден, как бывает виден насквозь ясный апрельский день. Услышав свое имя, он немедленно взобрался с ногами на стул, *открыл любопытную улыбку прямо в лицо бригадиру*. А бригадир сказал ему с добродушной строгостью:

– Чего ты с ногами на стул залез? Чернявин, он назначается твоим шефом, давно тебя ждет. Будет твоим шефом, пока ты получишь звание колониста. Будет тебя всему учить и на общем собрании докладывать на звание колониста. Человек он горячий, а только не всегда справедливый бывает. Если ему вожжа попадет под хвост, так никакого удержу нет. Ты на это не обращай внимания.

Игорь кивнул и засмотрелся на Зорина. А Зорин уже кивал ему, и моргал, и всем лицом рассказывал о чем-то. Лицо у него было острое, живое, быстрое. В течение одной секунды он успевал отозваться на все впечатления, всем ответить и у всех спросить. И сейчас каким-то чудом он успел показать бригадиру, что он благодарен ему за правду и постарается поменьше горячиться, что он видит любовь к себе всей бригады и отвечает ей такой же любовью, что он поможет Чернявину сделаться хорошим колонистом и что Чернявин не должен робеть. Это лицо больше рассказывало о Зорине, чем мог о нем рассказать бригадир.

Нестеренко перешел к другим, их было еще шесть человек, все юноши шестнадцати – восемнадцати лет. Нестеренко всех их признал хорошими мастерами, прекрасными товарищами и колонистами, но в каждом отметил и недостатки, отметил в упор, улыбаясь сдержанно, выбирая и округляя слова, но в то же время не скрывал и досады, требовательной и вьедливой. Лиственному Сергею он приписал слишком большую любовь к чтению, послужившую причиной того, что Лиственный ходит «как сумасшедший». Широкоскулому, белобрысому, нескладному Харитону Савченко – вялость характера. Борису Яновскому, кучерявому *красивому* brunetu, – склонность к запырательству и брехне. Всеволоду Середину – пижонство, Данилу Горовому – неуживчивость характера и излишнее хладнокровие.

Все слушали бригадира молча, никто ничего не возражал, но когда он кончил, все загалдели, засмеялись, напомнили друг другу самые вредные детали характеристик и напали даже на Нестеренку с разными дополнительными вопросами. Но Нестеренку не долго их слушал:

– Чего крик подняли? Дайте же кончить. Познакомьтесь вот с Чернявиным, забыли, что ли?

Александр Остапчин закричал:

– Ты про нас можешь рассказывать, а про себя ничего не сказал? Когда я буду бригадиром, я про тебя расскажу.

– Вот я и подожду, когда ты будешь бригадиром, тогда и про меня скажешь, хотя я так полагаю, что ничего умного не скажешь. Принимайте Чернявина!

– Да уж приняли! Чернявин, руку! – Остапчин размахнулся своей рукой. – Санчо, довольно тебе там, бери человека в работу. Смотри, какой хороший материал для комсомольца.

Все посмотрели на Игоря, и этим моментом Игорь воспользовался:

– *Синьоры!*

Все затихли, повернулись к нему.

– Синьоры! Вы понимаете, я очень благодарен вам, что приняли меня к себе. Только вы понимаете... про вас вот товарищ бригадир все рассказал, а про себя я сам должен рассказать, правда?

Кое-кто улыбнулся. Акулин посмотрел подозрительно. Гонтарь с осуждением, Нестеренку сказал:

– У нас нет такой моды, чтобы новенький о себе рассказывал. Да тебе и нечего рассказывать. Какой ты человек, мы и сами увидим. А кроме того, не нужно говорить «синьоры». Понял?

– Понял, товарищ бригадир, виноват, товарищ Нестеренку.

– Иди сюда, Чернявин, – Санчо Зорин ожидал его в углу комнаты. – Вот твоя кровать, вот твоя тумбочка, все хозяйство. Мыло и зубной порошок получишь у помощника бригадира Остапчина. Два дня будешь отдыхать, а потом за дело. Вечером я тебе что-нибудь расскажу. Ты в каком классе будешь?

– В восьмом.

– Здорово. И я в восьмом. А вообще – ты свободный гражданин! Куда хочешь!

Санчо широким жестом показал на окно. За окном было поле, а на самом горизонте виднелись постройки города.

19

Он еще сырой

Вечером Игорь Чернявин заснул не скоро. Постель была свежая, прохладная, чистая, такая постель была у него только тогда, когда он жил еще дома; заснуть в такой постели

показалось ему высшим блаженством. В эту минуту ему хотелось выразить кому-то благодарность и за эту постель, и за чистое белье, и за новый симпатичный костюм, и за узкий черный пояс. Кого только благодарить? Алексея Степановича? Воленко? Восьмую бригаду? А может быть, просто Советскую власть? Но о Советской власти Игорь Чернявин имел самое сложное представление. От школы остались чисто словесные образы, от Ленинграда – неясное, забытое ощущение детства, зато в «вольной» жизни Советская власть вспоминалась – власть строгая, требовательная и настойчивая: милиционеры, стрелки, воспитатели в приемниках, люди в белых халатах. Из всей Советской власти наиболее покладистым и безобидным существом была Полина Николаевна, но он вспоминал ее остренькое и умненькое лицо с острой неприязнью. А здесь, в колонии, он ощущал Советскую власть очень сложно, в непонятном, густом экстракте; трудно даже было разобрать, где она находилась. Конечно, Алексей Степанович, конечно, Николай Иванович. Но Санчо только что рассказывал: все эти дома наново построены на чистом поле. Все сделано наново: и цветники, и зеркала, и паркет. Санчо говорил: ничего старого, все Советская власть сделала. И по словам того же Санчо выходило, что Советская власть – это не только Алексей Степанович и учителя, но еще и они, все колонисты. Санчо так и говорил: мы сделали, мы купили, мы решили, мы постановили. Выходит так, что и сам Санчо Зорин тоже Советская власть. И Володя Бегунок!

Да... Хитро придумано: *на что бывалый человек Игорь Чернявин, и тому благодарить кого-то захотелось. Хитро: восьмая бригада даже корзинок запирает не хочет – фасон! А, черт возьми, действительно хитрый фасон, ни за что в чужую корзинку после этого не полезешь. Рыжикова бы сюда, интересно посмотреть, как он эти корзинки обчистит? Разумеется, Рыжиков – дрянь, это и говорить нечего. А все-таки здесь они здорово спелись – когда только успели?* Сидит Алексей Степанович в кабинете, и не видно его, а кругом начальство; даже этот лобастый Петька тычет нахальными глазенками в щетку и требует – вытирай! Всякие у них обычаи, фасоны, и все это только для того, чтобы свободному человеку, Игорю Чернявину, заморочить голову. *Игорь Чернявин на отца ухитрился наплевать, – неужели он поймается на эти удочки?*

Игорь согласен, что и кровать на сетке, и свежая простыня, и пододеяльник – хорошие вещи, но Игорь понимает и другое: такими хорошими вещами покупается покорность, особенно если человек попадает жадный на все эти удовольствия. И папаша, вероятно, на это рассчитывал, однако у папаша не вышло. Что же? Можно поспать и в хорошей постели, пускай, но посмотрим, чем это кончится. Вот, например, работать. Николай Иванович говорит: приятная штука. А если неприятная? Ему хорошо в чистом костюме поучать там... в классе. А если они заставят доски строгать, покорно благодарю, синьоры! Допустим, не захочу. Выгонят? Интересно. Какой позор для трудовой колонии Первого мая! Одного человека – Игоря Чернявина, не какого-нибудь там бандита, а скромного интеллигента и джентельмена не смогли заставить работать. Не справились! Интересно, как они будут выгонять? Игорь Чернявин представил себе расстроенные физиономии восьмой бригады. Ох, как им будет досадно! Сколько они здесь нахитрили, вежливость какая, простыни какие, «обычаи», а купить не купили. Игорь Чернявин может прожить и без их досок. Он вспомнил некоторые свои самые остроумные комбинации. Сколько в них было вдохновения, привлекательных, забавных, неожиданных поворотов! Никакие свежие постели с ними сравняться не могут, потому что в этих поворотах – свобода.

Все-таки Игорь счастливо потянулся, вкусно свернулся калачиком и заснул, так и не разрешив противоречия приятных вещей и неприятных, хотя и гордых, мыслей.

Когда утром он открыл глаза, было уже светло. Перед этим ему снились надоедливая трубная музыка и пожар. На пожаре было много огня, шума и треска, Игорь в какой-то толпе куда-то спешил, а в уши бил настойчивый, звонкий голос:

– Слышишь? Слышишь?

Игорь открыл глаза. Перед ним стоял беленький, чистенький Рогов и звенел:

– Слышишь, Чернявин, вставай!

Рогов увидел открытые глаза Игоря и повторил уже спокойнее:

– Вставай, сейчас уборку начнем.

Другие колонисты восьмой бригады чуть-чуть суматошились, входили и выходили с полотенцами, убирали¹⁵¹ постели, взбивали подушки. Рогов мотался по спальне с белой тряпкой в руках, вытирал пыль. Он прыгал от стульев к подоконникам, заглядывал в тумбочки, подскакивал к верхней перекладине дверей, продевал руку за батареи отопления, возился у портретов, потом застыл у какой-то кровати ножки. Игорь закрыл глаза; хороший, счастливый, теплый сон снова к нему возвратился...

– А чего этот спит?

Игорь узнал голос Нестеренко и глаз не открыл.

– Ты будил его, Рогов?

– Да, будил. Он же проснулся!

Игорю стало интересно, что эти представители Советской власти будут делать, если он не встанет? Вот просто не встанет, да и куда ему спешить? Даже по здешним¹⁵² «обычаям» он два дня не должен работать. Он снова услышал над собой голос Нестеренко:

– Чернявин!

Помолчал и опять:

– Чернявин!

Сильная рука легла на его плечо, плечо заходило взад и вперед. Игорь открыл глаза:

– А что?

– Давно сигнал был.

– Какой сигнал?

– Сигнал «вставать»! Тебе вчера Санчо объяснял?

Игорь повернулся на спину, улегся поуютнее, показал бригадиру свою широкую ехидную улыбку:

– Объяснял, *синьор*, да я не все разобрал!

– Так вот я тебе говорю: был сигнал «вставать», а ты опять свое: *синьор*!

– Это несущественно, товарищ!

Нестеренко вытаращил на него большие свои серые глаза, полные удивления. Рогов натирал пол и подскочил к ним на босой ноге. Наконец, Нестеренко нашел слова, нашел с таким замедлением, что у Игоря даже смех начал срываться.

– Что ты там мелешь? Смотри: несущественно! Сейчас проверка будет! Игорь повернулся на бок и руку подложил под щеку:

– Это тоже малосущественно.

В спальню влетел Санчо Зорин и закричал:

– Товарищ бригадир! Уборка нижнего коридора сдана мною на пять! Но бригадир находился в таком недоумении, что не услышал рапорта: он сказал Игорю грубоватым голосом:

– А это будет существенно, если я тебя поясом потяну?

Игорь ответил спокойно

– Это будет существенно, но незаконно.

– Ах ты, панское зелье!

Одеяло и пододеяльник куда-то полетели с Игоря. Ничем не прикрытый, он почувствовал себя в смешном положении и хотел уже встать, но снаружи долетели звуки нового сигнала. Рогов соскочил со своей щетки и вскрикнул:

---

¹⁵¹ В оригинале «застилали».

¹⁵² В оригинале «по ихним».

– Ой, лышенько! Уже поверка!

Он бросился к ботинкам. Все колонисты завертелись перед зеркалом, поправляя прически, сегодня они были как один одеты в школьные костюмы. Игорь знал, что вся бригада до обеда работает в школе. Приведа себя в порядок, все спешили занять место на свободном участке спальни – выстраивались в просторный ряд. Нестеренко беспомощно оглянулся, Санчо подбежал к нему:

– Да закрой ты его, ну его к черту! Сегодня Клава дежурит!

– Клава? Ну, что ты скажешь!

Нестеренко набросил одеяло на Игоря. Сообщение о Клаве и Чернявина привело в ужас. Оказаться перед девушкой в одном белье! Поэтому он охотно подхватил одеяло и закутался с головой, но оставил щель, чтобы видеть.

Нестеренко быстро обошел спальню, потрогал пальцем подоконник, заглянул под кровать, спросил:

– Санчо, не знаешь, Алексей будет на поверке?

– Алексей спозаранку в город уехал.

Из коридора влетел Рогов, шепнул: «Поверка идет!», стал на свое место в ряду. Открылась дверь, Нестеренко громко скомандовал:

– Бригада, смирно! Салют!

Игорь увидел, как ряд колонистов вытянулся, повернул головы к дверям, поднял правые руки. Нестеренко стоял отдельно против двери. Сияя золотом тюбетеек, вензелями на рукавах, белизной широких воротников, вошли невысокая девочка лет пятнадцати-шестнадцати и мальчик гораздо моложе ее. За ними голоногий Володя Бегунок с трубой, в парусовке, направил любопытные, загоревшиеся глаза на необычную фигуру в постели.

У дежурного бригадира Клавы Кашириной очень хорошенькое, нежное, немного полное лицо, темно-русые кудри из-под тюбетейки и *красивые* ясные, хоть и небольшие, серые глаза. Она, очень серьезная, строго стояла перед высоким Нестеренко и смотрела на него вверх из-под чистенькой, розовой руки.

Нестеренко сделал шаг вперед:

– Товарищ дежурный бригадир! В восьмой бригаде трудовой колонии имени Первого мая все благополучно. Не поднялся к поверке Чернявин!

Клава бросила быстрый, по-женски лукавый взгляд на лежащего Игоря и сказала замечательно красивым, высокого серебряного тона голосом:

– Здравствуйте, товарищи!

Шеренга дружно ответила ей:

– Здравствуй!

И после этого шеренга разрушилась. Заговорили, засмеялись. Центральной фигурой сделался вдруг мальчик в повязке с красным крестом – ДЧСК – дежурный член санитарной комиссии. Сегодня в роли ДЧСК – Семен Касаткин. Ему со всех сторон говорят:

– И здесь смотрите.

– Пожалуйста!

– Будьте покойны!

Но Касаткин не улыбается. У него придиричивый взгляд, и он рыщет по всей спальне, заглядывает в корзины, щупает батареи. В руке у него чистый носовой платок, он пользуется им в качестве контрольного приспособления. Но всякий раз, когда он подносит платок к глазам, пыли на платке не обнаруживается, и восьмая бригада торжествующе «агакает». За пальцами ДЧСК и за его платком особенно напряженными глазами следит сегодняшней дежурный по бригаде Олег Рогов. От волнения его аккуратная прическа растрепалась, и ДЧСК издевательски спрашивает:

– А почему ты сегодня не причесывался?

Рогов с некоторым страхом поглядывает на Клаву и отвечает:

– Да понимаешь, беспокойства столько!

Потерявший надежду «поймать» бригаду, Касаткин задирает голову к лампочке:

– А лампочка, кажется, в мухах!

Ему отвечают хором:

– Да это разве мухи? Это точки такие! Каждое дежурство спрашивает. Стекло такое!

А Игорь Чернявин в это время крепко спит¹⁵³. Черт его знает, дежурство хорошенькой Клавы им абсолютно не было предусмотрено. По движению голосов Игорь чувствует, что Клава уже стоит у его постели. И если секундой раньше Игорь еще дышал, как дышит каждый крепко спящий человек, то сейчас и дышать перестал. Серебряный голос Клавы спрашивает:

– Может, он заболел? Касаткин, проверишь потом.

Касаткин отвечает негромко:

– Есть проверить!

Но Нестеренко не может забыть «это несущественно».

– Кто заболел? Чернявин? Ты послушала бы, как он перед проверкой разговаривал. А потом взял и заснул сразу.

Клава тронула плечо Игоря:

– Чернявин! Чернявин, как тебе не стыдно?

Но Игорь не дышит и в самой далекой глубине души проклинает свой вздорный характер. Он невольно, сквозь досаду, представляет себе, как это было бы красиво, если бы он сегодня, хоть и новенький, самым точным¹⁵⁴ образом отсалютовал этой *милой* девушке и вместе со всеми крикнул бы ей: «Здравствуй!» Очень возможно, что она обратила бы внимание на его оригинальное лицо и ехидную улыбку. Неужели она еще будет его тормозить? С облегчением он слышит голос своего шефа Санчо Зорина:

– Да брось его, Клава! Пускай лежит. Он еще совсем сырой!

Игорь слышит, как легкие шаги удаляются от его постели. Он приоткрывает глаз, видит движение к двери и снова закрывает глаз, потому что встречает карий, веселый и все понимающий взгляд Володьки Бегунка.

20

Несправедливость

Через час Игорь Чернявин весело вошел в столовую. Только остриженная под машинку голова несколько смущала Игоря, костюм у него самый новый, пояс самый изящный, лицо у него самое интеллигентное и интересное. Заканчивала завтрак первая смена, которая должна отправиться в школу. Игорь знал, что Нестеренко на него зол, ожидаются неприятные разговоры, но, с другой стороны, его продолжала увлекать роль остроумного протестанта. С уверенной грацией Игорь проходил через *всю* просторную, светлую, украшенную цветами, столовую. Скатерти сияют такой белизной, точно их сегодня переменяли, или это утреннее солнце так радостно светит?

Из столовой многие уже выходили. Игорь не заметил насмешливых взглядов *пацанов*, направленных на него. Он знал свое место за столом и свое исключительное право на него. За этим столом, кроме Игоря, сидят Нестеренко, Гонтарь и Санчо Зорин. Действительно, Нестеренко и Санчо на своих местах, *наверное*, уже поели и разговаривают. За другими столами только одиночки заканчивают завтрак, а в конце столовой, возле Клавы Кашириной,

---

¹⁵³ В оригинале «сопит».

¹⁵⁴ В оригинале «восхитительным».

вертится Володя Бегунок – самый верный признак того, что сейчас будет сигнал на работу. Но Игорь еще не работает, поэтому он весело подходит к столу и говорит свободно:

– А вот и мое местечко!

К удивлению Игоря, Нестеренко ничего укорительного на это не сказал, напротив, спросил по-своему добродушно:

– Выспался?

– Ох, и хорошо выспался! Меня будили, кажется?

– Кажется, будили.

– Я что-то там такое говорил?

– Что-то говорил.

Санчо отвернулся к окну. Откуда-то взялся возле окна Миша Гонтарь и сердито посматривает на Игоря. Нестеренко увидел подходившую к ним Клаву и вежливо приподнимается навстречу:

– Спасибо, Клава, за завтрак. Хорошо накормила.

Это Игорю нравится. Санчо ему вчера рассказывал, что существует правило – за пищу благодарить дежурного командира.

– Не стоит, – говорит Клава.

Она смотрит на ручные часы и кивает Володьке, следующему за нею, как тень:

– Через минуту можешь давать.

Володька проделал трубой движение, отдаленно напоминающее салют. Нестеренко говорит ему тихо:

– Вот я скажу Алешке, как ты отвечаешь. Он тебе завинтит гайку.

Володька серьезнеет, краснеет и спешит к выходу, кстати, у него и дело есть.

Нестеренко недовольно обращается к Клаве:

– Ты, Клава, распускаешь пацана. Он мне так не ответил бы!

Клава улыбается. У нее прекрасные зубы, и она еще краше в улыбке:

– Да я и не заметила. И не привыкла. Второй раз дежурю. А это кто? Ты – Чернявин?

Чернявин вежливо поклонился.

– Почему ты прикидываешься в спальне? Такой большой, а прикидываешься, как ребенок.

Краска заливает лицо Игоря. Он хотел бы видеть в Клаве только хорошенькую девушку – и не в состоянии. Черт его знает, как получается, но никак он не может забыть о том, что она дежурный бригадир. Неужели шелковая повязка производит такое сильное впечатление? Игорь что-то лепечет, начинает сбиваться:

– Сон... товарищ... Бывает... товарищ...

– Как это так «бывает»? А чего ты в столовую пришел?

– С вашего разрешения... кушать.

– Кушать! Разве тебе не объяснили? Опоздать можно не больше, как на пять минут.

Раздача кончена двадцать минут тому назад. Столовая готовится для второй смены. Тебе объяснили?

– Мне говорил товарищ Зорин, но я выпустил из виду.

– Выпустил из виду?

Не дождавшись его ответа, Клава тронулась к выходу.

Это возмутило Игоря. Она говорить с ним не хочет! Неужели они здесь воображают, что ему неизвестны советские законы?

Игорь сделал шаг вперед и очутился перед Клавой:

– Позвольте, выходит так, что вы меня лишаете завтрака?

– Вот какой ты чудак! Ты сам себя оставил без завтрака. Почему ты не пришел?

– Значит, я без завтрака?

Нестеренко сказал мечтательно, глядя в сторону:

– Это малосущественно.

Игорь взялся за спинку стула, произнес медленно, веско, так, как он разговаривал с начальником почты:

– Оставление без пищи все-таки запрещено. Мне это хорошо известно.

Зорин пришел в восторг. Быстрой рукой он дернул по своей и без того всклокоченной шевелюре и сказал звонко:

– Верно, товарищ! Ты на Клаву пожалуйся.

– Обязательно! Имейте в виду, товарищ дежурный бригадир, я буду жаловаться. Кому у вас нужно жаловаться?

В таком же тоне, с прибавкой небольшой дозы невинности, Зорин ответил:

– Общему собранию.

Нестеренко, *Зорин* и даже Клава громко рассмеялись. Только Зорин был серьезнее:

– А ничего! Что ж тут такого? Он имеет право...

Но и Зорин не выдержал и захохотал уже в полную силу.

На дворе заиграли сигнал. Клава быстро направилась к выходу.

Игорь посмотрел ей вслед, бросил гневный взгляд на Зорина, но и сам не выдержал: улыбнулся.

21

Руслан

После «завтрака» Игорь в очень скучном настроении отправился осматривать колонию. Голод его не беспокоил. Во время своей свободной жизни он привык вкушать пищу независимо ни от каких расписаний и даже независимо от аппетита, а исключительно по обстоятельствам. Его больше задело насилие, произведенное над ним этой смазливой девочкой, которая не только не проявила интереса к его оригинальной наружности, но еще вздумала поучать его.

Выйдя из здания, Игорь даже с некоторым удовольствием нашел и формулу осуждения: они здесь гордятся своими порядками, салютами и вензелями; воображают себя Советской властью, а на самом деле – обыкновенные бюрократы. На своем веку Игорь насмотрелся таких бюрократов. «Скажите пожалуйста, почему деньги присланы как раз на эту станцию?» Опоздать к завтраку можно только на пять минут, а если опоздаешь на шесть минут, сиди голодный. И они собираются воспитывать Игоря Чернявина! Кто знает, захочет ли еще Игорь Чернявин, чтобы из него тоже бюрократа сделали. И все бюрократы *так* говорят: можешь жаловаться.

Так размышлял Игорь Чернявин, проходя по дорожке цветника. Цветы его мало радовали. Собственно говоря, можно было выйти из цветника и отправиться по дороге в город. К сожалению, у него не было никаких планов, никакого начатого дела, а во-вторых, можно уйти и завтра.

Игорь прошел цветники и свернул вправо. Здесь *сразу* начинался лес. На его опушке – новое каменное здание. Оно было пристроено к глагольному концу того дома, из которого Игорь вышел, и соединялось с ним висячим закрытым мостиком. Санчо рассказывал ему об этом здании. В нем будут новые спальни, только спальни. А в старых спальнях будет школа, а в теперешней школе еще что-то будет. Игорь уже забыл. Вообще, строительство. Санчо, захлебываясь от восторга, называл какие-то цифры: двести тысяч, триста тысяч. Санчо в то же время и возмущался: кто-то где-то ассигнует деньги на новые спальни и на прием новых ребят, а на производство никто не хочет давать ни копейки, колонисты сами об этом должны подумать. Ребят можно набрать, а работать где? Надо развивать производство. Слово «про-

изводство» Санчо произнес с уважением, восторженно вспоминал Соломона Давидовича Блюма, но тут же и посмеивался над ним. Вообще, у них только снаружи все это прибрано, а что на самом деле, кто их разберет. Вчера перед сном вся бригада потешалась, вспоминая какой-то стадион. И Нестеренко сказал:

– В такой колонии такой стадион! Что это такое?

Игорь прошел мимо нового здания. Оно было уже закончено, блестели стекла в оконных переплетах.

Дальше был разработан парк, проведены широкие дорожки, посыпанные песком, стояли чугунные скамьи. Санчо и об этом парке рассказывал с энтузиазмом. Подумаешь, большое дело: дорожки и гимнастический городок. Посмотрели бы они, какие гимнастические городки в Ленинграде. А то: собственными руками! И еще пруд какой-то! Довольно запутанная сеть дорожек куда-то заметно спускалась. Ага! Вот и пруд! По берегу пруда тоже идет дорожка и тоже стоят скамейки. Пруд небольшой, над ним нависли деревья, кое-где на берегу сделаны деревянные ступени.

Игорь присел на скамью, а потом подумал: почему бы ему не искупаться. Он разделся и полез в воду. Воды была прохладная, ласковая и пахла чем-то особенным, духов они напустили в пруд, что ли? Нет, это пахнет мята, все берега заросли мятой. Игорь выплыл на середину; попробовал достать дно, не достал, внизу вода была ледяная. Перевертываясь в воде, Игорь заметил движение у скамьи, где он оставил одежду. Он подпрыгнул, посмотрел, подплыл поближе. На берегу стоя, заложив руки в карманы спецовки, и смотрел на него коренастый парень, стриженный тоже под машинку, наверное, новенький. Он крикнул:

– Холодная вода?

– Хорошая.

– Полезу.

Через минуту он с разгона бултыхнулся в воду, и скоро его стриженная голова очутилась рядом с Игорем:

– Ты что, колонист? – спросил он.

– Да, в этом роде.

– Новый, что ли? Что-то я тебя не видел.

– Со вчерашнего дня.

– Ага!

– А ты?

– А я две недели.

– Тоже новый?

– Тоже.

– Ну и что?

– Удирать буду.

– Да ну?

– Честное слово! Ну их к чертям!

Он перевернулся в воде, выставил зад, подрыгал ногами:

– Холодная! Я – одеваться!

Они подплыли к берегу. Натягивая штаны, Игорь спросил:

– А тебе есть куда удирать?

– Да у меня папан в городе. Только он – сволочь. Я к нему не пойду. Я у него облигаций на пять сот рублей стырил, так он такой хай поднял, в милицию потащил. А сам ответственный работник, как же – Заготзерно какое-то. Меня сюда и спровадили.

– Ты уже работаешь?

– А как же, приспособили. Социализм, говорят, строим. Ну и стройте!

– А почему ты сейчас гуляешь?

– Да какой там социализм! Материалу нету! Меня на шипорезный поставили. Станок, правда, мировой, так материалов нету. Да ну их...

– Как твоя фамилия?

– Фамилия у меня еще ничего: Горохов. А вот имя... *брат, прямо удивительно!* Куда их головы торчали? Руслан!

Игорь рассмеялся. Горохов тоже осклабился. У него было очень простое, прыщеватое, носатое лицо, и нос был гораздо красивее всего остального. Когда он смеялся, зубы показывались разной величины и направления и даже разного цвета.

– Руслан! Я пока не читал «Руслана и Людмилу», так еще ничего, терпел, а как прочитал!.. Ты читал?

– Читал.

– С моей мордой! Руслан! Так это им, понимаешь, нужно, а как ассигнаций паршивых на пятьсот рублей, так в милицию побежали!

– Я тоже, наверное, уйду, – сказал Игорь.

– У тебя тоже родители?

– Мои далеко – в Ленинграде.

– К ним пойдешь?

– Нет, к ним не пойду.

– А куда?

– А ты куда?

Они сели на скамью, глянули друг на друга, улыгнулись неохотно. Руслан задумался:

– Черт их знает... может, они и правильно¹⁵⁵...

– Кто?

– Да... эти... тут. А только нельзя так: все это ходи по правилам. По правилам и по правилам. И тащат тебя в разные стороны. И вякают, и вякают: в стрелковый кружок, в драматический кружок, в изокружок! «Учиться необходимо!» А я хотел в оркестр, так у них тоже правила.

– А ты говорил: удирать будешь.

– И убегу, а что ж ты думаешь? Терпеть буду? Хотел в оркестр – «подожди», в оркестр принимают только колонистов.

– *Так... и ты же колонист?*

– Черта с два! Тебе разве не рассказывали? Черта с два!

– Что-то я слышал... звание колониста...

– Звание колониста. Ты не колонист, а воспитанник. Ого! Тебе, может, и пошьют парадный костюм, так без этого... на рукаве... без знака. И наказывать тебя можно как угодно: и наряды, и без отпуска, и без карманных денег. Алексей что захочет, то и сделает. И из бригады в бригаду, и на черную работу погонит... И в оркестр нельзя.

– Черт знает что, – протянул Игорь удивленно. – И долго это так?

– Самое меньше четыре месяца. А потом, как бригада захочет. Бригада должна представить на общее собрание, а на собрании, как по большинству решат. А на собрании известно кто – комсомольцы. Там где-то по секрету поговорят, а ты и не знаешь.

– А почему же в оркестр только колонисты?

– А кто их знает, почему? Да еще знаешь какое правило: в оркестр можно, допустим, колонисту, а из оркестра черта с два!

– Нельзя?

– Боже сохрани! Так уж до смерти и оставайся музыкантом. Понимаешь ты, порядки? Допустим, мне надоело – нет, играй! Все равно убегу.

---

¹⁵⁵ В оригинале «правы?»

Руслан отвернул обиженное лицо к глубине парка, задумался: задумался и Игорь. Слышно было, как за парком шумело машинное отделение. Какие-то еще звуки долетели оттуда: не то детские крики, не то лай собак. Потом звонко ударило один раз, другой и пошло ритмично звенеть дальше. Руслан вытянул шею, встревожился.

– Ты в какой бригаде? – спросил Игорь.

Руслан не расслышал:

– А?

– В какой ты бригаде? В первой? У Воленко?

– У Воленко. Кажется, лес привезли. Говорили, привезут.

– Воленко хороший бригадир?

– Они тут все одинаковые. Побегу. Это лес привезли.

Руслан прыгнул через кустики на соседнюю дорожку. Игорь посмотрел ему вслед: синяя куртка Руслана далеко уже мелькала между деревьями, *так быстро он побежал*.

22

Стадион имени Блюма

Игорь тоже направился на «производственный двор», как говорили в колонии. Санчо уже рассказывал ему, что в колонии есть несколько мастерских. Недавно приехал новый заведующий производством, так уже не будут мастерские, а будут цехи: механический, литейный, машинный, сборочный и швейный. Игорь никогда не видел никакого производства и не интересовался этим делом, поэтому он ничего не понял во всех этих названиях, догадывался только, что в швейном что-то шьют. Но теперь выходило так, что и ему придется работать в каком-нибудь цехе. Он решил посмотреть, что это за «производственный двор».

Через парк, идя по тому же направлению, куда побежал Руслан, Игорь, действительно, вышел на новый двор, видно, недавно расчищенный из-под леса: кое-где стояли еще пни, а в других местах, в огромных ямах, валялись выкорчеванные могучие корневища. Двор был громадный и весь забросан, трудно было разобрать чем. Здесь было много бревен, досок, балок – все это в беспорядке, вперекос, перемешано с углем, железом разного сорта, с опилками, стружками, пустыми бочками из-под извести. Вокруг двора стояло несколько приземистых деревянных строений, похожих на сараи, но через крыши их выходили трубы, а из труб валил дым самых разнообразных оттенков и густоты, следовательно, это были не сараи. В одном из строений, более солидном, что-то делали с деревом, и дереву *то, что делали*, было, видимо, неприятно: оттуда неслись стоны и вопли самых разнообразных оттенков: тихие, гулкие, низкие звуки – звуки привычного и безнадежного протеста; звуки нервные, визгливые, раздражительные; наконец, время от времени вырывался настоящий вопль, отчаянный, душераздирающий, невыносимый. Возле этого здания стояло несколько длинных подвод, рабочие сбрасывали с них доски.

Выйдя из парка, Игорь остановился, выбирая, как легче пройти, и рядом с собой увидел группу людей: Алексей Степанович без шапки, в сапогах и в военной рубашке хаки, Витя, Клава Каширина и еще двое. Один из них полный, с брюшком, с круглой головой, выбритой начисто, а может, быть, просто лысый. Игорь догадался: это и был знаменитый заведующий производством – Соломон Давидович Блюм. Он торжественно показывал рукой на широкое, приземистое, барачного типа здание, выстроенное недавно, и тем не менее производящее отталкивающее впечатление. Трудно было установить, из чего оно сделано: из обрезков, щепок, старой фанеры, глины? Покрыто оно тоже весьма странной смесью из самых различных материалов: железа, фанеры, толя, а в одном месте красовалось даже несколько рядов черепицы. Это было очень длинное здание, и именно поэтому бросалась в глаза его

несуразность: здание довольно круто спускалось в сторону пруда, и его наклонная, скошенная конструкция дико противоречила всякому привычному представлению о строении¹⁵⁶.

Как будто пораженный этим внезапным величием, Захаров стоял на опушке парка, шевелил руками в карманах галифе и смеялся:

– Да-а! Я приблизительно предчувствовал нечто подобное, но... все-таки...

Витя хохотал, наклоняясь к земле:

– Вот молодец, Соломон Давидович! За неделю построил!

Клава улыбнулась сдержанно. Виктор сказал:

– Это и называется: стадион имени Блюма.

Соломон Давидович выпятил полную стариковскую губу:

– Что вы такое говорите, имени Блюма? Это плохой сборочный цех? Плохой? Да?

Захаров увидел¹⁵⁷ Игоря:

– Чернявин, иди сюда.

Игорь вытянулся, красиво – это было несомненно – поднял руку и успел заметить любопытствующий взгляд Клавы Кашириной:

– Здравствуйте, товарищ заведующий!

– Здравствуй. Иди сюда. Ты ведь человек ленинградский, всякие дворцы видел. Как тебе нравится сборочный цех?

– Вот этот сарай?

– Это стадион, – повторил Виктор.

Соломон Давидович произнес спокойно:

– Пускай себе сарай, пускай себе стадион, зато в нем можно работать.

Игорь спросил:

– А он не завалится?

Блюм возмутился так серьезно, как будто он давно знал Игоря и обязан был считаться с его мнением:

– Вы слышите, что он говорит: завалится! Волончук, он завалится или не завалится?

Скучный, нескладный, состоящий из каких-то мускульных узлов инструктор Волончук – правая рука Соломона Давидовича – ответил невозмутимо, определяя судьбу стадиона с завидной беспристрастностью:

– С течением времени должен завалиться, но нельзя сказать, чтобы скоро.

– Через год завалится?

– Через год? – Волончук внимательным взглядом присмотрелся к стадиону. – Нет, через год он не завалится. Другое дело, если, скажем, дожди большие пойдут.

Блюм закричал на него:

– Кто вас про дожди спрашивает. Когда был Ной и пошли большие дожди, так все на свете завалилось. Когда человек строится, так он не может ориентироваться на всемирный потоп, а ориентируется на нормальную погоду.

Волончук спокойно выслушал гневную речь Соломона Давидовича, даже глазом не моргнул лишний раз, и уступил:

– Если хорошая погода, так ничего... выдержит.

Алексей Степанович поправил пенсне, каким-то особенным взглядом, преисполненным векового терпения, глянул на двор и тронулся вперед.

– Хорошо, посмотрим, что там внутри.

Блюм обрадовался:

---

¹⁵⁶ В оригинале «здании».

¹⁵⁷ В оригинале «заметил».

– Конечно, внутри! Нам внутри работать, а вовсе не наблюдать разную красоту. Красота тоже деньги стоит, дорогие товарищи. Если у тебя нет денег, так ты бреешься один раз в неделю. И ничего.

Через скрипящие воротца, кое-как сбитые из обрезков, они вошли в здание сборочного цеха. В цеху еще ничего не было, *сразу* бросался в глаза деревянный пол, отдаленно напоминающий паркет: он был составлен из многочисленных концов досок разной длины и ширины и даже разной толщины. Витя первый выразил свое восхищение внутренним устройством здания, но очень сдержанно:

– Если деталь какая упадет, так ее и не поймаешь, так покатится!

Все рассмеялись, кроме Блюма:

– А почему она будет катиться? Это теперь здесь, конечно, ничего нет. А когда будут люди, верстаки и доски, так куда она будет катиться?

Волончук серьезно оглядел все и ответил:

– Так, чтобы катиться, не должна. Зацепится.

Виктор серьезно подтвердил:

– Беру свои слова обратно, если зацепится, тогда другое дело.

И теперь Блюм разгневался окончательно: *своими* короткими руками он несколько раз хлопнул себя по бедрам, на отеком лице появилось выражение боевой готовности...

– Вам нужно делать мебель, или вам нужен какой-нибудь бильярд? Чтобы ничто никуда не катилось, пока его не ударишь палкой? Что это за такие разговоры? Мы делаем серьезное дело, или мы игрушками играемся? Вам нужны каменные цехи? А деньги у вас есть? А что у вас есть? Может, у вас кирпич есть? Или железо? Или фонды? Ваши сборщики работают под небесами, а я вам построил крышу, так вам еще не нравится, вам подавай архитектурский фасад и какие-нибудь пропилены¹⁵⁸. Вы сюда пришли, приемочная комиссия, и фыркаете губами, и говорите: стадион! А что вы мне дали? Смету, проект, чертежи, деньги? Вы дали хоть одного инженера? Что вы мне дали, товарищ секретарь совета бригадиров Виктор Торский?

Секретарь совета бригадиров Витя Торский ничего не ответил. Алексей Степанович дружески взял Блюма за локоть:

– Не сердитесь, Соломон Давидович, мы на лучшее и не рассчитывали. Увидите, в будущем году мы построим настоящий завод, а это здание с благодарностью спалим: подложим соломки и...

– Мне очень нравится: они спалют! Здесь будет замечательный склад¹⁵⁹.

– *Потертим.*

– *Триста тысяч на новые спальни!*

– *То деньги государственные. Новые спальни для новых людей. Прибавим еще сто человек, и вашему производству легче будет.*

– Пожалуйста! Теперь есть где работать. А что бы вы¹⁶⁰ делали, если бы не было этого самого стадиона имени Блюма, товарищ Торский?

– А я всегда говорил: нужно строить не спальни, а завод.

– Так видите, вы только говорили, а я построил.

– Я говорил: строить завод, а вы построили стадион.

– Товарищ Торский! Живая собака в тысячу раз лучше английского¹⁶¹ льва!

---

¹⁵⁸ Пропилеи – колоннада перед входом в здание.

¹⁵⁹ Далее редакторская правка «-Ну, хорошо».

¹⁶⁰ В оригинале «они».

¹⁶¹ В оригинале «выдуманного».

Алексей Степанович, смеясь, любовно прижал локоть Соломона Давидовича и направился к выходу. Игорь Чернявин подождал, пока все выйдут. Оглянулся на пустой стадион. Кого-то ему стало жаль. При выходе он остановился, и было ясно: жаль стало Соломона Давидовича.

23

Довольно интересная мысль

Вечером Нестеренко сказал Игорю:

– Завтра ты пойдешь на работу в сборочный цех.

– Я никогда не работал в сборочном цехе.

– А завтра будешь работать.

– Это значит в стадионе?

– Потом в стадионе, а пока во дворе.

– А что я там буду делать?

– Мастер тебе покажет.

– А может, я не собираюсь быть сборщиком?

– Я тоже не собираюсь быть литейщиком, а работаю в литейном.

– Это дело твое, а я иначе думаю.

– Ты думаешь? А ты научился думать? Слышишь, Санчо? Он так думает, что он не будет сборщиком, а поэтому он не хочет работать. Ты его шеф, должен ему объяснить, если он не понимает.

Санчо с радостью согласился объяснить Игорю, хлопнул рукой по сиденью дивана рядом с собой.

– А что же? Садись, я тебе все растолкую.

Игорь сел, кисло улыбнулся, приготовился выслушать поучение. Вспомнил жалкий стадион, жалкую бедность Соломона Давидовича, стало скучно и непонятно, для чего все это нужно?

– Чего ты такой печальный, Чернявин, это очень плохо. А я знаю почему. Ты думаешь так: какие-то колонисты, где они взялись на мою голову? А я вон какой герой, Чернявин, скажите пожалуйста! Поживу у них четыре дня и пойду на все четыре стороны. Правда, ты так думаешь?

Игорь промолчал.

– А на самом деле, может, ты у нас проживешь четыре года.

– А если проживу, так что?

– Как это «что»? Если ты умный человек... Представь себе: четыре года живешь! Так сегодня ты в сборочном не хочешь, а завтра в литейном не хочешь. А потом ты скажешь, не хочу быть токарем, а хочу быть доктором, давайте мне, пожалуйста, больницу: а я буду лечить людей, ха! Так мы с тобой четыре года будем возиться! Ты, значит, как будто не в себе – психуешь, а мы с тобой все возимся и возимся?

Нарисованная Зориным картина заинтересовала Игоря, но заинтересовала прежде всего глубоким противоречием той ясной логической линии, которая принадлежала ему, Игорю Чернявину, и которую он мог изложить в самых простых словах. Санчо сидел рядом с ним, глаза его, как всегда, были горячи, но все-таки этот самый Санчо Зорин соображает довольно тупо.

– Ты неправильно говоришь, товарищ Зорин.

– Хорошо. Неправильно. А как правильно?

– Ты говоришь: Чернявин хочет быть доктором? А скажи, пожалуйста, почему это плохо? А разве мало людей хочет быть докторами? А вы здесь, дорогие товарищи, приду-

мали: как себе хочешь, а иди в ваш сборочный цех. А я должен сказать: «Есть, в сборочный цех!» А вот я не хочу.

– Так кто тебе мешает, Чернявин? Разве мы тебя заставляем? Мы тебя не заставляем. Смотри, пожалуйста, – Зорин показал на окно, – заборов у нас нет, стражи нет, – никто тебя не держит и не уговаривает – иди себе!

– Мне некуда идти...

– Как некуда? Ого! Ты же говоришь, не хочу быть сборщиком, а хочу быть доктором.

– Куда же я пойду?

– Да в доктора и иди. Учиться там или как... Добивайся, пожалуйста.

– А у вас, значит, нельзя?

– А у нас тоже можно, только по-нашему.

– Сначала в сборочный цех?

– А что же ты думаешь? А если в сборочный? Думаешь, плохо?

– Я не думаю, что это плохо, а ты мне ничего не объяснил. С какой стати?

– А с такой стати: для нас это нужно. Ты у нас живешь два дня? Живешь. Шамаешь? Одели тебя, кровать тебе дали? А ты еще сегодня в столовой кричал: не имеете права! А почему? Откуда все это берется, какое тебе дело? Я – Чернявин, все мне подавайте. Я хочу быть доктором. А может, ты врешь? Откуда мы знаем? А мы можем сказать: иди себе, Чернявин – доктор Чернявин, к чертовой бабушке!

– Не скажете.

– Не скажем? Ого! Ты еще нас не знаешь! *Можем так сказать, что тебя никакое начальство не спасет.* Ты думаешь: уйду. А на самом деле мы тебя раньше прогоним. Для чего ты нам сдался? Мы тебя ни о чем не спросили, кто ты такой, откуда, а может, ты дернешь. Мы тебя приняли как товарища, одели, накормили и спать уложили. Так ты один, а нас колония. Ты против нас куражишься: хочу быть доктором, ты нам ни на копейку не доверяешь. Тебе нужно все доказать сразу, а почему ты вперед поверить не можешь, нам поверить?

– Кому поверить? – задумчиво спросил Игорь, чувствуя, что Санчо далеко не так туп, как ему показалось сначала.

– Как «кому»? Нам всем.

– Поверить?

– Ага, поверить. Видишь, ребята живут и работают, и учатся, что-то делают. Подумал бы: значит, у них какой-то смысл есть. А то ничего не видишь, кроме себя: я доктор. А какой ты доктор, если так спросить? Мы знаем, что мы – трудовая колония, это же видно, а откуда видно, что ты доктор?

Они сидели на диване в полутемной спальне, на дворе зажигались фонари, ребята куда-то разошлись. В коридоре слышались редкие шаги. Потом кто-то крикнул:

– Се-евка!

И стало очень тихо, *так же тихо, как и на душе у Игоря.* Он, конечно, не был убежден словами Санчо, но спорить с ним уже не хотелось, и возникло простое, легкое желание: почему в самом деле не попробовать? Этому народу можно, пожалуй, оказать некоторое доверие. И он сказал Санчо Зорину:

– Да это я к примеру. Ты не думай, что я такой бюрократ. А ты где работаешь?

– В сборочном цехе.

– Интересно там?

– Нет, не интересно.

– Вот видишь?

– А тебе только интересное подавай? Может, с музыкой? А если неинтересное что делать, так ты не можешь?

– Неинтересное делать?

Игорь присмотрелся к Зорину. У Санчо задорно горели глаза, *горели они и у Игоря*.
– Неинтересное делать? Это, сэр, довольно интересная мысль.

24

Девушка в парке

Сигнал «вставать» Игорь услышал без посторонней помощи. Было приятно – быстро и свободно вскочить с постели, но когда он начал заправлять кровать, оказалось, что это совершенно непосильная для него задача. Он посматривал на другие кровати и все делал так, как делали и остальные, но выходило гораздо хуже: поверхность постели получалась бугристая, складка шла косо, одеяло не помещалось по длине кровати, а его излишек никуда толком не укладывался. Санчо посмотрел и разрушил его работу:

– Смотри!

Санчо работал ловко, из его техники Игорь уловил главное назидание: складка на одеяле потому получалась прямая, что с самого начала Санчо укладывал одеяло сложенным вдвое, потом отворачивал¹⁶² половину, складка сама выходила прямой, как стрела. Это Игорю понравилось.

– Спасибо, Санчо.

– Не стоит.

У Игоря было прекрасное утреннее настроение. Вместе со всеми он салютом встретил приход дежурства. Сегодня дежурил бригадир четвертой бригады – знаменитый в колонии Алеша Зырянский, именуемый чаще «Робеспьером¹⁶³». И сегодня дежурные по бригадам мотались, «как соленые зайцы», а за десять минут до поверки сам Нестеренко взял тряпку и бросился протирать стекло на портрете Ворошилова, а дежурному по бригаде Харитону Савченко сказал с укором:

– Ты забыл, кто сегодня дежурит по колонии?

Харитон с озабоченной быстротой заглядывал в тумбочки и под матрацы. Когда уже строились на поверку, Нестеренко спросил:

– А ногти? Ногти у всех стрижены?

Кто-то глянул на ногти и закричал:

– Да черт его знает, где ножницы наши?

Нестеренко рассердился:

– Если искать ножницы, когда сигнал на поверку играют, так, конечно, никогда не найдешь. Чернявин, у тебя как?

– Да ничего, как будто...

– Как будто не считается. Гонтарь, давай ножницы. Да куда же ты режешь? Ну что ты наделал? Эх, Мишка!

Но уже входила в спальню поверка, и Нестеренко подал команду.

Зырянский был невысокого роста, лет шестнадцати. Он хорошо сложен, строен. Обращали на себя внимание его пристальные, умные, но в то же время и веселые серые глаза. Брови у Зырянского короткие, прямые, ближе к переносице они заметнее. *Губы подвижные, очень выразительные.*

Еще приветствуя бригаду, Зырянский увидел все, хотя как будто ничего не старался увидеть. Он не рыскал по спальне, ничего не искал, но, уходя, сказал своему компаньону по дежурству, скромной и тихой девочке – ДЧСК:

---

¹⁶² В оригинале «открывал вторую».

¹⁶³ Робеспьер (1758–1794) – глава революционного правительства якобинской диктатуры во время французской буржуазной революции... Отличался смелостью, решительностью и неподкупностью.

– Отметим в рапорте: в спальне восьмой бригады грязь.

– Да какая же грязь, Алеша?

– А это что? Натерли пол, а потом набросали ногтей? Это не грязь, по-твоему?

Нестеренко ничего не ответил. В дверях Алеша сказал:

– Нельзя заниматься туалетом только для дежурного бригадира, это, Василь, ты хорошо знаешь. Да и новенькому вашему не остригли когтей. Салютует, а лапы, как у волка.

Нестеренко был очень расстроен после проверки и все повторял:

– Ах ты, черт! Вот нечистая сила! А все ты, Мишка. Человек влюбленный, а ногти какие. И как же это можно: на паркет. Хорошо, если Захаров так пропустит рапорт. А если передаст на общее собрание?

Миша Гонтарь ничего не сказал на это. Сидя на корточках, он подбирал с полу собственные ногти.

– Я тогда прямо и скажу на собрании: это наш влюбленный Михаил Гонтарь. Честное слово, так и скажу. А еще раз случится такое неряшество, попрошу Алексея посадить тебя часа на три. И Оксане все расскажу, чтоб знала.

Гонтарь так ничего и не ответил бригадиру. Достаточно того, что ему и перед своими было неловко. Нестеренко оставил его и тем же уставшим, недовольным голосом обратился к Игорю:

– Ты идешь в сборный цех или еще будешь ногами дрыгать?

Игорь был рад, что мог утешить бригадира хотя бы в этом вопросе:

– Иду.

На производство Игорь должен был выйти после обеда, во вторую смену. Это было хорошо: все-таки оттягивалась процедура первого рабочего опыта. После завтрака Игорь решил погулять в парке и искупаться. Но как только он вступил в парк, на первой же дорожке встретил «чудеснейшее видение» – девушку.

Уже и раньше, в своей «свободной жизни», Игорь стремился¹⁶⁴ понравиться девушкам и принимал для этого разные меры: заводил прическу, украшал костюм, произносил остроумные слова. *В том, что он девушкам нравился, было для него смешное, что-то очень важное, свидетельствующее о какой-то привлекательной для людей силе.* Но никогда еще не было, чтобы девушка ему самому очень понравилась. Он по-джентельменски привык отдавать должное привлекательности и красоте и считал себя в некотором роде знатоком в этой области, но всегда забывал о красавицах, как только они уходили из его поля зрения. И поэтому каждую новую девушку он привык встречать свободным любопытством донжуана.

Так он встретил и девушку в парке и прежде всего должен был признать, что она «чудесна». Это слово Игорь очень ценил, гордился его выразительностью и от самого себя скрывал, что унаследовал его от отца, который всегда говорил:

– Чудесный человек!

– Чудесная женщина!

– Чудесная мысль!

Девушка, проходившая по дорожке парка, была «чудесна». Это в особенности бросалось в глаза оттого, что одета она была очень бедно и некрасиво. Не было никаких сомнений в том, что она не колонистка – колонистки всегда чистюльки.

У нее было чуть-чуть смуглое лицо, очень редкого розовато-темного румянца, расходящегося по лицу без каких бы то ни было ослаблений или усиления, удивительно чистого и ровного. Ничто у нее в лице не блестело, ничто не было испорчено царапиной или прыщиком, редко у кого бывает такое чистое лицо. Из-под тонких черных бровей внимательно и немного смущенно смотрели большие карие глаза, белки которых казались золо-

---

¹⁶⁴ В оригинале «хотел».

тисто-синими. Зачесанные к косе темные волосы, отливающие заметным каштановым блеском, непокорно рассыпались к вискам. Словом, девушка была действительно чудесна.

Игорь остановился и спросил удивленно:

– Леди! Где вы достали такие красивые глаза?

Девушка остановилась, отодвинулась к краю дорожки, поднесла руку к лицу:

– Какие глаза?

– У вас замечательные глаза!

Этими самыми глазами девушка сердито на него взглянула, потом наклонила покрасневшее лицо, метнулась с дорожки в сторону, на травку.

– Миледи, уверяю вас, я не кусаюсь.

Она остановилась, посмотрела на него исподлобья, строго.

– А вам какое дело? Идите своей дорогой.

– Да у меня никакой своей дороги нет. Скажите ваше имя.

Девушка переступила босыми ногами¹⁶⁵ и улыбнулась:

– Вы из колонии, да?

– Из колонии.

– Смешной какой!

Она произнесла это с искренним оживлением насмешки, еще раз боком на него посмотрела и быстро пошла в сторону, прямо по траве, не оглянувшись на него ни разу.

25

Проножки

Мастер Штевель, широкий, плотный, румяный, внимательно глянул на Игоря круглыми глазами:

– Никогда не работал?

– Нет.

– Значит, начинаешь?

– Начинаю.

– Дома... хоть пол подметал?

– Нет, не подметал.

– Незначительный у тебя стаж. Ну что же... начнем. Я тебе дам для начала проножки зачищать. Работа легкая.

– Какие это проножки?

Мастер ткнул ногой в готовый стул:

– А вот она – проножка, видишь? Поставили, как была, нечищеную, с заусенцами, вид она имеет отрицательный. А теперь ты будешь зачищать, лучше выйдет стул. А то все чистили, а на проножки так смотрели: что там, проножка, и так сойдет.

Мастер был словоохотливый, но деловой¹⁶⁶: пока говорил, руки его действовали, а на подмостке перед Игорем появились куча проножек, рашпиль и лист шлиферной бумаги. Заканчивая речь, Штевель прошелся рашпилем по одной проножке, потом зашаркал по ней бумагой, полюбовался проножкой, погладил ее рукой:

– Видишь, какая стала! И в руки приятно взять. Действуй!

Пока все это говорилось и делалось, Игорю занятно было и слушать и смотреть на мастера, на проножку и на всякие принадлежности. Когда мастер, похлопав его по плечу, отошел, Игорь тоже взял в руки проножку и провел по ней рашпилем. В первый же момент

---

¹⁶⁵ В оригинале «ножками».

¹⁶⁶ В оригинале «поучительный, времени на разговоры не тратил».

обнаружилось все неудобство этой работы: проножка сама собой вывернулась из руки, а рашпиль прошелся твердым огненным боком по пальцам. На двух пальцах *сразу* завернулась кожица и выступили капельки крови. Рядом чей-то знакомый голос сказал весело:

– Хорошее начало, товарищ сборщик.

Игорь оглянулся. Голос недаром казался знакомым – свой, из восьмой бригады, только из второй спальни, Середин, тот самый, которого Нестеренко упрекал в пижонстве. У него чисто лицо и голова немного откинута назад. В руках несколько тонких пластинок для спинок стула, и Середин любовно отделяет их при помощи линейки со вставленными листками шлифера. Не успел Игорь рассмотреть их, как они полетели в кучу готовых пластинок, а рука Середина захватила уже новую порцию.

– Возьми там, в шкафчике, йод, – улыбаясь кивнул Середин. – Это ничего, все так начинают.

Игорь полез в шкафчик, нашел в нем бинты и большую бутылку с йодом. Он смазал царапины¹⁶⁷ и обратился к Середину:

– Завяжи.

– Да что ты! Зачем это? Бинт зачем? Ты еще скажешь, доктора вызвать.

– Так она течет. Кровь.

– Вся не вытечет. Намазал йодом? Ну и хорошо. И не течет вовсе, просто капелька.

Игорь не стал спорить и положил бинт обратно в шкафчик. Но пальцы все-таки болели, и он боялся взять в руки новую проножку. Все-таки взял, подержал, примерился рашпилем. Потом со злостью швырнул все это на примосток и, отвернувшись от верстака¹⁶⁸, начал рассматривать цех.

Никакого цеха, собственно говоря, и не было. К стене машинного отделения, вздрагивающей от гула станков, снаружи кое-как был прилеплен дырявый фанерный навесик. Он составлял формальное основание сборочного цеха; под навесиком помещалось не больше четырех ребят, а всего в цехе работало человек двадцать. Все остальные расположились просто под открытым небом, которое, в самой незначительной степени, заменялось по краям площадки красными кронами высоких осокорей. На площадке густо стояли примостки различной высоты и величины, сделанные кое-как из нестроганных обрезков. Некоторые мальчишки работали просто на земле. На площадку эту из машинного отделения высокий чернорабочий то и дело выносил порции отдельных деталей. Деревообделочная мастерская колонии производила исключительно театральную, дубовую мебель. Детали, подаваемые из машинного отделения, были: планки спинок, сидений, ножки, царги, проножки. Собирали театральные стулья по три штуки вместе, но раньше, чем собрать такой комплект, составляли отдельные узлы: козелки, сиденья и т. д. Сборкой узлов и целых комплектов занимались более квалифицированные мальчишки, между ними и Санчо Зорин. Они работали весело, стучали деревянными молотками, возле них постепенно нарастали стопки собранных узлов, а возле Зорина располагались на земле уже готовые, стоящие на ногах трехместные конструкции, еще без сиденья.

Большинство же ребят занимались операциями, подобными той, которая была поручена Игорю, в руках у них ходили рашпили, зудели, посвистывали, дребезжали.

Игорь до тех пор рассматривал цех, пока Середин не спросил у него:

– Что же ты не работаешь? Не нравится?

Игорь молча повернулся к примостку, взял в руки рашпиль. В руке он ощущался очень неприятно: тяжелый, шершавый, осыпанный опилками – и все старался перевиснуть куда-то вниз. Игорь положил его и взял в руки проножку. Это было симпатичнее. Игорь внима-

---

¹⁶⁷ В оригинале «ранки».

¹⁶⁸ В оригинале «обернувшись к работе спиной».

тельно рассмотрел ее. Глаз увидел те неправильности, неровности, острые углы, которые нужно было снять, увидел и неряшливый край, вышедший из-под шипорезного станка. Вторая рука снова протянулась к рашпилю, но в это время прилетела пчела. Собственно говоря, ей абсолютно нечего было делать здесь, в сборном цехе. Игорь следил за ней и думал, что она должна понять бесцельность своего визита и улететь. Пчела, однако, не улетала, а все сновала и сновала над примостком, тыкалась, подрагивая телом, в свежие изломы дубовых торцов, а потом вдруг набросилась на раненую руку Игоря, ее соблазнила засыхающая капелька крови. Похолодев, Игорь взмахнул проножкой и обрадовался, увидев, что пчела улетела. Он перевел дух и оглянулся, и сейчас только заметил, что ему жарко, что солнце припекает голову, что шея у него вспотела. Вдруг на эту самую потную, горячую шею что-то село, мохнатое, тяжелое. Игорь взмахнул свободной рукой – огромная, зеленоватая муха нахально взвизгнула у его головы. Игорь поднял глаза и увидел, что их две – мухи, они нахально не скрывали от Игоря своих злобных физиономий. Игорь тоже обозлился и произнес неожиданно, чуть ли не со слезами:

– Черт его знает! Мухи какие-то!

И Санчо, и Середин, и другие засмеялись. Середин смеялся добродушно, закидывая голову, а Санчо – громко, на всю площадку:

– Игорь! Они ничего! Они не кусаются!

Из молодых кто-то сказал:

– А может, они думают, что это лошадь.

Игорь швырнул проножку на стол:

– К черту!

– Не хочешь? – спросил Середин.

– Не хочу.

Санчо оставил работу, подошел к нему.

– Чернявин, в чем дело?

Игорь надвинулся на Санчо разгневанным лицом.

– *Я больше не хочу!* К черту! – кричал он. – *Не буду!* С какой стати! Какие-то проножки! Рашпили! Для чего это мне? Цех, называется, – мухи, как собаки!

Краем глаза он видел, как Середин, не прекращая работы, неодобрительно мотнул головой, другие обернули к ним удивленные, но серьезные лица. Санчо сказал:

– А что же? Просить тебя не будем. Иди, выйти можно здесь.

– И пойду.

Не глядя ни на кого, Игорь переступил через кучу деталей. Санчо что-то сказал ему вслед, но Игорь не расслышал. Не услышал потому, что увидел перед собой неожиданное видение: та самая девушка, которую он сегодня встретил в парке, присела у корзинки, в которой лежали обрезки, но лицо подняла к нему, и на лице этом была задорная и откровенная насмешка.

26

Герой дня

День пошел вперед, жаркий, неслаженный и... одинокий. В столовой за ужином хохотали по-запорожски, а Гонтарь, который ничего и не видел, со вкусом рассказывал:

– Говорят – мухи, как собаки.

У соседнего стола звонкий пацаний голос деловито произнес:

– Безобразие! Мух надо на цепь посадить!

И за тем столом тоже хохотали.

Игорь сидел, отвернувшись к окну, злой. Нестеренко спросил:

– Значит, не будешь работать?

– Нет.

– А жить в колонии будешь?

– Меня прислали сюда, я не просил.

– Здорово! – Зорин сделался серьезным. Хохот везде прекратился. Игорь заметил несколько лиц, смотрящих на него с интересом, а может быть, даже и с уважением. Игорь почувствовал гордость, встал за столом и сказал Зорину громко, так, чтобы и другие слышали:

– Видите ли, не чувствую у себя призвания чистить ваши проножки. И вышел из столовой.

Он был даже рад. На его лице восстановилась обычная уверенность в себе, склонность к ехидной улыбке, глаза сами собой стали сильнее прищуриваться. Перед сигналом «спать» он гулял в парке, посмотрел *партию в волейбол*. Среди других, наблюдавших игру, заметил группу девочек и между ними, рядом с Клавой Кашириной, полное, тронутое веснушками, но очень милое лицо. Девушка посмотрела на него, улыбнулась, о чем-то зашептала подруге. У нее были ярко-рыжие кудри. Игорь придвинулся ближе¹⁶⁹, и она спросила:

– Твоя фамилия Чернявин? Ты играешь в волейбол?

– Играю.

– А мух не боишься?

Окружающие девочки засмеялись, одна *только* Клава смотрела на Игоря осуждающим взглядом, презрительно сжала красивые губы. Но Игорь не обиделся.

– Мухи мешают только в вашем сборочном цехе. Мешают этой важной работе. Тут нужно проножку чистить, а она без всякого дела.

– А ты сколько проножек зачистил?

Девочки притихли, но было видно: притихли только для того, чтобы услышать его ответ и смеяться над ним еще больше, еще веселее. Игорь не хотел потешать их:

– Я отказался от этой глупой работы. *Я думаю* и без меня найдутся охотники чистить разные проножки, сороконожки.

– А ты что будешь делать?

Рыжая девочка спрашивала со спокойной улыбкой, приятным грудным голосом, очень теплым и без насмешки. И никто больше не хохотал. Игорь был доволен успехом: он умел вызвать к себе уважение. И на вопрос постарался ответить с достоинством:

– Я, *синьориты*, еще посмотрю: *думаю*, роль для меня найдется.

Впечатление было такое, какого он хотел. Девочки посмотрели на него с уважением, но Клава неожиданно сказала, отворачиваясь:

– Роль для тебя уже нашлась: шута горохового.

И тут все девочки громко захохотали, даже глаза их увлажнились от смеха. Игорю пришлось заинтересоваться волейбольной партией и отойти от них. Но в общем этот разговор его не особенно смутил. Конечно, Клава Каширина у них бригадир, конечно, она может позволить себе назвать Игоря шутком гороховым, а они будут смеяться. Но вот другая, рыжая, эта не очень смеялась. Кто она такая? Пробегающего Рогова Игорь спросил:

– Кто эта рыжая?

– Рыжая? А это Лида. Лида Таликова, бригадир одиннадцатой.

Ого, тоже бригадир, а не очень смеялась.

В спальне, когда все собрались, Игоря приятно поразило, что никто не вспоминал о его уходе из цеха, все держали себя так, как будто в бригаде ничего не случилось, каждый занимался своим делом, читали, писали. Санчо и Миша Гонтарь играли на диване в шах-

---

¹⁶⁹ В оригинале «к ним».

маты. Нестеренко разложил на полу газеты и разбирал на них какой-то странный прибор, весь состоящий из пружин и колес. Игорь ходил один по комнате и стеснялся спросить, что это за прибор. На дворе заиграли короткий сигнал, Нестеренко удивленно поднял голову:

– Да неужели на рапорты? Ох, и время ж бежит! Саша, пойдй, сдай рапорт, а то у меня руки.

Он расставил черные пальцы, Александр Остапчин, помощник бригадира, повернулся перед зеркалом, посмотрел на всех красивыми глазами:

– И хитрый же у вас бригадир! Это, значит, с Алексеем разговаривать насчет Мишиных ногтей?

Все улыбнулись. Нестеренко ответил хмуро:

– Ну и поговоришь, чего там. Скажешь, этот франт не успел. Да ведь ты любишь поговорить, для тебя будет... вроде прокурорская практика. А если Гонтарю попадет, тоже не жалко.

Он бросил убийственный взгляд на Гонтаря. Гонтарь крикнул и с досадой хлопнул себя по затылку.

Остапчин еще раз глянул в зеркало и выбежал из спальни. Игорь спросил:

– Товарищ Нестеренко, что это такое?

Нестеренко поднял голову, неохотно повел глазом на Игоря и махнул рукой, что, безусловно, могло обозначать только одно: отвяжись!

Игорь подошел к шахматистам. Рука Гонтаря еще лежала на затылке. Он не обратил внимания на Игоря, а, подвигая фигуру, тихо спросил:

– Как ты думаешь, Санчо, меня сейчас вызовут к Алексею?

– Тебя?

– Да, по рапорту Зырянского.

Санчо взялся за голову коня:

– По рапорту? Думаю, нет. Алексей по таким пустякам не вызывает.

– А вдруг?

– Нет. А Сашке что-нибудь скажет. А кого позовет, так, может, этого лодыря.

Санчо кивнул на Игоря. Гонтарь снял руку с затылка, отодвинул Игоря подальше.

– Отойди, свет заслоняешь.

Но Игоря заинтересовало последнее слово Зорина:

– Меня позовет? Пожалуйста! Я уже испугался, синьоры!

Игорь победоносно посмотрел на всех, но никто не обратил на него внимания.

Через пять минут в спальню ворвался Остапчин, переполненный словами, багрово-красный и явно смущенный.

– Под арест на один час! – закричал он, вытаращивая на всех глаза.

Гонтарь показал на себя пальцем:

– Меня?

– Меня, – ответил с тем же жестом Остапчин.

– Тебя? – все вскочили с мест, глаза у всех сделались задорно-круглыми. Даже Харитон Савченко совершил какое-то быстрое движение.

– Тебя? Ой!! – Нестеренко повалился спиной на пол, дрыгая в воздухе ногами, хохотал громовым хохотом. Гонтарь снова отправил руку на затылок и улыбался смущенно. Санчо обрадовался больше всех, прыгал, вздевая руки, ухватил Остапчина за руки¹⁷⁰:

– За ногти?

– Да за ногти же! Робеспьер, дрянь такая, мало того, что рапорт сдал, да еще с подробностями. После рапортов я говорю: «Алексей Степанович, Гонтаря нужно подтянуть», а он

---

¹⁷⁰ В оригинале «за локти».

мне отвечает: «Я у вас не нанимался всех подтягивать, другое дело Чернявин, вчера пришел, а Гонтарь пять лет у вас живет». Я ему и скажи: «Зырянский придирается». Тут мне и попало, насилиу вырвался. Во-первых, говорит, споры во время рапорта не допускаются, а во-вторых, и в рапорте восьмой бригады, который ты сдавал, сказано: отмечается неряшливость колониста Михаила Гонтаря. За неумение держать себя во время рапортов и за неряшливость в бригаде – один час ареста.

Все слушали молча, широко открыв глаза. Игорь забыл о собственных делах и в увлечении сказал:

– А ты ему объяснил же?

Все на Игоря посмотрели, как на докучный посторонний предмет, но Остапчин ответил:

– Конечно, объяснил: «Есть, один час ареста».

Нестеренко снова ударился в хохот:

– Вот здорово! Хорошо, что я тебя послал.

– Я больше *за тебя* никогда не пойду...

Нестеренко ответил ему весело, с дружеской угрозой:

– Попробуй не пойти. Да ты и не за меня сел, а за себя. Любишь трепаться и на рапортах трепанулся. Как это можно такое говорить: дежурный придирается! Подумать только! Я удивляюсь, что ты дешево отделался, видно, сегодня Алексей добрый.

Игорю вдруг стало обидно и не по себе. Черт их разберет, что у них делается: совершенно было ясно, что Остапчин получил один час ареста незаслуженно, а настоящий виновный, Миша Гонтарь, остался безнаказанным. Наконец, было обидно и другое: почему-то все, даже Алексей Степанович, интересуются таким пустяком, как остриженные ногти Гонтаря, и никто не обращает внимания на открытый, демонстративный отказ от работы Игоря Чернявина?

Когда укладывались спать, зашел в спальню Алеша Зырянский, уже без повязки, и его почему-то встретили радостными возгласами, обступили, а сам Зырянский в изнеможении упал на диван:

– Сашка влопался! Я уверен: Алексей сейчас сидит в кабинете и смеется: Александр Остапчин пришел отдать рапорт! А между прочим, рапорт он сдает красиво, прямо лучше всех.

И Зырянский ничего не сказал об Игоре, даже не вспомнил, что он есть в спальне и что он сегодня демонстративно отказался от работы в сборочном цехе.

27

Тебе отдуваться

Утром Игорь встал вовремя и долго возился с постелью. Может быть, он и еще поспал бы, но вчера забыл спросить, кто сегодня дежурит, ему не хотелось опять оказаться в постели перед «дамой». Оказалось, что он сделал хорошо, потому что поверку принимал сам Захаров, а вместе с ним вошла дежурным бригадиром Лида Таликова. Захаров был весел, в белой косоворотке. Так же как и дежурные бригадиры, он поднял руку и сказал:

– Здравствуйте, товарищи!

Игорю показалось, что ему ответили дружнее и любовнее, чем отвечали дежурным¹⁷¹, а в то же время чувствовалось, что Захарова и побаивались здорово. Но он осмотрел спальню без придинок, ни в какие тайники не заглядывал, все это проделывал юркий и маленький ДЧСК. Алексей Степанович все-таки попросил Гонтаря показать ногти, в этот момент

---

¹⁷¹ В оригинале «товарищам».

Остапчин весело покраснел, но Захаров ничего не заметил. Мимо Игоря он прошел бесчувственно. Нестеренко спросил:

- Алексей Степанович, какая сегодня картина, не знаете?
- Говорят, «Броненосец Потемкин». Поехали за картиной, Лида?
- Поехали.

Уходя, Алексей Степанович глянул на лампочку под потолком, и все закричали обиженными голосами:

- Да это точки такие! Стекло такое! Сколько говорили, никто не меняет!

Захаров остановился в дверях:

- Чего вы кричите?
- А вы посмотрели на лампочку.
- Мало ли куда я посмотрю, так вы кричать будете?
- Мы уж знаем, как вы смотрите!

Игорь отправился завтракать. По дороге никто с ним не заговорил, а за столом Санчо и Гонтарь о чем-то громки вспоминали. Нестеренко ел молча и осматривал столовую.

В столовой в одну смену сидело сто человек. Все они сидели за небольшими столами, покрытыми белыми скатертями, и, по правде сказать, все они Игорю нравились. Хотя он и жил в колонии только четвертый день, но уже многих знал, знал ДЧСК, очень похожих друг на друга, аккуратных, въедливых и строгих мальчиков и девочек в возрасте четырнадцати-пятнадцати лет. Примелькались и другие лица. В каждом лице Игорь бессознательно отличал два характера, две линии. Что-то в каждом было свое, мальчишеское, назвать это Игорь не умел, но это были несомненная энергия, агрессивность, проказливость, боевой нрав и самостоятельный, плутовской, расторопный взгляд, от которого трудно укрыться – все более или менее знакомые типы лиц и привычек, которые Игорь и раньше наблюдал и которые ему нравились. С другой стороны, у всего этого народа, живущего в колонии, ясно были заметны и другие черты характера. Игорь отмечал их тоже бессознательно, и даже самому себе не говорил утвердительно, что черты эти – именно от колонии, но это были те черты, которые он нигде не наблюдал, которые вызывали у него симпатию и возбуждали желание сопротивляться.

Не было никаких сомнений, что вся эта публика, заседающая в столовой, составляет одну семью, очень дружную, сбитую – и гордую своей собранностью. Особенно нравилось Игорю, что за четыре дня ему не пришлось наблюдать не только драк или ссор, но даже сколько-нибудь заметной размолвки, озлобленного или вздорного тона. Сначала Игорь объяснил это тем, что все боялись Захарова или бригадиров. Может быть, и боялись, но почему-то этой боязни не было видно. Правда, дежурные бригадиры и бригадиры в спальнях давали распоряжения, не оглядываясь, не сомневаясь в исполнении, тоном настоящих начальников, видно было, что они привыкли это делать, как будто годами командовали в колонии. Но Санчо рассказывал Игорю, что большинство бригадиров все новые, что Нестеренко и Зырянский занимают свои посты более полугода. Кроме того, Игорь заметил, что не только бригадиры, но и все остальные, обладающие какой-то крупинкой власти только на один день, распоряжаются этой властью с уверенностью, без осторожной оглядки, а колонисты принимают эту власть как вполне естественное и необходимое явление. Так держались и ДЧСК, и дежурные по столовой и по бригадам, и часовые у парадного входа.

Часовыми обыкновенно стояли малыши, те самые малыши, которые с визгом гоняли по парку, кувыркались в пруду, перекидывались на аппаратах в физкультурном городке. У них были разные лица и разные походки, разные голоса и повадки, были между ними и «вредные» пацаны, зубоскалы и насмешники, выдумщики и фантазеры, у многих бродили в голове всякие ветры. Но как только такой пацан брал в руки винтовку, он сразу становился похожим на Петьку Кравчука, встретившего Игоря в день его прибытия. Как Петька, они

становились серьезны, подтянуты, старались говорить басом и были ослепительны и официальные. Обязанности были несложные: не впускают в здание посторонних и следить, чтобы все вытирали ноги. Никаких пропусков ни для взрослых, ни для колонистов в колонии не было, часовые просто на глаз хорошо знали, кого можно пропустить, а кого нельзя. А что касается вытирания ног, то в этом вопросе они все были одинаково беспристрастны и неумолимы. Игорь сам видел вчера, как такой малыш остановил Виктора Торского, пролетевшего со двора с предельной спешностью:

– Витя, ноги!

– Да спешу очень, Шурка!

Но Шурка отвернулся и даже не повторил приказания. И Виктор Торский, глава всей этой республики, только с секунду подумал и с половины лестницы возвратился к тряпке вытирать ноги, а Шурка еще и следил, как он вытирает.

Здесь, в колонии, была единая, крепко склеенная компания, а чем она склеена, разобрать было трудно. Иногда у Игоря возникало странное впечатление, как будто все они – и те, кто постарше, и пацаны, и девочки – где-то, по секрету, очень тайно договорились о правилах игры и сейчас играют честно, соблюдая эти правила и гордясь ими, гордясь тем больше, чем правила эти труднее. Иногда Игорю казалось, что и эти правила, и вся эта игра придуманы нарочно, чтобы посмеяться, пошутить над Игорем, посмотреть, как он будет играть, не зная правил. И досадно было, что вся игра проходила с таким видом, как будто никакой игры нет, как будто так и полагается и иначе быть не может, как будто везде нужно встречать дежурного бригадира салютом, везде нужно называть заброшенный кусок двора сборочным цехом и чистить в нем бесчисленное количество проножек.

И поэтому, при всей своей симпатии к этому веселому и гордому обществу, Игорь не хотел сдаваться. Он допустил, что легко дело не пройдет, что все эти добродушно-бодрые пацаны и девчата только вид такой делают, как будто никакого Игоря не существует, как будто присутствие в столовой одного лодыря и дармоеда среди такой массы трудящихся никого не раздражает. Игорь понимал, что должен наступить момент, когда они все на него набросятся и захотят заставить работать. Очень интересно, как они это сделают. Силой – не имеют права. Голодом? Тоже не имеют права. Оставят жить в колонии и позволят не работать? Едва ли. Выгонят? Им, конечно, не хочется выгонять. Посмотрим.

Игорь завтракал и любовался колонистами. Они тоже завтракали, все в школьных костюмах, свежие, чистые, разговаривали друг с другом, негромко смеялись, иногда гримасничали. Поглядывали на сегодняшнего симпатичного дежурного бригадира Лиду Таликову, проходившую между столами.

Вот она остановилась у соседнего стола. Смуглый, *игривый* мальчик поднял на нее глаза. Она спросила у него:

– Филька, ты зачем книги притащил в столовую?

Он встал за столом, ответил:

– Так, очень нужно, я хотел правило повторить.

– Тебе лень после завтрака подняться в спальню за книгами?

Филька ничего не ответил, отвернулся, и выражение у него было такое: говорить она будет недолго, потерплю.

– Что это за манера отворачиваться?

Филька обиделся:

– Никакая вовсе манера, а что ж я буду говорить?

– Чтобы этого больше не было. Нельзя учебники носить в столовую. И отворачиваться нечего.

Филька облегченно вздохнул, поднял руку:

– Есть, книг не носить.

Когда Лида удалилась, все четыре стриженные головы сблизились, пошептали, потом одна оглянулась на Лиду, снова пошептали. Лида подошла к Игорю, они обернулись тоже к Игорю.

– Чернявин, ты сегодня выходишь на работу?

Игорь открыл рот. Гонтарь сказал строго:

– Встань.

Игорь поднялся.

– Не выхожу.

– У нас не хватает рабочих рук, ты об этом знаешь?

– Я не собираюсь быть столяром.

Лида пояснила ему ласково:

– А если на нас нападут враги, ты скажешь, я не собираюсь быть военным?

– Враги, это другое дело.

И тот самый Филька, который только что отвечал перед дежурной, сказал своему столу, но сказал очень громко, на всю столовую:

– Это другое дело! Он тогда под кровать залезет.

Лида строго посмотрела на Фильку. Он улыбнулся ей проказливо и радостно, как сестре.

– Значит, не выйдешь?

– Нет.

Лида что-то записала в блокнот и отошла.

После обеда Игорь читал книгу: нашел в тумбочке Санчо «Партизаны». В спальню вошел Бегунок, вытянулся у дверей.

– Товарищ Чернявин! ССК передал: в пять часов вечера совет бригадиров. Чтобы ты пришел. Отдуться тебе.

– Хорошо.

– Придешь или приводить надо?

Володя спросил серьезно, даже губами что-то проделывал от серьезности при слове «приводить».

– Приду.

– Ну смотри, в пять часов быть в совете.

Помолчали.

– Чего же ты не отвечаешь?

Игорь глянул на его серьезную, требовательную мордочку, вскочил, сказал со смехом:

– Есть, в пять часов быть в совете!

– То-то же! – строго сказал Володя и удалился.

28

После дождя

В четыре часа прошла гроза. По лесу била аккуратно, весело, как будто договор выполняла, колонию обходила ударами, поливала крупным, густым, сильным дождем. Пацаны в одних трусиках бегали под дождем и что-то кричали друг другу. Потом гроза ушла на город, над колонией остались домашние хозяйственные тучки и тихонько сеяли теплым дождиком. Пацаны *измокли* и побежали переодеваться. Более солидные люди, переждав ливень, быстро на носках перебежали от здания к зданию. У парадного входа, с винтовкой, аккуратноенькая, розовая Люба Ротштейн стоит над целой территорией сухих мешков, разостланных на полу, и сегодня пристает к каждому без разбора:

– Ноги!

– Богатов, ноги!

– Беленький, не забывай!

К пацанам, принявшим холодный душ, она относится с нескрываемым осуждением:

– Все равно не пушу.

– Да я вытер ноги, Люба!

– Все равно с тебя течет.

– Так что же мне, высыхать?

– Высыхай.

– Так это долго.

Но Люба не отвечает и сердито поглядывает в сторону. Пацан кричит кому-то в окно на втором этаже, тому, кого не видно и, может быть, даже в комнате нет, кричит долго,

– Колька! Колька! Колька!

Наконец кто-то выглядывает:

– Чего тебе?

– Полотенце брось.

Через минуту натертый докрасна пацан улыбается подобревшей Любе и пробегает в вестибюль.

В пять часов Володя проиграл «сбор бригадиров», посмотрел на дождик и ушел в здание.

К парадному входу прибел совершенно промокший, без шапки, в истоптанных ботинках, похуевший и побледневший Ваня Гальченко. Он остановился против входа и осторожно посмотрел на великолепную Любу.

– Ты откуда, мальчик?

– Я. Я пришел сюда...

– Вижу, что ты пришел, а не приехал. А кого тебе нужно?

– *Мне очень нужно. Меня примут в колонию?*

– Скорый ты какой. У тебя есть ордер?

– Какой ордер?

– Бумажка какая-нибудь есть?

– Бумажки нету.

– А как же? По чему тебя принимать?

– *Очень нужно!*

Ваня развел руками и пристально посмотрел на Любу. Люба улыбнулась.

– Чего ты на дожде мокнешь? Стань сюда... Только тебя не примут.

Ваня *очень грустный* вошел в вестибюль. Стал на мешках, засмотрелся на дождь. *По щекам его пробежало несколько слезинок.* Глянул на Любу, быстро рукавом вытер слезы.

В этот самый момент Игорь Чернявин стоял на середине в комнате совета бригадиров и «отдувался». Народу в комнате было много. На бесконечном диване сидели не только бригадиры, сидели еще и другие колонисты, всего человек сорок. Из восьмой бригады, кроме Нестеренко, были здесь Зорин, Гонтарь, Остапчин. Рядом с Зориным сидел большеглазый, черноволосый Марк Грингауз, секретарь комсомольской ячейки, и печально улыбался, может быть, думал о чем-то своем, а может быть, об Игоре Чернявине – разобрать было трудно. За столом ССК сидели Виктор Торский и Алексей Степанович. В дверях стояли пацаны и впереди всех Володя Бегунок. Все внимательно слушали Игоря, а Игорь говорил:

– Разве я не хочу работать? Я в сборочном цехе не хочу работать. Это, понимаете, мне не подходит. Чистить проножки, какой же смысл?

Он замолчал, внимательно провел взглядом по лицам сидящих. На лицах выражалось нетерпение и досада, это Игорю понравилось. Он улыбнулся и посмотрел на заведующего.

Лицо Захарова ничего не выражало. Над большой пепельницей он осторожно и пристально маленьким ножиком чинил карандаш.

– Дай слово, – сказал Гонтарь.

Виктор кивнул. Гонтарь встал, вытянул вперед правую руку:

– Черт его знает! Сколько их таких еще будет? Я живу в колонии пятый год, а их, таких барчуков, стояло в этой самой комнате человек, наверное, тридцать.

– Больше, – поправил кто-то.

– И каждый торочит одно и то же. Аж надоело. Он не собирается быть сборщиком. А что он умеет делать, спросите? Жрать и спать, больше ничего. Придет сюда, его, конечно, вымоют, а он станет на середину и сейчас же: я не буду сборщиком. А кем он будет? Угадайте, чем он будет. Дармоедом будет, так и видно. Я понимаю, один такой пришел, другой, третий. А то сколько! А мы уговариваем и уговариваем. А я предлагаю: содрать с него одежду, выдать его барахло, иди! Одного выставим, все будут знать.

Зырянский крикнул:

– Правильно!

Виктор остановил¹⁷²:

– Не перебивай. Возьмешь потом слово.

– Да никакого слова я не хочу. Стоит он того, чтобы еще слово брать? Он не хочет быть столяром, а мы все столяры? Почему мы должны его кормить, почему? Выставить, показать дорогу.

– Его нельзя выставить, пропадет, – спокойно сказал Нестеренко.

– И хорошо. И пускай пропадает.

В совете загудели сочувственно. Высокий, полудетский голос выделился:

– Прекратить разговоры и голосовать.

Игорь навел четкое ухо, надеялся услышать что-либо более к себе расположенное. Захаров все чинил свой карандаш. В голове Игоря промелькнуло: «А, пожалуй, выгонят». И стало вдруг непривычно тревожно.

На парадном входе Люба спросила грустного Ваню Гальченко:

– Ты где живешь?

– Я нигде *не живу*.

– Как это «нигде»? Вообще ты живешь или умер?

– Вообще? Вообще живу, а так нет.

– А ночуешь где?

– Вообще, да?

– Что у тебя за глупый разговор? Где ты сегодня спал?

– Ах, сегодня? Там... в одном доме... в сарае спал. А почему меня не примут?

– У нас мест нет, а мы тебя не знаем.

Ваня снова загрустил, и снова ему захотелось плакать.

29

Все, что хотите...

В совете бригадиров речь говорил Марк Грингауз. Он стоял не у своего места на диване, а подошел к письменному столику, опирался на него рукой. Захаров уже очинил карандаш и на листке бумаги что-то тщательно вырисовывал. Марк говорил медленно, тихо, каждое слово у него имело значение:

---

¹⁷² В оригинале «крикнул».

– Сколько раз уже здесь говорилось, и Алексей Степанович тоже подчеркивал, – как это так выгнать? Куда выгнать? На улицу? Разве мы имеем право? Мы не имеем такого права!

Марк большими черными глазами *с мягкой грустью* посмотрел на Зырянского. Зырянский ответил ему задорным взглядом, понимающим всю меру доброты оратора и отрицающим ее.

– Да, Алеша, не имеем права. Есть советский закон, а закону мы обязаны подчиняться. А закон говорит: выгонять на улицу нельзя. А вы, товарищи бригадиры, всегда кричите: выгнать!

– Выгонять нельзя, – Грингауз нажал голосом и головой, – а, конечно, мы не можем терпеть, потому что у нас социалистический сектор, а в социалистическом секторе все должны работать. Игорь говорит: буду работать в другом месте. Тоже допустить не можем: в социалистическом секторе должна быть дисциплина. Обойди у нас всю колонию, хоть одного найдешь, который сказал бы, хочу быть сборщиком? Все учатся, все понимают: дорог у нас много и дороги прекрасные. Тот хочет быть летчиком, тот геологом, тот военным, а сборщиком никто не собирается, и даже такой квалификации вообще нет. Никаких капризов колония допустить не может, а только и выгонять нельзя.

– В банку со спиртом... посадить!

Марк оглянулся на голос. Смотрел на него, покраснев до самого вихревого своего чубчика, Петька Кравчук. Покраснел, а все-таки смотрел в глаза, очень был недоволен речью Грингауза.

Витя Торский прикрикнул на Петьку:

– Ты чего перебиваешь? Залез сюда, так сиди тихо.

Марк, продолжая смотреть все-таки на Петьку, пояснил:

– Выгонять нельзя, но и оставлять его я не предлагаю. Если он не хочет подчиниться социалистической дисциплине, нужно его отправить.

Нестеренко добродушно смотрел мимо Марка:

– В какой же сектор ты его отправишь, Марк?

Громко засмеялись и бригадиры, и гости. Захаров поднял на Марка любовно-иронический взгляд.

Марк улыбнулся печально:

– Его нужно отправить куда-нибудь... в детский дом...

Петька Кравчук в этот момент испытал буйный прилив восторга.

Он высоко подскочил на диване, кого-то свалил в сторону и заорал очень громко, причем обнаружилось, что у него вовсе нет никакого баса:

– Я приветствую, я приветствую! Отправить его в наш детский сад... в этот детский сад, где пацаны... который для служащих!

Виктор Торский и сам хохотал вместе со всеми, но потом нахмурил брови:

– Петька, выходи!

– Почему?

– Выходи!

Салют, который отдал Петька, больше был похож на жест возмущения:

– Есть!

Петька *покраснел* и вышел. За ним *выскочил* Бегунок. Слышно было, как в коридоре они звонко заговорили и засмеялись. Захаров что-то рисовал на своей бумажке, глаза еле заметно шурились. Володя Бегунок выскочил на крыльцо и сразу увидел Ваню Гальченко.

– Ты пришел?

Ваня обрадовался:

– Пришел, а как дальше-то?

– Стой! Я сейчас!

Он бросился в вестибюль и немедленно возвратился:

– Ты есть хочешь?

– Есть. Ты знаешь... лучше... *если бы меня приняли.*

– Подожди, я сейчас.

Володя осторожно двинулся в комнату совета бригадиров. Игорь по-прежнему стоял на середине, и видно было, что стоять ему уже стыдно, стыдно оглядываться на присутствующих, стыдно выслушивать предложения, подобные Петькиному. И Виктору Торскому стало жаль Игоря.

– Ты присядь пока. Подвиньтесь там, ребята. Слово Воленко.

Бегунок поднял руку:

– Витя, разреши выйти дежурному бригадиру.

– Зачем?

– Очень нужно! Очень!

– Лида, выйди. В чет там дело?

Лида Таликова направилась к выходу, Володя выскочил раньше нее.

Воленко встал, был серьезен, *его рот по-прежнему показывал склонность к осуждению, но в самом голосе звучала у него симпатичная дружеская ласковость.*

– У Зырянского всегда так: чуть что, выгнать. Если бы его слушаться, так в колонии один бы Зырянский остался.

– Нет, почему? – сказал Зырянский. – Много есть хороших товарищей.

– Так что? Они сразу стали хорошими, что ли? Куда ты его выгонишь? Или отправишь? Это наше несчастье. Присылают к нам белоручек, а мы обязаны с ними возиться. Кто у вас шефом у Чернявина?

– Зорин.

– Так вот пускай Зорин и отвечает.

Многие недовольно загудели. Санчо вскочил с места.

– Ты добрый, Воленко! Вот возьми его в первую бригаду и возись!

Воленко снисходительно глянул на Зорина:

– Не по-товарищески говоришь, Санчо. У вас и так в восьмой бригаде собрались одни философы, а у меня посчитайте: Левитин, Ножик, Московиченко, этот самый Руслан. У меня четыре воспитанника, а вы сразу закричали – выгнать.

Игорь теперь сидел между Нестеренко и *изящным, тонким* бригадиром второй Поршневым. Ему и теплее становилось от *защитных* слов Воленко, и в то же время разыгрывалась неприятная внутренняя досада – что это они его рассматривают, как букашку. Залезла к ним в огород букашка, и они смотрят на нее, будет из нее толк или не будет. Вспоминают каких-то других букашек. Никто не хочет обратить внимание, что перед ними сидит Игорь Чернявин, а не какой-нибудь Ножик или Руслан, которые все-таки не решились отказаться от работы.

У главного входа Лида Таликова смотрит на Ваню, *мягко и нежно* сочувствует ему, но у нее сегодня душа дежурного бригадира, и эта душа заставляет ее говорить:

– Принять в колонию? А кто тебя знает? Может, ты все врешь.

Ваня из последних сил старался рассказать этой важной *и милой* девушке что-то особенное, но слова находились все одни и те же:

– Ничего нету... и денег нету... и ночевать негде. Я был в комонесе и был в споне... там тоже... ничего нету. Нету – и все!

– А родители?

– Родители? – Ваня вдруг заплакал. Плачет он беззвучно и не морщится при этом, просто из глаз льются слезы.

Володя дернул Лиду за рукав, сказал горячо:

– Лида! Ты понимаешь? Надо его принять!

Лида улыбнулась пылающим очам Бегунка:

– Ну!

– Честное слово! Ты подумай!

– Подожди здесь, – Лида быстро ушла в дом.

Бегунок поспешил за ней, но успел еще сказать:

– Ты не робей! Самое главное, не робей! Держи хвост трубой, понимаешь?

Ваня *доверчиво* кивнул. Собственно говоря, это он понимал, но хвост у него тоже отказывался держаться трубой.

В совете бригадиров говорил Алексей Степанович. По-прежнему в руках у него остро оцинченный карандаш. Говорил сурово, иногда поднимая взгляд на Игоря:

– Нельзя, Чернявин, в таких легких вопросах не разбираться. Ты пришел к нам, и мы тебе рады. Ты член нашей семьи. Ты не можешь теперь думать только о себе, ты должен думать и обо всех нас, обо всей колонии. В одиночку человек жить не может. Ты должен любить свой коллектив, познакомиться с ним, узнать его интересы, дорожить ими. Без этого не может быть настоящего человека. Конечно, тебе не нужно сейчас чистить проножки. Но это нужно для колонии, а значит, и для тебя нужно. Кроме того, и для тебя это важное дело. Попробуй выполнить норму: зачистить 160 проножек за четыре часа. Это большой труд, он требует воли, терпения, настойчивости, он требует благородства души. К вечеру у тебя будут болеть и руки и плечи, зато ты зачистишь 160 проножек на 120 театральных мест. Это важное советское дело. Раньше наш народ только в столицах ходил в театр, а сейчас мы выпускаем в месяц тысячу мест, и все не хватает, а разве мы одни делаем? Какое мы важное дело делаем! Каждый месяц по всему Союзу мы ставим тысячу мест. Мы отправляем наши кресла целыми вагонами в Москву, в Одессу, в Астрахань, в Воронеж. Приходят люди, садятся в эти кресла, смотрят пьесу или фильм, слушают лекцию, учатся. А ты говоришь, тебе это не нужно. Нам же за эту работу еще и деньги платят. За эти деньги через год или два мы построим новый завод, тоже необходимый и для нас, и для всей страны. Тебя здесь противно слушать: «Я не собираюсь быть сборщиком». С нашей помощью, как член нашего коллектива, ты будешь тем, чем ты захочешь. *В одиночку ты можешь быть только врагом советского общества.* А проножка – это мелочь. Когда у людей нет мяса, они едят ржаной хлеб и должны быть благодарны этому хлебу.

Игорь слушал внимательно. Ему нравилось, как говорил Захаров, *в каждом его слове говорила душа, душа простая, мужественная и суровая...* Игорь представлял себе всю страну, по которой разбросаны проножки, это ему тоже нравилось. Игорь видел, как, затаив дыхание, слушали колонисты, которым, очевидно, не часто приходилось слышать речи Захарова. И сейчас было ясно видно, почему все колонисты составляют один коллектив, почему слово Захарова для них дорого.

В дверях стояли Лида и Бегунок. Захаров кончил говорить, посмотрел на кончик своего карандаша – и только теперь улыбнулся.

– Лида, чем ты так встревожена?

– Алексей Степанович! Мальчик там плачет, просится в колонию.

– Можно оставить переночевать, а в колонию некуда. Отправим куда-нибудь.

– Хороший такой мальчик.

Захаров еще раз улыбнулся волнению Лиды и крикнул:

– Эх! Ну... давай сюда его.

Лида вышла, Володя вылетел вихрем. Виктор Торский вкось повел строгим всевидящим глазом:

– Говори, Чернявин, последнее слово. Только не говори глупостей. Выходи на середину и говори.

Игорь вышел, приложил руку к груди:

– Товарищи!

Он глянул на лица. Ничего не понятно, просто ждут.

– Товарищи! Я не лентяй. Вы привыкли, вам легче. А тут рашпиль, первый раз вижу, он падает, проножки...

Зорин подсказал дальше:

– Мухи!

Все засмеялись, но как-то нехотя.

– Не мухи, а какие-то звери летают...

Зорин закончил:

– И рычат.

Под общий смех, но уже не такой прохладный, открылась дверь, и Лида пропустила вперед Ваню Гальченко. И все еще продолжая смеяться, взглянул на него Игорь. Оглянулся и вдруг, вытаращив глаза, *совсем по другому, чем говорил все время*, закричал горячо и радостно:

– Да это же Ванюша! Друг!

– Игорь! – со стоном сказал Ваня и точно захлебнулся.

Игорь уже тормозил его:

– Где ты пропал?

Виктор загремел возмущенно:

– Чернявин, к порядку! Забыл, что ли?

Игорь повернул к нему лицо, все вспомнил и с разгона, протягивая руки, обратился к совету:

– Ах, да! Милорды!

Он сказал это слово так горячо, с такой душевной тревогой, с такой любовью, что все не выдержали, снова засмеялись, но глаза сейчас смотрели на Игоря с живым и теплым интересом, и не было уже в них ни капельки отчужденности.

– Товарищи! Все, что хотите! Проножки? Хорошо! Алексей Степанович! *Берите меня с потрохами, со всем*, делайте что хотите! Только примите этого пацана!

– А мухи?

– Черт с ними! Пожалуйста!

Виктор кивнул на старое место:

– Сядь пока, посиди.

30

Славная, непобедимая, четвертая бригада

Виктор спросил:

– Тебе что нужно?

Ваня *серьезными, большими, серыми глазами* осмотрел всех, и ему все *сразу* понравилось, *но* такой знакомой *и родной* была длинная улыбка Игоря, так тепло ощущалось соседство Володи Бегунка и девушки в красной повязке, *что* Ваня не затруднился с ответом:

– Чего мне нужно? Я, знаете, что? Я буду здесь жить.

– Это еще посмотрим, будешь или нет.

Но Ваня был уверен в своем будущем:

– *Нет, я буду здесь жить. Понимаете, я уже целый месяц все сюда иду и иду.*

– Ты беспризорный?

– Нет... я еще не был беспризорным.

– Как тебя зовут?

– Ваня Гальченко.

– Родители у тебя есть?

Ваня на этот вопрос не ответил, а только головой завертел, не отрываясь от Виктора взглядом.

– Нету, значит, родителей?

– Они... они были, только взяли и уехали.

– Отец и мать? Уехали?

– Нет, не отец и мать.

– Разбери себя. Рассказывай по порядку.

– По порядку? Отец и мать умерли, давно, *когда* еще была война, тогда отец пошел на войну, а мать умерла.

– Значит, родители умерли?

– Одни умерли, а потом были другие. Там... дядя был такой, и он меня взял, и я жил, а потом он женился, и они уехали.

– Бросили тебя?

– Нет, не бросили. А сказали: походи на станцию, купи один фунт баранины. Я пошел и все ходил, а баранины нигде нету. А они взяли и уехали.

– Ты пришел домой, а их нет?

– Нет. Ничего нет. И родителей нету, и вещей нету. Ничего нету. А там жил хозяин такой, так он сказал: ищи ветра в поле.

– А потом?

– А потом я сделал ящик и ботинки чистил. И поехал в город.

– Та-ак, – протянул Виктор. – Как скажете, товарищи бригадиры?

Сказал Нестеренко:

– Пацан добрый, да и куда же ему деваться? Надо принять.

Кто-то несмело:

– Но у нас же мест нет?

Володя стоял у дверей:

– Вот я скажу, Торский!

– Говори.

– Мы с ним вместе будем. Вместе! На одной кровати.

Зырянский перед этим долго рассматривал Ваню, а теперь одобрительно притянул его к себе:

– Правильно, Володька, давайте его в четвертую бригаду.

Игорь встал:

– А я прошу, если можно, в восьмую. Я тоже могу уступить пятьдесят процентов жил-площади.

Володя обиженно закивал на Игоря головой:

– Смотри ты какой! Ты еще сам новенький! В восьмую! А твой бригадир молчит! А ты за бригадира?

Виктор на Володьку прикрикнул:

– Володька, это что за разговоры!

Володя отошел к дверям, но на Игоря смотрел сердитым, темным глазом, и полные губы его шевелились, продолжая что-то шептать, видно, по адресу Игоря.

Из бригадиров коротко высказывалось несколько человек, каждый не больше, как в десяти словах:

– Пока еще не разбаловался, нужно взять.

– Мальчишка правильный, сразу видно. Берем.

– Это хорошо. Он еще не познакомился с разными там тетями, так из него человек будет. А нам отгонять его от колонии, рука ни у кого не повернется.

Клава Каширина недовольно сказала:

– И чего вы все одно и то же? Конечно, нужно принять, а только пускай Алексей Степанович скажет, как там по правилам выходит.

Ее поддержали, обернулись к Захарову, но Володя Бегунок предупредил слово заведующего:

– Вот по стойте! Вот по стойте! Вот я расскажу. Алексей Степанович, помните, в прошлом году пришел такой пацан, да этот, как же, Синичка Гришка, он у тебя в десятой бригаде, Илюша. А его тогда не хотели принимать. Сказали: места нету и закона такого нету. И не приняли. А он две недели в лесу жил. И опять пришел. И опять его не приняли. Сказали: почему такое нахальство, его не принимают, а он в лесу живет. И взяли его и повезли в город, в спон, еще ты возил, помнишь, Нестеренко?

– Возил, – Нестеренко улыбнулся и покраснел.

– Возил, а он от тебя из трамвая убежал. Помнишь, Нестеренко?

– Да отстань, помню.

– Убежал и начал опять в лесу жить. А потом вы, Алексей Степанович, взяли и сказали: черт с ним, давайте его возьмем. И еще тогда все смеялись.

И видно было, что тогда все смеялись, потому что и теперь по лицам заходили улыбки. А только нашелся голос и против Володькиной сентенции. Голос принадлежал бригадиру третьей, некрасивому, сумрачному Брацану:

– Много у нас воли дали таким, как Володька. Он трубач, с дежурством шляется целый день, так теперь уже и речи стал говорить на совете бригадиров. По-твоему, всех принимать? Ты знаешь, какая у нас колония?

– Знаю... Правонарушительская?

– Такая она и есть.

– И вовсе ничего подобного.

Виктор прекратил прения:

– Довольно вам!

Но Воленко считал, что вопрос поднят важный:

– Нет, Виктор, почему довольно? Брацану нужно ответить.

– Ты ответишь?

– Надо ответить. Брацан давно погибает.

– Чего погибаю?

– Говори, Воленко.

– И скажу. Ты, Брацан, так считаешь: правонарушитель – человек, а все остальные – шпана. Я не знаю, кто ты такой, правонарушитель или нет, и знать не хочу. Я знаю, что ты хороший товарищ и комсомолец. Ты что? Гордишься, что под судом был? В твоей бригаде Голотовский не был под судом, а я Голотовскому все равно не верю. И вы ему не верите: скоро год, как в третьей бригаде, а до сих пор не колонист.

Воленко кончил речь, но, видно, Брацана не убедил. Брацан, по-прежнему сердитый, сидел на своем месте.

– Слово Алексею Степановичу.

– Ты, Филипп, нехорошо сделал, напрасно этот вопрос зацепил. Правонарушители – это дети, которым прежде всего нужна помощь. Советская власть так на них и смотрит. И правонарушителям этим гордиться нечем, разве можно гордиться несчастьем! И вот пришел мальчик. У него тоже несчастье, и ему тоже нужно помочь.

– А почему нашу колонию приспособили?

– Потому что вы в колонии прекрасно работаете и прекрасно живете. Теперь в споне кричат: «Это наша колония!» И в комонесе кричат: «Это наша колония!» А если бы наша

колония была плохая, так кричали бы на другое: «Это ваша колония!» А на самом деле эта колония...

Петька Кравчук, стоящий возле дверей, закричал:

– Наша!!

Покрывая общий смех, Виктор возмутился:

– Ну что ты скажешь! Он опять здесь! Вопрос выяснен. Голосую: кто за то, чтобы принять Ваню Гальченко в четвертую бригаду?

Душа у Вани Гальченко *счастливо* замерла, когда поднялись руки. Только один его глаз покосился на Брацана, и поразился: Брацан улыбался ему, и лицо у него было красивое и вовсе не сумрачное.

– Единогласно. Алешка, бери его. Стойте, чего загалдели? С Чернявиным, значит, остается по-старому – сборочный цех. А кроме того, он слово дал. Закрываю совет бригадиров.

Вечером в спальне четвертой бригады было весело. Алеша Зырянский поставил Ваню между коленями, расспрашивал, шутил, пугал. Потом все уселись за стол и выслушали рассказ Алешки о том, какая славная, непобедимая, боевая существует на свете четвертая бригада трудовой колонии имени Первого мая и какие в ней замечательные пацаны! Этот самый Алеша Зырянский, которого боялась вся колония, в дежурство которого все вставали на полчаса раньше, чтобы лучше подготовиться к поверке, сейчас сверкал глазами, с трудом сдерживал улыбку и откровенно рассыпал восторженные слова о четвертой бригаде.

– Не бригада, а просто пирожное! А пацаны у нас какие, Ванька! Ой, и пацаны ж, не знаю даже, кто лучше, даром что у нас самые малые собрались. На кого ни посмотри: вот тебе Тоська Таликов, ты на него только глянь: вот будет бригадир, да у него уже и сейчас сестра бригадиром одиннадцатой. А Бегунок! А Филька Шарий! А Кирюшка Новак! А Федька и Колька Ивановы! И Семен Гайдовский, и Семен Гладун! И еще Петька Кравчук!

– *Петька Кравчук? – закричал Ваня.*

– *Знаешь?*

– *Я брата твоего видел... на станции.*

– *У него и брат замечательный, красноармеец! Да ты посмотри, какие богатыри!*

На Ваню смотрели разные лица: то смуглые, то румяные, то красивые, то не очень красивые, то открыто доверчивые, то доверчивые с иронией, то веселые, то забавно-серьезные, то нахмуренные просто, то нахмуренные через силу, но все одинаково счастливые, гордые своей бригадой и бригадиром, довольные, что живут они на советском свете с честью и умеют за эту честь постоять. Потом Алеша сказал, что он будет перечислять недостатки. Алеша заявил, что он скажет только по одному недостатку на каждого, но зато этот недостаток очень важный. И сказал, что Володька важничает, Петька Кравчук задается, *что* он там где-то был дезорганизатором, Кирюшка думает, что он самый красивый, Гайдовский думает... одним словом, недостатки у всех были одинаковые: все воображали, думали и задавались. Алеша закончил:

– Никогда не нужно себя хвалить, потому что это очень глупо и для четвертой бригады не подходит. Лучше я вас похвалю, когда придется к слову. Дежурный по бригаде!

Володя выскочил из-за стола и вытянулся перед бригадиром:

– Есть, дежурный по бригаде!

– Барахло Ванюшино!

– Есть, Ванькино барахло!

Володя торжественно поднес:

– Получи, Гальченко! Вот трусики, голошейка, тубетейка. А это мыло. А это пояс. А это простыни, а это полотенце. А школьный костюм завтра. Идем! Там душ горячий. А кто будет Ванькиным шефом?

– Ты и буешь шефом.

- Есть! Алеша, дай машинку, мы его сейчас... – Володя показал пальцами.
В дверь заглянул Игорь Чернявин.
– К вам в гости можно?
– Можно.
– Хотя ты меня и собирался выгнать, я на тебя не обижаюсь.
– У нас нет такой моды – обижаться.
Ваня воззрился на Игоря:
– Выгнать? Не может быть?¹⁷³
– Он большой барин. А может, наследство от кого получил.
Ваня захохотал:
– От бабушки? Да?
Игорь поднял Ваню на руках:
– Смотри, Ваня! А скажи, где твой ящик?
Он поставил его на пол.
– А тот украл... Рыжиков. И десять рублей.
– А Ванда?
– Не знаю.
Володя нетерпеливо дернул Ваню за рукав.
– Идем!
Мальчики побежали по коридору. Зырянский улыбнулся Игорю:
– Не обижайся, Игорь. Это называется: горячая обработка металлов.

---

¹⁷³ Редакторская правка «За что?»

Часть вторая

1

Не может быть!¹⁷⁴

Колония им. Первого мая заканчивала седьмой год своего существования, но коллектив, собравшийся в ней, был гораздо старше. Его история начиналась довольно давно, на второй день после Октября, в другом месте, в совершенно ином антураже, среди полей и хуторов старой полтавской степи. «Основателями» этого коллектива были люди ярких характеров и рискованной удачи. Они принесли с собой «с воли» много беспорядочной страсти и горячего фасона, все это было у них черномазое... собственно говоря, негодное к употреблению, ибо было испорчено орнаментами культуры, так сказать, капиталистической, с маленьким креном в уголовщину.

Небольшая группа педагогов, людей обыкновенных и добродушных, по случайной раскладке заняла этот скромный участок революционного фронта. Во главе группы был Захаров, человек тоже обыкновенный. Необыкновенным и ошеломляющим в этом зачине было одно: Октябрьская революция и новые горизонты мира. И поэтому Захарову и его друзьям задача казалась ясной: воспитать нового человека! В первые же дни выяснилось, что дело это очень трудное и длинное. Тысячи дней и ночей – без передышки, без успокоения, без радости – пришлось пережить Захарову, но и после этого до нового человека оставалось еще очень далеко. К счастью, Захаров обладал талантом, довольно распространенным на восточной равнине Европы, – талантом оптимизма, прекрасного порыва в будущее. В сущности, это даже и не талант. Это особое, чисто интеллектуальное богатство русского человека, человека со здоровой башкой и зорким глазом, умеющего различать ценности. До Октябрьской революции этим богатством души и веры спекулировали хозяева жизни, обращая веру в доверчивость, а оптимизм в беззаботность, расценивая эти качества как особые атрибуты замечательного «русского» прекраснодушия. И народная вера в разум, в цену ценностей, в истину и правду, в общем, была выведена за границы практической жизни, в область легенд, сказаний и анекдотов, приуроченных для развлечения. Оптимистической силе русского народа потом приделали тульской работы ярлычок и написали на нем с самоуничижительным юмором: «Авось, небось и как-нибудь». И осталось для оптимизма прилично нищенское место, над которым можно было и посмеяться с европейским высокомерием, и поплакать с русской тоской.

В порядке не то высокомерия, не то тоски поставили на этом самом месте беломраморный дворянский памятник и написали на нем вдохновенные слова поэта¹⁷⁵:

Не поймет и не заметит
Гордый взор иноплеменный,
Что сквозит и тайно светит
В наготе твоей смиренной.

Удрученный ношей крестной,

---

¹⁷⁴ А. С. Макаренко написал первую главу «Не может быть!» (вариант названия – «Глава ретроспективная») по просьбе редактора специально для отдельного издания «Флагов на башнях».

¹⁷⁵ Стихотворение Ф. И. Тютчева (1803–1873) «Эти бедные селенья...».

Всю тебя, земля родная,
В рабском виде царь небесный
Исходил, благословляя.

Это и все, что осталось от великолепного русского оптимизма к началу двадцатого века: наивность и умиление. Ибо только безгранично наивный человек не мог понять, что светит в смиренной нагоде. Люди более практические ухмылялись в бороды: русский человек ограблен был весьма успешно, а по оптимизму своему даже и не обижался. И только в 1917 г. неожиданное обнаружилось, что народный оптимизм есть нечто гораздо более сильное и гораздо менее безобидное. Без всякого расчета на «авось» и «как-нибудь», чрезвычайно основательно, с настоящей деловитостью, русский народ выгнал старомодных эстетов «за Черное море», и очистилось место для новой эстетики и для нового оптимизма. Вероятно, в Западной Европе и до сих пор еще не могут понять, откуда у нас взялись простота и уверенность действия? Советский человек показал себя не только в пафосе загоревшихся глаз, не только в усилении волевого взрыва, но и в терпеливых ежедневных напряжениях, в той черной, невидной работе, когда будущее начинает просвечивать в самых неуловимых и тонких явлениях, настолько нежных, что заметить их может только тот, кто стоит у их источника, кто не отходит от них ни помышлением, ни физически. После многих дней и ночей, после самых бедственных разочарований и срывов, отчаяния и слабости наступает праздник: видны уже не мелочи и детали, а целые постройки, пролеты великолепного здания, до сих пор жившие только в оптимистической мечте. На таком празднике самое радостное заключается в логическом торжестве: оказывается, что иначе и быть не могло, что все предвидения рассчитаны были точно, основаны на знании, на ощущении действительных ценностей. И был вовсе не оптимизм, а реалистическая уверенность, а оптимизмом она называлась из застенчивости.

И Захаров прошел такой тяжелый путь – путь оптимиста. Новое рождалось в густом экстракте старого: старых бедствий, зависти, озлобления – толкотни и тесноты человеческой и еще более опасных вещей: старой воли, старых привычек и старых образцов счастья. Старого обнаружилось очень много, и оно не хотело умирать мирно, оно топорщилось, становилось на пути, наряжалось в новые одежды и новые слова, лезло под руки и под ноги, говорило речи и сочиняло законы воспитания. Старое умело даже писать статьи, в которых становилось на защиту советской педагогики.

Было время, когда это старое в самых новых выражениях куражилось и издевалось над работой Захарова и тут же требовало от него чудес и подвижничества. Старое ставило перед ним сказочно глупые загадки, формулируя их в научно-нежных словах, а когда он совсем не по-сказочному изнемогал, старое показывало на него пальцами и кричало:

– Он потерпел неудачу!

Но пока происходили все эти недоразумения, протекали годы. Было уже много нового, над чем хорошо следовало задуматься. Со всех сторон, от всех событий в стране, от каждой печатной строки, от всего чудесного советского роста, от каждого живого советского человека приходили в колонию идеи, требования, нормы и измерители.

Да, все пришлось иначе назвать и определить, новой мерой измерить. Десятки и сотни мальчиков и девочек вовсе не были дикими зверенышами, не были они и биологическими индивидами. Захаров теперь знал их силы и поэтому мог без страха стоять перед ними с большим политическим требованием:

– Будьте настоящими людьми!

Они с молодым, благородным талантом принимали эти требования и хорошо знали, что в этом требовании больше уважения и доверия к ним, чем в любом «педагогическом подходе». Новая педагогика рождалась не в мучительных судорогах кабинетного ума, а в живых движениях людей, в традициях и реакциях реального коллектива, в новых формах

дружбы и дисциплины. Эта педагогика рождалась на всей территории Союза, но не везде нашлись терпение и настойчивость, чтобы собрать ее первые плоды.

Старое крепко держалось на Земле, и Захаров то и дело сбрасывал с себя отжившие предрассудки. Только недавно он сам освободился от самого главного «педагогического порока»: убеждения, что дети есть только объект воспитания. Нет, дети – это живые жизни, и жизни прекрасные, и поэтому нужно относиться к ним, как к товарищам и гражданам, нужно видеть и уважать их права и обязанности, право на радость и обязанность ответственности. И тогда Захаров предъявил к ним последнее требование: никаких срывов, ни одного дня разложения, ни одного момента растерянности! Они с улыбками встречали его строгий взгляд: в их расчеты тоже не входило разложение.

Наступили годы, когда Захарову уже не нужно было нервничать и с тревогой просыпаться по утрам. Коллектив жил напряженной трудовой жизнью, но в его жилах пульсировала новая, социалистическая кровь, имеющая способность убивать вредоносные бактерии старого в первые моменты их зарождения.

В колонии перестали бояться новеньких, и Захаров потушил в себе последние остатки уважения к эволюционной постепенности. Однажды летом он произвел опыт, в успехе которого не сомневался. В два дня он принял в колонию пятьдесят новых ребят. Собрали их прямо на вокзале, стащили с крыш вагонов, поймали между товарными составами. Сначала они протестовали и «выражались», но специально выделенный «штаб» из старых колонистов привел их в порядок и заставил спокойно ожидать событий. Это были классические фигуры в клифтах¹⁷⁶, все они казались брюнетами, и пахло от них всеми запахами «социальной запущенности». Ближайшее будущее представлялось им в тонах пессимистических, дело было летом, а летом они привыкли путешествовать – единственное качество, которое сближало их с английскими лордами. То, что произошло дальше, Захаров называл «методом взрыва», а колонисты определяли проще: «Пой с нами, крошка!»

Колония встретила новеньких на вокзальной площади, окруженная тысячами зрителей, встретила блестящим парадом, строгими линиями развернутого строя, шелестом знамен и громом салюта «новым товарищам». Польщенные и застенчивые, придерживая руками беспомощные полы клифтов, новенькие заняли назначенное для них место между третьим и четвертым взводами.

Колония прошла через город. На привычном фоне первомайцев новенькие и на себя и на других произвели сильное впечатление. На тротуарах роняли слезы женщины и корреспонденты газет.

Дома, после бани и стрижки, одетые в форменное платье, румяные, смущенные до глубин своей души и общим вниманием, и увлекательной придирчивостью дисциплины, новенькие подверглись еще одному взрыву. На асфальтовой площадке, среди цветников были сложены в большой куче их «костюмы для путешествий». Политое из бутылки керосином, «барахло» это горело буйным, дымным костром, а потом пришел Миша Гонтарь с веником и ведром и начисто смел жирный мохнатый пепел, подмаргивая хитро ближайшему новенькому:

– Вся твоя биография сгорела!

Старые колонисты хохотали над Мишиным неповоротливым остроумием, а новенькие оглядывались виновато: было уже неловко.

После этой огневой церемонии начались будни, в которых было все что угодно, но почти не было пресловутой перековки: новенькие не затрудняли ни коллектив, ни Захарова.

Захаров понимал, что здоровая жизнь детского коллектив законно и необходимо вытекает из всей советской действительности. Но другим это не казалось таким же законным

---

¹⁷⁶ Клифт – (жаргон.) куртка, пиджак.

явлением. Захаров теперь мог утверждать, что воспитание нового человека – дело счастливое и сильное для педагогики. Кроме того, он утверждал, что «испорченный ребенок» – фетиш педагогов – неудачников. Вообще он теперь многое мог утверждать, и это больше всего раздражало любителей старого.

Старое – страшно живущая вещь. Старое пролезает во все щели нашей жизни и очень часто настолько осторожно, умненько выглядывает из этих щелей, что не всякий его заметит. Нет такого положения, к которому старое не сумело бы приспособиться. Казалось бы, что может быть священнее детской радости и детского роста? И все это утверждают, и все исповедуют, но...

Приезжает в колонию человек, ходит, смотрит, достает блокнот и еще не успел вопрос поставить, а глаза его уже увлажняются в предчувствии романтических переживаний.

– Ну... как?

– Что вам угодно?

– Как вы... вот... с ними... управляетесь?

– Ничего... управляемся.

– Э... э... расскажите какой-нибудь случай... такой, знаете, потруднее.

Захаров с тоской ищет портсигар:

– Да зачем вам?

– Очень важно, очень важно. Мы понимаем... перековка... конечно, они теперь исправились, но... воображаю: как вам трудно!

– Перековка...

– Да, да! Пожалуйста, какой-нибудь яркий случай. И, если можно, снимок... Как жаль, что у вас нет... до перековки.

Захаров роется в памяти. Что-то такое очень давно, действительно, было... вроде перековки. Он смотрит на любопытного романтика и про себя соображает: как легче отделаться – доказывать ли посетителю, что никакой перековки не нужно, или просто соврать и рассказать какой-нибудь анекдот. Второе, собственно говоря, гораздо легче.

В подобных недоразумениях было для Захарова много трагического. А еще трагичнее вышло, когда приехали к нему приятели из Наркомпроса.

Они видели людей, машины, цветы, рассмотрели цифры и сводки. Вежливо шурились на предметы реальные и вежливо мычали над бумагой. Захаров видел по их лицам, что они просто ничему не поверили.

– Это беспризорные?

– Нет, это колонисты.

Володя Бегунок на диване неслышно хихикнул.

– А... вот этот мальчик! Был беспризорный?

Володя встал, бросил на Захарова секретный, дружеский взгляд:

– Я колонист четвертой бригады.

– Но... раньше, раньше ты был беспризорным?

Почему-то Володе стало неудержимо смешно, он быстро посмеялся в угол дивана.

Отвечать все же нужно:

– Я... забыл.

– Как это забыл? Забыл, что ты был беспризорным?

– Угу...

– Не может быть!

– Честное слово!

Володя сказал это с искренней убедительностью, но им показалось, что мальчик над ними издевается, и это было вполне возможно, если принять во внимание, что здесь все в чем-то сговорились.

Прятели уехали расстроенные. Редко им приходилось встречать такой единодушный разговор. А разве в таком случае можно установить, где правда, а где очковтирательство. Во всяком случае, у Захарова чересчур уж благополучно.

– Не может быть!

– И если даже так, где же борьба? Где же сама педагогика? И где, наконец, беспризорные? Откуда он набрал этих детей?

У этих людей никогда не было оптимизма.

2

Ваня¹⁷⁷

Только один месяц прошел после совета бригадиров, памятного для Вани на всю жизнь. Над колонией стоял июль – жаркий, солнечный, *полный радостей и впечатлений мальчишеской жадности и летней свободы*. Школьный костюм Вани лежал в тумбочке. Бригадир четвертой никому не разрешал надевать школьных костюмов.

– Вам, пацанам, только и погулять теперь в трусиках, вроде как солнечная ванна... – говорил он.

И Ваня и другие члены четвертой бригады ходили в трусиках и голошейках, а в парадных случаях добавочно к трусикам наряжались в просторную, блестяще отглаженную «парусовку», одежду полноценную, с рукавами, воротником и карманом на груди. На ноги при этом надевались голубые носки и «спортсменки», а на голову – золотая тюбетейка. В этом костюме пацаны имели вид *настолько* великолепный, *что в приказе по колонии было даже объявлено: считать этот костюм для малышей летним парадным*.

Обыкновенно же малыши даже голошейкой пренебрегали и в свободное время гуляли во дворе и по лесу в одних трусиках; даже птицы привыкли к их черным, блестящим телам и спокойно занимались своими делами в их присутствии.

Ваня быстро входил в колонистскую жизнь, все ему нравилось в ней и все ему было по плечу. Он отказался от своего законного права погулять два дня и на второй день после приема пошел работать в литейных цех шпильником. Литейный цех помещался в старом каменном сарае. В одном углу здесь стоял литейный барабан, в другом – работали шпильники. Литейный цех отливал из меди масленки. Ване нравилось, что они важно назывались «масленки Штауфера». Нравилось Ване и то, что масленки Штауфера были очень нужны для разных заводов – без них ни один станок не мог работать: так, по крайней мере, утверждала вся четвертая бригада. Ваня нарочно выбегал смотреть, как полная подвода, нагруженная небольшими ящиками, отправлялась на вокзал. В ящиках лежали масленки, никелированные, совсем готовые, завернутые в бумагу.

Масленки были разных размеров, от двадцати до восьмидесяти миллиметров в диаметре, таких же размеров делались и шишки. С первого же дня Ваня *с счастливым трепетом* стал входить в работу. Конечно, техника ему давалась не сразу. Бывало, что шишка развалится у него в руках, когда, проткнув ее песчаное тело тонкой проволокой, он укладывал шишки на фанерный лист, чтобы отправить их в сушилку. Но уже через неделю он научился деревянным молотком придавать шишке определенную плотность в форме, научился сообщать песку необходимую влажность, осторожно вынимать шишку из формы и протыкать проволокой и если еще не умел делать ста шишек за четыре часа, то шестьдесят выходило у него *совершенно* свободно. Соломон Давидович платил ребятам по копейке за каждую шишку: Филька, Кирюшка и Петька говорили, что это очень мало.

---

¹⁷⁷ В первом варианте глава называлась «Жизнь прекрасна».

Работа на шишках была особенно приятна Ване потому, что с каждым днем он догонял Фильку, который делал за четыре часа работы сто двадцать штук, причем шишки у него никогда не разваливались.

Но *отнюдь* не одни шишки владели Ваниной душой. Каждый день приносил что-либо новое. Перед каждым днем он останавливался *с глазами, широко открытыми, даже чуть-чуть задыхаясь* от силы новых впечатлений, оглядывался на новых друзей и требовал от них разъяснений.

Например, оркестр. Все пацаны четвертой бригады преклонялись перед оркестром, многое о нем рассказывали, умели напевать «Марш милитэр» и марш из «Кармен», а «Смену караула» напевали на такие слова:

Папа римский вот-вот-вот
Собирается в поход.
Видно, шляпа – этот папа —
Ожидаем третий год.

А после этого следовало тарараканье, очень сложное и красивое. Но в настоящих тайнах оркестра разбирались немногие: Володя Бегунок, Петька Кравчук и Филька Шарий, потому что Володя играл на второй трубе, Петька на пиколке¹⁷⁸, а Филька был самый высокий класс – первый корнет. Ване тоже *жадно* захотелось играть на чем-нибудь, но приходилось ожидать, пока он получит звание колониста: воспитанников в оркестр не принимали. А пока наступит этот счастливый момент, Ваня не пропускал ни одной сыгровки. Услышав сигнал «сбор оркестра», он первым приходил в тот класс, где оркестр обыкновенно собирался. В первые дни дежурные по оркестру старались его «выставить», но потом к нему привыкли, так уже и считали, что Ваня Гальченко – будущий музыкант. В оркестре Ване все нравилось: и блестящий белый хор инструментов – с серебром, как уверял Володя Бегунок, – целых тридцать штук, и восемь черных кларнетов, и хитрые завитки тромбонов, и пульта, и строгость полного, веселого старика-дирижера Виктора Денисовича, его язвительные замечания.

– Ты был в цирке? – обращается Виктор Денисович к «эсному басу»¹⁷⁹ Данилу Горовому, после очередного недоразумения с си-бемоль.

– Был, – отвечает Горовой и краснеет.

– Был? Видел – морской лев на трубе играет?

Данило Горовой, массивный, с могучей шеей, славный кузнец колонии, молча облизывает огромный мундштук своего баса. Виктор Денисович сердито смотрит на Горового; подняв лица от своих мундштуков, смотрят на Горового и все сорок музыкантов. Виктор Денисович продолжает:

– Так это же морской лев! Морской лев, а как играет!

Горовой подымает недовольный взгляд на дирижера. Известно всей колонии, что он не отличается остроумием, но не может он молчать сейчас, не может оставить без возражения обидного намека на морского льва. Морской лев – у него даже ног нету, а голова собачья. И Горовой с пренебрежением отводит глаза от дирижера и говорит тихо:

– Как он там играет!

После этого радостно заливаются смехом и музыканты, и Виктор Денисович, и Ваня Гальченко, и сам Данило Горовой. Чей-то голос прибавляет к смеху одинокую реплику:

– Морской лев си-бемоль тоже не возьмет, Виктор Денисович!

---

¹⁷⁸ Пиколка – небольшой музыкальный инструмент (пиколо), высокий по звучанию.

¹⁷⁹ «Эсный бас» – инструмент (Es) с настроен си-бемоль.

Но Виктор Денисович уже серьезен. Он холодно смотрит через головы оркестра, стучит тоненькой палочкой по пультам:

– Четвертый номер. Тромбоны, не кричите! Раз... два!

Ваня замирает рядом с малым барабаном, в его уши вливается прекрасная сложная музыка. Но оркестр притягивает его не только музыкой. В колонии говорили, что оркестр, существуя пять лет, ни разу не отдувался на общем собрании. Старшиной оркестра ходил Жан Гриф, высокий, черноглазый, *красивый* юноша из девятой бригады. Ваня и смотреть на него остерегался, а не то разговаривать... Если же смотрел, так только тогда, когда Жан выделял какое-нибудь соло на своем коротеньком корнете, и ничего, кроме нот и палочки дирижера, не видел.

Но и оркестр не поглощал целиком душу Вани Гальченко. Замирала его душа и на физкультурной площадке. С таким же почтением, *как и на Жан Грифа*, смотрел он на Перлова, у которого голова всегда победоносно забинтована: о нем гремит слава отчаянного форварда. Затаив дыхание, Ваня слушал рассказы о величественных матчах волейболистов. Славилась и городошники. Их капитан Круксов говорил:

– В нашей команде «письмо» выбивают с одного удара.

– Ну, это врешь, положим, «письмо» не выбьют.

– Выбиваем. Как «не выбьют»? А про «аэроплан» и говорить нечего. У наших пацанов хоть и не сильный удар, а зато как повернет, каждым концом зацепит.

А в коридоре главного здания висел еще и ребусник. Ваня подолгу останавливался перед ним, прочитывал сотни его потрясающих вопросов, картин, загадок, чертежей, труднейших математических формул. Нарисованное окно, в окно смотрит девочка, а внизу вопрос:

– Сколько этой девочке лет?

Потом еще вопрос: где можно построить такую избу, чтобы все ее четыре стены смотрели на юг? И тут же нарисована симпатичная избушка, а на ней флаг.

За спиной Вити стоит Семен Гайдовский, он человек серьезный:

– Это пятая серия, она теперь так висит – для красоты; уже решили и уже премии получили. А когда будет осень, Петр Васильевич повесит новую. Я в прошлую зиму четыре тысячи очков заработал на ребуснике.

Познакомился Ваня и с Петром Васильевичем, фамилия у которого была странная: Маленький. А на самом деле он был страшно большой, самый высокий человек в колонии и худой-худой. У него были и ноги худые и шея худая, и нос худой, а все-таки это был веселый, неутомимый человек. Самое же главное – он был какой-то «не такой», как говорили пацаны. Они рассказывали о нем много смешных историй, но в то же время стаями, обуреваемые сложнейшими планами, проектами и начинаниями, ходили за ним. Видно, у Маленького был приметливый глаз. Уже на второй день он увидел Ваню, пробежавшего через двор, и закричал:

– Эй, пацан! Паца-ан!

Ваня задержался.

– А иди сюда!

– А чего?

У Маленького были такие длинные ноги, что он сделал только три шага и очутился возле Вани:

– Новенький?

С высоты, с неба, смотрело на Ваню носатое, худое лицо. Под носом что-то такое растет – не то усы, не то как будто нарочно; глаза ярко-голубые, напористые.

– Новенький? Зовут как? Ваня Гальченко? Ты перемет умеешь делать?

– Перемет?

– Перемет – рыбу ловить? Не умеешь? А радиоприемник? Тоже не умеешь? А может, ты стихи пишешь? А что же ты умеешь делать?

Ваня был смущен многими вопросами, но ему захотелось не ударить лицом в грязь, и он сказал, подняв лицо и прищутив один глаз:

– А я сделал ящик.

– Какой ящик?

– Ботинки чистить...

– Сам делал?

– Сам.

– И чистил?

– Чистил.

– Щеткой намазывал?

– Ага, маленькой такой, а потом большой.

– *И хорошо выходило?*

– *Очень хорошо. Один даже сказал спасибо. Нет, не один, а два сказали спасибо.*

– А! Видишь? Значит, мы с тобой завернем.

– Кого?

– Не кого, а дело завернем. Гребной автомобиль! Ваня Гальченко! Кажется, ты человек деловой.

И, больше не сказав ни слова, Маленький сделал в сторону несколько шагов и исчез между двумя зданиями. Через цветник, он, кажется, просто перешагнул.

Это было интересно. Гребной автомобиль! Ваня расспросил всю четвертую бригаду, но никто не знал, что такое гребной автомобиль. Слух о том, что Петр Васильевич Маленький собирается с Ваней делать гребной автомобиль, сильно взбудоражил четвертую бригаду. Оказалось, что у колонистов четвертой бригады были свои планы на Маленького: с теми в воскресенье он идет рыбу ловить в каком-то таинственном озере в десяти километрах, с другими затевает сложную игру, *называемую «смерть пленному»*, с третьими отвоевал у совета бригадиров комнату и в ней устраивает что-то.

– А кто он такой? – спросил Ваня.

– Петр Васильевич? А... он... он – никто.

– Почему никто?

– Он считается учитель, так это он учит по черчению в старших группах, а так он никто, просто себе...

Через неделю Ваня встретил Маленького в лесу. Он ходил между деревьями, заглядывал на их вершины, но Ваню сразу узнал:

– Ага! Ваня! Гребной автомобиль – замечательная вещь. Мы с тобой завтра сядем и поговорим.

Но завтра Петр Васильевич заболел, и говорили, что он заболел туберкулезом. Известие об этом с большой печалью повторялось в четвертой бригаде. И не столько таинственный гребной автомобиль, сколько сам Петр Васильевич запомнился Ване: такой большой, быстрый и занимательный и так печально заболевший туберкулезом, тоже таинственной и, кажется, смертельной болезнью...

Но, по совести говоря, больше всего нравилась Ване самая жизнь в четвертой бригаде. Было здесь по-дружески тепло, *по семейному приветливо*, интересны были все ребята, и в такой *красивой* строгости держал всех Алеша Зырянский. Каждый день хотелось Ване поскорее закончить работу и вернуться в чистую, уютную спальню, слушать, говорить, смеяться, жить. Хотелось, чтобы Алеша что-нибудь приказал, даже самое трудное, и чтоб салютнуть и *только* сказать ему:

– Есть!

3

Старые и новые счета

Игорь Чернявин каждый день работал – зачищал проножки. Руки его были покрыты ссадинами и царапинами, и рашпиль по-прежнему вызывал отвращение. Игорь не скрывал своего отрицательного отношения к работе над проножками, но считал себя обязанным ее выполнять, потому что дал слово в совете бригадиров. Однако он скрывал свой панический страх перед пчелами и мухами и с осторожным вниманием поглядывал на них, когда они прилетали к его верстаку. К счастью, через неделю после начала работы Игоря сборочный цех был переведен в помещение стадиона. Как ни плохо шла работа над проножками, Игорь к концу четырехчасового рабочего дня сдавал Штевелю тридцать проножек, а за это количество полагалось в день заработка девяносто копеек. Штевель утверждал, что такой молодой человек, как Игорь, должен сдавать в день, по крайней мере, сотню проножек, *но Игорь на это только ухмылялся.*

Работа в цехе отнимала всего четыре часа после обеда. Все остальное время проходило гораздо симпатичнее. Утром Игорь шел в школу, и там в одном из классов Николай Иванович полчаса или час занимался с ним, *а потом уходил, оставляя самостоятельно решать разные задачи.* Николай Иванович был по-прежнему всегда чисто одет, чрезвычайно вежлив и прост. За это время Игорь познакомился и с другими учителями и учительницами и заметил, что все они отличаются такой же безукоризненной вежливостью и так же чисто одеваются. Вообще учителя здесь были какие-то «не такие», да и от всей школы, помещавшейся в отдельном здании, исходил приятный запах: в школе было солидно, чисто, приветливо и даже несколько торжественно. *Игорю захотелось в ней учиться.*

Понравилась Игорю и библиотека. Она помещалась рядом с «тихим» клубом. Книг в ней было много, книги все были переплетены, стояли в порядке на полках до самого потолка, а у широких дверей с перекинутой поперек полочкой всегда собиралась очередь читателей. Библиотекой заведовала древняя старушка Евгения Федоровна, но копошились с книгами, выдавали, принимали, записывали, чертили, рисовали и мазали рекомендательные списки три колониста, и между ними главную роль играла Шура Мятникова, тонкая, очень стройная девушка. У нее смуглое лицо, *строгие брови* и большой рот.

– Прочитал? Или картинки посмотрел? – спрашивала она, и при этом в лице ее была шутливая и серьезная очень живая игра...

Игорь всегда любил читать. Бродячая жизнь отвлекла его от книг, и сейчас он с новой жадностью набросился на чтение. Проснувшись утром, приятно было вспомнить, что в тумбочке лежит книга *и что в пять часов вечера, сбросив спецовку и умывшись, можно будет отдаться ей.* Вечером Нестеренко не позволял долго читать и тушил свет в одиннадцать часов. Игорь приспособился просыпаться раньше сигнала «вставать» и часок почитать в постели. Именно с этого утреннего *сладкого* чтения начался день, который потом до самого вечера был наполнен выдающимися происшествиями.

Еще с вечера Нестеренко сказал Игорю:

– Завтра ты дежуришь по бригаде.

Игорь удивленно обрадовался:

– *Я? Дежурю? Каррамба?*

Дежурный по бригаде должен был вставать в шестом часу, чтобы к проверке успеть закончить уборку. Игорь проснулся рано, но вспомнив о «Таинственном острове», который лежал в его тумбочке, не вспомнил о дежурстве. Когда прозвенел сигнал и поднялась вся бригада, Нестеренко только ахнул:

– Что же ты со мной делаешь?

Игорь бросился к тряпкам и щеткам, но было уже поздно. Поверка застала спальню в беспорядке и Чернявина в разгар работы. Не повезло еще и в том отношении, что поверку принимал сам Захаров. Он строго нахмурился, холодно рассматривал спальню, холодно сказал: «Здравствуйте, товарищи», небрежно выслушал рапорт и спросил:

– Кто дежурит?

Игорь улыбнулся смущенно:

– Я.

– Получи один наряд.

Игорь так же смущенно улыбнулся и услышал шипение Нестеренко:

– Да отвечай же, как следует! Что это такое?

Игорь обрадовался выходу из мучительного положения, вытянулся:

– Есть, один наряд, товарищ заведующий!

После поверки Нестеренко долго еще читал Игорю нотации, по-старушечьи детально разбирал недостатки его характера и барского воспитания.

– Даже книга, даже книга, святая вещь, и та тебя с толку сбивает, а если ж ты повстречаешься с какой сволочью, что тогда будет!

Но другие товарищи не сильно осуждали. Санчо Зорин даже одобрил:

– Это хорошо, Нестеренко, чего ты испугался? Боевое крещение! Ты посуди: какой же из него будет человек, если он ни одного наряда не получит?

И Нестеренко не выдержал, улыбнулся:

– Это, конечно, верно, а только и бригаде неприятность.

В тот же день дежурил по бригаде Ваня Гальченко. У него дело прошло гораздо благополучнее и даже со славой. Все еще спали, а Ваня стоял на подоконнике и мыл стекла, тихонько насвистывая. За окном распускалось утро, внизу, в цветнике, возились с поливкой, горели на солнце окна в здании школы. Володя Бегунок давно захватил свою трубу и пошел будить дежурного бригадира Илюшу Руднева из десятой бригады. Скоро во дворе он заиграл сигнал побудки.

Ванино сердце было переполнено счастьем. Счастье шло и от утра, и от цветников, и от этой спальни, которую Ваня сегодня решил довести до блеска; счастьем веяло и от Володи, потому что Володя встретился с ним на улице, потому что Володя был несказанно прекрасен, он вставал раньше всех в колонии и всех будил, он каждое утро входил в спальню с поверкой и с привычным изяществом салютовал рапорту, он всех знал, и все его любили, а Ваня больше всех.

Продолжая работать, Ваня лукаво посмотрел на спящих товарищей. Отвечая сигналу, Филька о чем-то заговорил во сне. У окна зашуршали шаги. Снизу, из сада, Володя спросил тихо:

– Спят?

Ваня кивнул.

Через минуту тихонько приоткрылась дверь, в щель продвинулся раструб трубы. Сигнал раздался страшно громко. Алеша Зырянский мгновенно вскочил с постели, но Володи уже не было.

– Вот чертенок! Ну, я его поймаю! Ваня! Какой же ты молодец, даже окна помыл.

Ваня, краснея, выслушивает похвалу бригадира и еще сильнее натирает стекло. В двери снова просовывается серебряный раструб. Зырянский вспыхивает и крадется к дверям, но дверь распахивается. Володя налетает на Алешу, вскакивает верхом на его живот, обнимает его руками, ногами и трубой и орет:

– Ребята! Бей бригадира!

Этот крик производит магическое действие. С постелей вскакивают Филька, Петька, оба Семена, и подымается общая возня. Стоя на подоконнике, Ваня громко смеется. В дверь

заглядывает невысокий, собранный, хорошенький мальчик – дежурный бригадир Руднев, улыбается и спрашивает:

– Встаете?

После завтрака Игорь увидел Ваню:

– Ванюша, как дела?

– О! Здорово, понимаешь! Сегодня будет благодарность в приказе!

– Да ну! За что?

– А за дежурство по бригаде.

– За дежурство? Ох, ты, черт! И я получил.

– Благодарность?

– Нет, один наряд. *Только* говорят, *это к лучшему*: хорошего колониста не бывает без наряда.

– А кто это говорит?

– А это мой шеф говорит, Санчо Зорин.

– Это у тебя такой шеф? Вот у меня шеф – так шеф – Володька! *Он меня научил и как пол натирать, и как цветы поливать, и гардины, и зеркало, и окно – все!*

– *Большому кораблю большое плавание, – сказал с грустью Игорь и отправился в парк.*

Лето – школа не работает, и в парке народу много. Кто идет к пруду, кто к гимнастическому городку, а кто на скамьях расположился поуютнее и читает книжку. Игорь с книжкой в руках – причиной утреннего скандала – направился в самый далекий и тенистый уголок. На запущенной дорожке он третий раз в жизни встретил «чудесную» девушку с карими глазами. Она очень спешила, идя ему навстречу, быстро перебирала загоревшими ногами, волосы у нее были еще мокрые после купания. Девушка подняла на Игоря глаза, такие, как и раньше, прекрасные, с золотисто-синим блеском, но не смутилась, что-то вспомнила, задорно улыбнулась.

Игорь стал на ее дороге. Она отступила назад и *машинально* руку подняла к лицу.

– Не бойтесь, мисс, не бойтесь. Скажите только ваше имя.

– А на что вам?

– Я хочу с вами познакомиться, а меня зовут Игорь.

– Ну так что?

– Ничего, конечно, особенного. Просто – Игорь.

Девушка попыталась обойти его сбоку. Юбочка на ней была поношенная.

– Скажите ваше имя, миледи, я же больше ни о чем не прошу.

Девушка остановилась, поднесла кулачок к губам:

– Вы... мух боитесь.

Игорь вдруг вспомнил, при каких бедственных обстоятельствах он встретил эту девушку в последний раз, и покраснел. Она заметила его смущение, опустила руку, двинулась вперед. Игорь уступил ей дорогу. Она быстро оглянулась на него, сверкнула зубами:

– А меня зовут Оксана!

Игорь всплеснул руками:

– Боже мой, какое имя! Оксана!

Но девушка была уже далеко, только ноги ее светло и быстро мелькали на запущенной дорожке.

– Чего ты? – окликнули Игоря сзади. Игорь оглянулся. Это был Володя Середин. Сын старого инженера, он и в колонии старался не терять «интеллигентности» – по-пижонски крепко сжимал склонные к улыбке губы, как-то особенно высоко задирает голову.

– Ты не знаешь, что это за девчонка? Она ведь не колонистка!

Середин ответил с небольшим возмущением:

– Какая там колонистка! Прислуга!

– Не может быть?!
– Почему не может быть?
– Прислуга?
– Ну да, прислуга. Здесь за прудом дача... дом просто. Она там прислуга.
– А кто же там хозяин?
– Там не хозяин, а черт его знает... адвокат какой-то.
– А ты откуда знаешь?
– Ты спроси у Гонтаря. Он в эту девчонку влюблен.
– Влюблен? Да ну?
– Еще как влюблен. Он для нее и прическу сделал. Он тебе ребра переломает.
Игорь тронул Середина за рукав:
– Сэр! Дело не в ребрах. Дело, понимаешь... если он адвокат, так почему она так одевается?

– Я не знаю. Гонтарь думает, что он ее для огорода держит. Свои овощи, понимаешь, только не сам работает, а занимается эксплуатацией – Оксана работает. Батрачка. А ей только пятнадцать лет. Сволочь!

Середин смотрел на Игоря умным, спокойным взглядом, и слово «сволочь» особенно сочно звучало в его культурном выговоре.

Они направились к главному зданию. Игорю хотелось еще расспросить Середина об Оксане. Дежурный бригадир Руднев стоял на крыльце с блокнотом в руках. Увидев Игоря, он сказал:

– Чернявин! У тебя есть один наряд. Вот эту дорожку нужно подмести и посыпать песком. Работы здесь на полчаса, а у тебя как раз один наряд. Сдашь мне к обеду.

Игорь не забыл стать смирно и *отдать салют*:

– Есть, выполнить один наряд, сдать к обеду.

Но забыл спросить, чем нужно подметать и где взять песок. Руднев ушел. Игорь осмотрелся. И Середина уже не было возле него.

Через полчаса Игорь *уже* работал на дорожке. В руках у него были три гибких прутика, и как он ни царапал ими дорожку, они не в силах были зацепить мелкий сор. Проходивший мимо Нестеренко остановился:

– Это наряд?

– Да.

Откуда-то взялся Ваня Гальченко. Нестеренко пренебрежительно надул полные щеки:

– Так... кто же это... прутиком?

– А чем?

– Что ты за человек? Веник сделай!

Нестеренко еще секунду молча смотрел на Игоря, неодобрительно пожал плечами, ушел. Игорь оглянулся на Ваню, покраснел. Ваня убежал.

Игорь *прекратил работу*, задумался. Еще царапнул два раза. Собственно говоря, против наряда он ничего не имело, но дайте же орудия производства! На дорожке были мелкие веточки, два-три старых окурка, лепестки цветов. Вся эта мелочь никак не хотела поддаться прутику. Игорь еще раз беспомощно оглянулся и увидел Ваню. Ваня бежал к нему вприпрыжку, и в руках у него был великолепный веник.

– Ваня! Вот спасибо! Где ты такой веник достал?

– А нарвал. Сколько хочешь!

– Давай я буду сам.

– Ты подметай, а я пойде песка принесу.

Через двадцать минут Игорь и Ваня заканчивали работу, посыпая дорожку из одного ведра. Захаров вышел из-за угла здания:

- Гальченко, помогаешь?
- Это так... немножко. Он все.
- Ты – хороший товарищ!

Ваня поднял голову, но Захаров уже ушел. У него была тонкая талия и хорошие, блестящие сапоги.

- Новенького ведут, – сказал Игорь.

Ваня посмотрел вдаль по шоссе. Действительно, было видно, что один из идущих – милиционер.

- Меня тоже с милиционером. А нехорошо с милиционером.

Ваня не ответил, деловым взглядом осмотрел работу.

- Надо здесь досыпать, а то получилась лысина.

- А куда мы песок денем? Остаток?

- Давай на этой дорожке приберем. Она маленькая.

Игорь не возразил. Они в десять минут убрали небольшую поперечную дорожку. Игорь взял ведро и направился к главному входу, где как раз дежурный бригадир Руднев расписывался в книге милиционера. Пока друзья подошли к ним, милиционер уже козырнул и направился в город.

- Товарищ дежурный бригадир, наряд выполнил.

- Сейчас посмотрю, вот только этого сдам Торскому.

Игорь посмотрел на новенького и остолбенел: перед ним стоял Гришка Рыжиков. Ваня Гальченко, глядя на Рыжикова, давно уже задохнулся в удивлении и даже рот открыл. Рыжиков развязно улыбался, но заговорить не решался. Заговорил Игорь:

- *Этого гада в колонию? Я его сейчас с лица земли сотру!*

Руднев протянул руку, чтобы остановить Игоря, но Игорь уже схватил Рыжикова за воротники и скрутил его тугим жгутом вокруг горла.

– *Мокрица! Вонючий клоп! Ограбить такого пацана! – с гневом и презрением выговаривали живые, длинные губы Игоря.*

– Да пусти, – захрипел Рыжиков, цепляясь своими грязными пальцами за пальцы Игоря.

- *Я тебя уничтожу...*

Игорь уже занес кулак другой руки над головой Рыжикова, но в этот момент Руднев с силой схватил Игоря за пояс и повернул к себе:

- Товарищ Чернявин! К порядку!

Игорь не мог не оглянуться на этот окрик, а, оглянувшись, увидел сразу и белый воротник, и золотисто-серебрянный вензель, и яркий шелк повязки. Он выпустил Рыжикова и стал «смирно». Руднев посмотрел на Рыжикова, как показалось Игорю, с гадливостью, но Игорю сказал сурово, негромко и властно:

- В колонии нельзя сводить старые счета, товарищ Чернявин!

И в тоне¹⁸⁰ этого *хорошенького* мальчика, в его сведенных насильно бровях, в ясном взгляде, в том уважении, с которым было сказано слово «товарищ», Игорь почувствовал нечто совершенно непреодолимое. Он поднял руку *с глубокой радостью*:

- Есть, не сводить старые счета, товарищ дежурный бригадир!

Руднев уже уводил Рыжикова в дом. Игорь никак не мог прийти в себя, но о Рыжикове уже забыл: он только сейчас почувствовал, как это удивительно¹⁸¹, что он мог с такой готовностью *и радостью* подчиниться маленькому Рудневу...

Ваня *вдруг* вышел из оцепенения и трепыхнулся рядом с ним...

---

¹⁸⁰ В оригинале «в устах».

¹⁸¹ В оригинале «замечательно».

4

Дружба на всю жизнь

Ваня заметил Володю Бегунка на другом конце двора и побежал рассказать ему о своем несчастье. Прибытие Рыжикова как будто закрыло солнце, светившее над колонией. Мрачные тени легли теперь на все эти здания и на лес, и на пруд, и даже на четвертую бригаду. Рыжиков в колонии – это было оскорбительно!

Володя нахмурил брови, напряжинил глаза, расставив босые ноги, терпеливо выслушал взволнованный Ванин рассказ:

– Так это тот самый, который тебя обокрал? Так чего ты сдрейфил?

– Так он же теперь в колонии! Он теперь все покрадет!

– Ха! – Володя показал на Ваню пальцем. – Испугался. Обкрадет! Думаешь, так легко обокрасть? Пускай попробует! А ты думаешь, тут мало таких было? Ого! Сюда таких приводили, прямо страшно.

– А где они?

– Как где? Они здесь, только они теперь уже не такие, а совсем другие.

Они пошли в парк. Ни они, ни Игорь Чернявин не видели, как к главному зданию подкатил легковой автомобиль. Из него вышли две женщины и с ними – Ванда Стадницкая. Дежурный бригадир Илюша Руднев, выбежавший к ним навстречу, бросил быстрый взгляд на Ванду и увидел, какая она красивая. Сейчас у Ванды волосы совсем белокурые, чистые, они даже блестят, и на волосах – синий берет. И на ногах не хлюпающие калоши, а чулки и черные туфли. И лицо у Ванды сейчас оживленное, *почти счастливое*, она оглядывается на своих спутниц и *улыбается им*. Официальный блеск дежурного бригадира Ванда встречает дружеской улыбкой.

К сожалению, в настоящий момент Руднев не может ответить ей такой же улыбкой. Он поднимает руку и спрашивает с приветливой, но настороженной вежливостью:

– Я дежурный бригадир колонии. Скажите, что вам нужно.

Полная, с ямочками на щеках, с пушистыми черными бровями, видно, веселая и добрая женщина, так засмотрелась на хорошенького Руднева, что не сразу даже ответила. Засмеялась.

– Ага, это вы такой дежурный. А нам начальника нужно.

– Заведующего?

– Ну, пускай заведующего.

– По какому делу?

– Ну что ты скажешь – она обернулась к другой женщине, такой же полной, но солидно, немного даже строго настроенной. – Значит, обязательно вам сказать?

– Да.

– Хорошо. Мы привезли к вам девушку... вот... Ванду Стадницкую. А сами мы из партийного комитета завода им. Коминтерна. И письмо у нас есть.

Руднев показал дорогу:

– Пожалуйста.

Часовой у дверей, тоненький белокурый Семен Касаткин, чуть заметным движением глаз спросил Руднева и получил такой же еле ощутимый ответ. *Попросил:*

– *Будьте добры, вытрите пыль на ботинках.*

– *Да мы на машине...*

– *Пожалуйста, очень прошу.*

И он проводил их к смоченной водой тряпке.

– *Ну, что ты с ними сделаешь, – воскликнула первая женщина.*

Ванда улыбнулась Касаткину благодарно и застенчиво. Сделав все, что нужно, они пошли по коридору.

Руднев открыл дверь в комнату совета бригадиров, но отступил, пропуская выходящих. *Еще с улыбкой, сохранившейся от Касаткина*, Ванда подняла глаза: вдруг побледнела, слабо вскрикнула, повалилась на окно:

– Ой!

Рыжиков, нахально улыбаясь, прошел мимо. Руднев сказал ему:

– Подожди здесь, я сейчас. Пожалуйста. Витя, это к Алексею Степановичу.

Все обернулись к Ванде, предлагая ей пройти, но Ванда сказала, опустив голову:

– Я никуда не пойду.

Рыжиков стоял на отлете, руки держал в карманах, смотрел с необъяснимой насмешкой. Виктор опытным глазом оценил положение.

– Руднев, забирай его!

Руднев, ухватив за рукав, повернул Рыжикова лицом к выходу. Витя пригласил:

– Заходите.

– Никуда я не пойду. – Ванда еще ниже опустила голову, а когда Рыжиков скрылся в вестибюле, она с опозданием бросила ему вдогонку ненавидящий взгляд, потом отвернулась к открытому окну и заплакала.

Женщины растерянно переглянулись. Витя мягко подтолкнул их в комнату:

– Посидите здесь, а я с ней поговорю.

Женщины послушно вышли. Витя закрыл за ними дверь, потом осторожно взял Ванду за плечи, заглянул в лицо:

– Ты этого рыжего испугались? Ты его знаешь?

Ванда не ответила, но плакать перестала. Платка у нее не было, она размазывала слезы рукой.

– Чудачка ты! Таких хлюстов бояться – жить на свете нельзя.

Ванда сказала в угол оконной рамы:

– Я его не боюсь, а здесь все равно не останусь.

– Хорошо. Не оставайся. Машина ваша стоит. А только можно ведь зайти в комнату?

– Куда зайти?

– Да вон к нам.

Ванда помолчала, вздохнула и молча направилась к двери. В комнате совета бригадиров она хотела задержаться, но Витя прямо провел ее в кабинет к Захарову.

Алексей Степанович удивленно посмотрел на Ванду, Ванда отступила назад, вскрикнула:

– Куда вы меня ведете?

– Поговорите там, Алексей Степанович, женщины... две...

Захаров быстро вышел. Ванда испуганно глянула ему вслед, упала на широкий диван и на этот раз заплакала с разговорами:

– Куда вы меня привели? Все равно не останусь. Я не хочу здесь жить! *Ой, Боже мой!*

Почему надо мной все издеваются?! И какое вы имеете право издеваться?

Она два раза бросалась к двери, но Витя молча стоял на дороге, она не решилась его толкнуть. Потом она тихо плакала на диване. Витя видел в окно, как ушел в город автомобиль, и только тогда сказал:

– Ты зря плачешь, теперь все будет хорошо.

Она притихла, начала вытирать слезы, но вошел Захаров, и она снова зарыдала. Потом вскочила с дивана, сдернула с себя берет, швырнула его в угол и закричала:

– Советская власть! Где Советская власть?

Стоя за письменным столом, Захаров сказал:

– Я – Советская власть.

И Ванда закричала, некрасиво вытягивая шею:

– Ты? Ты – Советская власть? Так возьми и зарежь меня! Возьми нож и зарежь, я все равно жить больше не буду.

Захаров не спеша, основательно уселся за столом, разложил перед собой принесенную бумажку, произнес так, как будто продолжал большой разговор:

– Эх, Ванда, мастера мы пустые слова говорить! И у меня вот... такое бывает... А покажи, какая у тебя беретка. Подними и дай сюда.

Ванда посмотрела на него тупо, села на диван, отвернулась.

Витя поднял берет, подал его Захарову.

– Хорошая беретка... Цвет хороший. А наши искали, искали и не нашли. Интересно, сколько она стоит?

– Четыре рубля, – сказала Ванда угрюмо.

– Четыре рубля? Недорого. Очень хорошенькая беретка.

Захаров, впрочем, не слишком увлекался беретом. Он говорил скучновато, не скрывал, что берет его заинтересовал мимоходом. Потом кивнул, Витя вышел. Ванда направила убитый взгляд куда-то в угол между столом и стеной. Поглаживая на руке берет, Захаров подошел к ней, сел на диван. Она отвернулась.

– Видишь, Ванда, умереть – это всегда можно, это в наших руках. А только нужно быть вежливой. Чего же ты от меня отворачиваешься? Я тебе зла никакого не сделал, ты меня не знаешь. А может быть, я очень хороший человек. Другие говорят, что я хороший человек.

Ванда с трудом навела на него косящий глаз, угол рта презрительно провалился:

– Сами себя хвалите...

– Да что же делать? Я и тебе советую. Иногда очень полезно самому себя похвалить. Хотя я тебе должен сказать: меня и другие одобряют.

Ванда наконец улыбнулась попроще:

– Ну, так что?

– Да что? Я тебе предлагаю дружбу.

– Не хочу я никаких друзей! Я уже навидалась друзей, ну их!

Захаров поднялся с дивана, прошелся по кабинету, постоял перед картинами, которых много висело в кабинете, потом залез за стол.

– Какие там у тебя друзья! Я уже знаю. Я тебе предлагаю серьезно: большая дружба и на всю жизнь. На всю жизнь, ты понимаешь, что это значит?

Ванда пристально на него посмотрела, прошептала:

– Понимаю.

– Где твои родители?

– Они... уехали... в Польшу. Они – поляки.

– А ты?

– Я потерялась... на станции, еще малая была.

– Значит, у тебя нет родителей?

– Нет.

– Ну, так вот... я тебе могу быть... вместо отца. И я тебя не потеряю, будь покойна. Только имей в виду: я такой друг, что если нужно, так и выругаю. Человек я очень строгий. Такой строгий, иногда даже самому страшно. Ты не боишься? Смотреть я на тебя не буду, что ты красивая.

У Ванды вдруг покраснели глаза, она снова отвернулась, сказала очень тихо:

– Красивая! Вы еще не знаете, какая.

– Голубчик мой, во-первых, я все знаю, а во-вторых, и знать нечего. Чепуха там разная.

– Это вы нарочно так говорите, чтобы я осталась в колонии?

– А как же... Конечно, нарочно. Я не люблю говорить нечаянно, всегда нарочно говорю. И верно: хочу, чтобы ты осталась в колонии. Очень хочу. Прямо... ты себе представить не можешь.

Он вылез из-за стола и подошел к ней.

– А знаешь, что? Оставайся. Хорошо заживем. Вот увидишь.

Она подняла к нему внимательные, недоверчивые глаза, а он смотрел на нее сверху, и было видно, что он и в самом деле хочет, чтобы она осталась в колонии. Она показала рукой на диван рядом с собой.

– Вот садитесь, я вам что-то скажу.

Он молча сел.

– Знаете что?

– Возьми свою беретку.

– Знаете что?

– Ну?

– Я сама очень хотела в колонию. А меня тут... один знает... Он все расскажет.

Захаров положил руку на ее простоволосую голову, чуть-чуть провел рукой по волосам:

– Понимаю. Это, знаешь, пустяк. Пускай рассказывает.

Ванда со стоном вскрикнула:

– Нет!

Посмотрела на него с надеждой. Он улыбнулся, встряхнул головой:

– Ни за что не расскажет.

В кабинет ворвался Володя Бегунок, остолбенел перед ними, удивленно смутился:

– Алексей Степанович, Руднев спрашивает, не нужно ему новенькую девочку... тот... принимать?

– Не нужно. Клава примет. Пожалуйста: одна нога здесь, другая там, позови Клаву.

– Есть!

Володя выбежал из кабинета, а Ванда прилегла на боковине дивана и беззвучно заплакала. Захаров ей не мешал, походил по комнате, посмотрел на картины, снова присел к ней, взял ее мокрую руку:

– Поплакала немножко. Это ничего, больше плакать не нужно. Как зовут того колониста, который тебя знает?

– Рыжиков!

– Сегодняшний!

Влетел в комнату Володя, снова быстро и с любопытством взглянул на Ванду, что не мешало ему очень деловито сообщить:

– Клава идет! Сейчас идет!

– Ну, Володя! Вот у нас новая колонистка! Видишь, какая грустная? Ванда Стадницкая.

– Ванда Стадницкая? Вот здорово! Ванда Стадницкая?

– Чего ты?

– Да как же! А Ванька собирается в город идти... искать тебя. И я тоже.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.